

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

ЗАПОМНИ МЕНЯ НАВСЕГДА

САБИН ДЮРАН

Annotation

День, когда муж Лиззи Хопкинс погиб в автокатастрофе, стал самым несчастным в ее жизни. Она потеряла мужчину, о котором мечтает каждая, – верного, любящего, красивого, успешного и честного...

Однако год спустя, когда Лиззи приезжает на место гибели мужа, она находит... букет. А с ним – записку от неизвестной женщины.

Возможно, произошла какая-то ошибка? Лиззи решает докопаться до правды. Однако чем больше она узнает, тем яснее понимает: ее муж был вовсе не тем, кем казался. Под маской идеального мужчины скрывался другой человек. Человек, который, возможно, вовсе не погиб, а просто инсценировал свою смерть...

- [Сабин Дюран](#)

- - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
-

Сабин Дюран

Запомни меня навсегда

Посвящается Б. С., Дж. С. и М. С.

Теперь я понимаю, почему боль утраты воспринимается как страх перед неизвестностью.

К. С. Льюис

Зак

Я стоял неподалеку и наблюдал за ней через окно школьной библиотеки. Горел свет, она прошла мимо окна дважды. В третий раз она облокотилась на подоконник и выглянула на улицу. Смотрела прямо на меня и не видела: я прислонился спиной к дереву, надежно укрывшись за густыми ветвями. Уже собирался шагнуть вперед, как вдруг рядом с ней возник мужчина, и она, смеясь и запрокинув голову, обернулась. Я представил, как он целует ее в изгиб шеи, где пульсирует вена, она прикрывает глаза, он сжимает ее грудь...

Если она с кем-нибудь сойдется, если забудет все, что было между нами, я ее убью!

И пусть пеняет на себя...

Глава 1

Лиззи

Февральские каникулы 2013

Глубокий вдох. Пахнет бензином и гниющими водорослями, во рту привкус соли. Море совсем рядом. На лице морось и брызги из-под колес проезжающих мимо автомобилей. В руках я сжимаю цветы, словно невеста перед венчанием. Я долго колебалась и выбрала гиацинты. Синие. Зак говорил, что букет непременно должен быть однотонным. Стебли я обмотала мокрым бумажным полотенцем и целлофаном. То ли слишком сильно намочила бумагу, то ли в пакете дырочка – по руке к локтю течет вода.

За шоссе – покрытый травой косогор, рощица, тень соседнего холма. Над ним бурое небо цвета грязной овечьей шерсти, темные пятна облаков, кое-где проглядывают лучи заходящего солнца. Я цепляюсь за эти детали, потому что знаю: на другой стороне проезжей части, чуть левее, находится то самое место. Я вижу его краем глаза – посмотреть прямо не решаюсь. Пока.

Сегодня День святого Валентина, ровно год спустя после автокатастрофы, в которой погиб мой муж. Я в двухстах милях от дома, возле магистрали посреди Корнуолла. Для меня эта поездка – конец старого или начало нового, сама не знаю. Все кругом твердят, что пора начать жить дальше. Стараюсь им верить.

Дождавшись просвета в потоке машин, я перебегаю через шоссе и оглядываюсь. Мой «Ниссан Микра» стоит на полосе временной стоянки, покачиваясь от обратной тяги несущихся мимо грузовиков. Из окна салона за мной наблюдает мой пес. Такое чувство, будто за мной следят. Наверное, просто кажется: место уединенное, никто и не думает здесь останавливаться. Либо я испытываю вину, причин для этого предостаточно. Но главное – я слишком долго откладывала эту поездку.

Прийти на место аварии, оставить цветы – обычное дело. Вдоль дорог полно столбиков с примотанными целлофановой пленкой букетами в память о погибших велосипедистах. Необычно то, что я так долго не могла этого сделать. В ночь аварии инспектор Морроу, сообщившая мне о гибели мужа, была готова отвезти меня туда; патрульная машина стояла у дверей.

Пегги воспротивилась. Моя сестра заявила Морроу, что заберет меня к себе, потому что пять часов езды в дождливый, продуваемый всеми ветрами Корнуолл и обгоревшие обломки машины на пустынной дороге окончательно сведут меня с ума. В другой раз. Зак умер, и я уже ничем не смогу ему помочь.

Подробности мне сообщили практически сразу. Незадолго до аварии Морроу прошла курсы психологической помощи семьям погибших в результате несчастного случая или суицида и принялась отрабатывать на мне полученные знания. Насколько я поняла, шансов выжить у Зака не было: туман с моря и мокрая дорога, крутой поворот и автомобиль с откинутым верхом, на пассажирском сиденье – пара бутылок его любимого однобочкового солодового виски, в багажнике масляные краски и перепачканные тряпки плюс толстое дерево на краю дороги – все сходится.

Я никак не могла решиться на эту поездку, и никто меня не осуждал. Зак очень любил Корнуолл. После него остался домик, которым мне предстояло заняться. Рано или поздно я бы туда все равно поехала. Шли дни, недели, а во мне рос страх. Я боялась опустевшего бунгало и чувства утраты, которое обрушится на меня с новой силой.

Меня бьет дрожь. Облака сгущаются. Пронизывающий ветер треплет полы пальто. Надо заканчивать поскорее и возвращаться к машине, пока не стемнело. Мотоцикл с ревом обгоняет грузовики, я отшатываюсь. Дома, в двухстах милях отсюда, затея казалась мне правильной, теперь от нее попахивает безумием.

Я пробираюсь по узкой обочине между белой линией разметки и железным ограждением. Медленно, шаг за шагом. Говорят, так и нужно выбираться из сложных ситуаций. Шаг за шагом. Я внимательно смотрю под ноги на усыпанную мусором землю: обертка от гамбургера, измазанная кетчупом, использованный презерватив, блестящий в грязной траве. Застрявший в ограждении пенопластовый стаканчик из-под кофе издает хлопок на ветру каждый раз, когда мимо проносится машина. Я подхожу к повороту и слышу гудок – то ли предупреждение, то ли изумление при виде сумасшедшей, бредущей по шоссе с охапкой цветов.

Добравшись до места, я кладу гиацинты на землю. Так правильно? Или следует прикрепить их повыше? Надо было думать раньше, хоть бы клейкую ленту догадалась взять! Зак обязательно бы так и сделал. Впрочем, мой приход вряд ли обрадовал бы его – он счел бы его не данью памяти, а оскорблением. Зак ненавидел сентиментальность в любых проявлениях. Даже юбилейные даты. Он решил бы, что я мыслю по стандарту или пошла на поводу у друзей.

«Кто тебе насоветовал, Лиззи Картер?!»

Я разглядываю дерево, его темные ветви, как жилы на фоне серого неба. В придорожных кустах зияет старый прогал, хотя на концах измочаленных побегов сидят бледно-зеленые почки. Мне больно от того, как быстро оправился боярышник – будто ему все напочем. Я оглядываюсь, перешагиваю через аварийное ограждение, и вот он дуб, высокий и величавый, несмотря на глубокую рану в грубой коре.

Дерево Зака. Я провожу рукой по шершавому стволу, прислоняясь к нему головой. Накатывают слезы.

Моя подруга Джейн считает, что мне не следовало сюда ехать. В ответ на заверения, что я справлюсь, она расхохоталась. Дурачась, я просюююкала пару фраз из книжки для тех, кто перенес утрату, которую мне вручила сестра: для меня это «ритуальная поездка», цель которой – «церемония возложения цветов». Я не стала говорить всю правду – какие смешанные чувства я испытываю, как мне тяжело и как важно избавиться от призраков прошлого.

Неужели боль утраты повергает в такую растерянность всех – или это только мне «повезло»? Бывают дни, когда я смиряюсь с его смертью и хожу будто в воду опущенная. Повседневные дела вроде мытья посуды или оплаты счетов вызывают отвращение. Меня тошнит от голубей, что гнездятся напротив окна спальни, меня раздражают спешащие в школу дети. Даже мелочи выбивают из колеи. На прошлой неделе по Норткоутроуд пронесся велосипедист в белом шлеме, и мне стало настолько плохо, что ноги подкосились. Пришлось сесть прямо на тротуар рядом с магазином «Кэпстик-спорт». Бывают дни, когда я забываюсь. Чувствую себя свободной и почти беззаботной, и вдруг накатывает волна жгучего стыда, от которой не знаешь куда деваться. На смену бодрости приходят апатия и депрессия. Я снова забрасываю все дела.

Стоя здесь, я чувствую себя ближе к нему. Для того я и приехала. Я впервые осознаю, что он действительно умер. Как бы ни было трудно, я должна его отпустить, ведь он был любовью всей моей жизни, несмотря ни на что! Пегги права. Этого мужчину я любила сильнее и дольше всех, с ним я провела больше всего минут, часов, дней... Я закрываю глаза, пытаясь сдержать слезы, и гадаю, удастся ли избавиться от навязчивых мыслей.

Под ногами что-то хрустит. Я опускаю голову и вижу возле корней дерева букет. Лилии сорта Касабланка в простой целлофановой обертке, привязаны к стволу широкой фиолетовой лентой.

Я отступаю на шаг. Первая мысль: еще одна авария. Несчастливое место! Дорога делает крутой поворот, можно запросто слететь с шоссе.

Особенно в туман или дождь.

Чужие цветы приводят меня в замешательство. Я не знаю, куда положить свои гиацинты. Лилии выглядят безупречно и значимо. Стою и не знаю, что делать. Несмотря на неприязнь к ритуалам, Зак вряд ли захотел бы видеть рядом чужие цветы. И тут я замечаю записку. На белом листе нарисовано сердце, вокруг него чье-то имя – ХАННА. Наверху большими черными буквами написано: ДЛЯ ЗАКА.

Честное слово, сначала я подумала: надо же, какое совпадение! Кто-то еще по имени Зак попал в аварию и умер на этом самом месте. Интересно, его машина тоже превратилась в «огненный шар», как выразилась инспектор Морроу?

Наконец, сообразив в чем дело, я кладу цветы на землю, чуть поодаль. Встаю, в полном трансе прохожу через прогал в зарослях боярышника, перешагиваю аварийный барьер и бреду обратно к машине, опустив голову. Подняв взгляд, неожиданно замечаю серебристый внедорожник, припаркованный вплотную к моей «Микре».

Сердце замирает. Пытаюсь перебежать через дорогу, хотя ноги не слушаются. Из-за поворота несутся машины и возмущенно гудят. Юбка треплеться на ветру, концы шарфа закрывают лицо. Визг тормозов, рев клаксона. Порыв воздуха, холодные брызги из-под колес.

Кое-как открыв дверцу, падаю на сиденье. Пес радуется мне, лижет руки, виляет хвостом и в то же время пытается вырваться. В зеркале заднего вида – серебристый внедорожник. Водитель втянул голову в плечи и выруливает на шоссе. Должно быть, останавливался узнать дорогу или позвонить. Или нет?

Смотрю на себя в зеркало: веки покраснели, на щеке царапина. Глажу Говарда по голове, зарываюсь пальцами под ошейник и трогаю складки на шее. Стараюсь не расплакаться.

Нарисованное сердечко. Ханна. Он никогда не упоминал ни о какой Ханне.

Острый приступ ревности смешивается с застарелой тоской, но, как ни странно, впервые за долгое время я не чувствую себя виноватой. У него была другая. В горле ком и привкус горечи, и все же я испытываю неожиданное облегчение.

В роли Купидона выступил Интернет. Я этого не стыжусь. А вот моя сестра Пегги пересчур озабочена приличиями, поэтому заявила, что дело было не так. Якобы все началось со случайной встречи в супермаркете.

– Говорите всем, что вы столкнулись, выбирая свежие фрукты, –

велела она. – Потянулись к одному и тому же ананасу или типа того.

– Либо к готовым блюдам, к примеру, – сказала я.

– Ага, выбирали свиные фрикадельки от «Мистера Брэйнса», – кивнул Зак и улыбнулся. – Или что-то подобное.

Сначала я относилась к нему настороженно. Я не понимала, что Зак во мне нашел. Увидев, как он пытается понравиться Пегги и шутит с нею на кухне, я позволила себе влюбиться.

Зарегистрироваться на сайте знакомств меня уговорила Джейн, живущая в счастливом браке с мужем, которого знает с детства. С тех пор как мы с ней познакомились в колледже, я всегда была девушкой одинокой (кроме короткого романа, случившегося со мной лет в двадцать). Мы работали в одной школе, куда она же меня и устроила библиотекарем, и на каждой перемене Джейн возвращалась к этой теме.

– Времена изменились! В этом нет ничего предосудительного. Просто выбери веб-сайт, указанный в солидной газете. Там ты найдешь правильного мужчину. Как бы тебе объяснить... – Она нетерпеливо всплеснула руками, подыскивая подходящее слово. – Образованного!

Иногда Джейн забывает, что в отличие от нее я не училась в университете.

В своей анкете я хотела написать следующее: одеваюсь небрежно, работаю библиотекарем, других умений и навыков нет, в одиночку ухаживаю за больной матерью (сенильная деменция), опыт романтических отношений скромный. Джейн решила иначе. Отпихнув меня от компьютера, она выдала: друзья считают меня веселой и компанейскойискательницей приключений, обожаю путешествовать по всему свету, чувствую себя одинаково удобно и в джинсах, и в маленьком черном платье.

– У меня и платья-то нет!

– И что с того?

Зак был шестым по счету. Художник, живет в Брайтоне – гораздо дальше пятимильного радиуса, который я для себя установила. Шансов встретиться было мало. Он позвонил и пригласил на прогулку. Считается, что отправляться на прогулку вдвоем – довольно рискованно, лучше встречаться в людных местах. Зак с самого начала показал, что ему плевать на правила. Остальные кандидаты писали мне длинные электронные письма. Чтобы лучше узнать друг друга, мы обсуждали преимущества жизни в городе и в сельской местности, сексуальное общение и дружеские отношения. Зак спросил, можно ли мне позвонить. К тому же вместо нелепых ников вроде «Ищу_Любовь_007» он использовал свое настоящее

имя – Зак Хопкинс.

На фото он не был ни на лыжах, ни рядом со стаинным автомобилем. Он не обнимал немецкую овчарку. Черно-белая фотография, чуть-чуть не в фокусе, снята в движении. Рот приоткрыт, вид немного хмурый и сосредоточенный, будто он разгадывает кроссворд. Вроде бы вполне обычное фото и выбрано случайно, хотя, как я поняла гораздо позже, в жизни Зака ничего не было ни обычным, ни случайным.

На прогулку я согласилась без колебаний. Низкий уверенный голос, чуть насмешливый тон. Он сразу перешел к делу. Зак очаровал меня буквально с первой минуты, ошеломил решительностью.

От Брайтона до Клэпхема он добрался на поезде, я ждала его у нового выхода со станции и очень нервничала. Стоял ноябрь, небо было затянуто тучами, на воздухе свежо, но не холодно. Зак надел меховую шапку и теплое пальто поверх мешковатого льняного костюма. По дороге я с трудом сдерживала Говарда, пришедшего в дикий восторг от этой шапки, а Зак признался, что потратил уйму времени на выбор одежды.

– Хотел произвести на тебя впечатление. Ведь ты обожаешь путешествовать по всему свету! – Он чуть поклонился. – Еще мне хотелось придать нашей встрече нотку экстравагантности, которую мы оба потом вспоминали бы. Представляешь, когда-нибудь и ты спросишь: «А помнишь ту меховую шапку, что ты надел на наше первое свидание? И о чем ты только думал?» Вдобавок у меня есть дополнительное преимущество, – он принял соответствующую позу, – пальто выгодно подчеркивает мое спортивное телосложение!

Зак был настолько красив, что при разговоре с ним я терялась. Широкие плечи, проницательный взгляд синих глаз, высокий рост. На предыдущем свидании, сидя в кафе «Старбакс» с мистером Хорошим Парнем, инженером электросвязи в «Кристалл палас», я увидела наше отражение в зеркале. Покатые плечи, лица бесстрастные и при этом беззащитные. Будто две черепахи без панцирей. Я не понимала, что Зак делает рядом со мной. Зачем ему тратить на меня время? В его речи чувствовалась легкая нервозность, он явно пытался форсировать события и поскорее слизиться. Он был прямой противоположностью беззащитной черепахи, эмоции у него были ключом.

– Телосложение у тебя отличное, – наконец пробормотала я.

Не успели мы подойти к перекрестку на Южной Кольцевой, как Зак взял меня за руку и сунул ее к себе в карман, чтобы согреть.

Это самое яркое впечатление нашей первой встречи: теплые загрубевшие пальцы, сухие от масляных красок и растворителя,

потрескавшаяся ладонь. Я вспоминаю вовсе не его разговорчивость, не пальто и нелепую шапку. Во время прогулки он не просто держал мою руку в своей. Он поглаживал ее большим пальцем, будто мясо перед покупкой ощупывал.

Позже, когда мы узнали друг друга ближе, он рассказал о трудном детстве и о своих проблемах с доверием. Как проникновенно он смотрел в глаза – у меня тело плавилось от его взгляда! Зак признался, что знакомиться в Интернете его заставило вовсе не одиночество. Одинокие женщины попадались буквально на каждом шагу, но он искал чего-то нового. Ему хотелось начать с самого начала.

Я поворачиваю ключ зажигания и трогаюсь. Движение на дороге плотное. Конец субботнего дня, местные возвращаются с футбольного матча. С полей наползают сумерки. Мне нужно проехать еще двадцать миль – я обещала Джейн, что доберусь до домика Зака засветло. Только она знает, как страшно мне туда возвращаться.

Я выбираю длинную дорогу: обходная через Бодмин, потом по главной до Уэйбриджа. Две стороны треугольника. Этим путем Зак ездил в Галлз, пока не нашел более короткий маршрут. Морроу выяснила, что год назад Зак проскочил нужный съезд и свернул на следующей кольцевой развязке. Морроу предполагает, что он выпил. Зак наверняка был очень уставшим, ведь днем раньше он засиделся допоздна с арт-дилером в Эксетере, провел беспокойную ночь в гостинице и потом целый день писал свои картины на болотах.

Я вспоминаю последний раз, когда видела его живым – утром накануне аварии. Маленькая кухонька в Вандсуорте. По радио передавали результаты дополнительных выборов в Хэмпшире. Я опаздывала на работу, с опаской набросила пальто, взяла собачий поводок, нахлобучила шляпку. На пути к двери Зак схватил меня за рукав. Зрачки его были сужены, радужка посветлела. Похоже, настроение его резко изменилось.

– Я тебя люблю! – страстно воскликнул он, притягивая меня к себе. – Ты ведь знаешь?

– Знаю, – ответила я. Никогда в этом не сомневалась.

– Потому что это действительно так. Я люблю тебя!

Он страстно поцеловал меня в губы. Я почувствовала вкус кофе, мяты и вчерашнего виски. Как всегда, я поддалась, ноги ослабели, сил сопротивляться не было. Внутри все сжалось, на глаза навернулись слезы. Если бы он коснулся губами ямки на шее, я наплевала бы и на работу, и на страх и поднялась бы с ним в спальню.

– Извини, что положила в курицу грибы, – сказала я.

– Я думал, ты знаешь, – ласково ответил он.

– Как я могла забыть! Извини, что задержалась вчера. Пегги беспокоилась из-за ребенка.

– Она вертит тобой как хочет, – неодобрительно заметил Зак.

Подошел Говард и ткнулся носом мне в локоть. Я почесала его за ушами. Ему нездоровилось, и я встревоженно приложила руку к его груди.

Зак отвернулся.

– Ты любишь эту псину больше, чем меня!

– Нет!

Он переставил кофейник и свою чашку так, чтобы ручки были повернуты в одну сторону. Поправил чайную ложечку на блюдце.

– Поклянись!

Я поднялась с колен и заставила себя рассмеяться. Решение принято, я ухожу. Письмо написано и отправлено, он получит его в Корнуолле. Лучше, если он прочтет его там, подальше от меня. Я надеялась, что наш последний завтрак вместе пройдет хорошо. Собственный голос казался мне слишком высоким и сдавленным, пересохший язык едва ворочался во рту.

– Клянусь, что я не люблю пса больше, чем тебя!

Перед его гибелью мы разговаривали еще дважды: я позвонила ему вечером и на следующий день после обеда. Мне просто хотелось напоследок услышать его голос. Он был в Дартмуре, на холме Косдон, и писал старинные развалины. Унылые и мрачные, сказал Зак, они тянутся вдаль будто безымянные могилы. Ему нравилось писать в гаснущем свете дня. В свой домик он собирался вернуться уже затемно. Я попросила его быть осторожнее на неосвещенном участке дороги. Это был наш последний разговор.

Я сворачиваю с автострады, снижаю скорость и двигаюсь к мосту. Дорога сужается до одной полосы. Я включаю фары. Я соблюдаю все ограничения скорости. Зак говорил, что я езжу как старуха. Ему нравилось обижать меня, очень часто его шутки перерастали в оскорблений. Стараюсь вспоминать больше таких моментов, чтобы меньше по нему скучать.

Не помогает.

Можно одновременно любить и ненавидеть! Боль утраты – как удар в живот, жгучая обида – как ответный удар. Этот мужчина – самое лучшее и самое худшее, что случилось в твоей жизни. Ты давно решила уйти, и все же, вспоминая его прикосновения, теряешь голову даже год спустя...

Мое письмо еще в доме. Целый год оно провалялось нераспечатанным. Наверняка лежит под грудой рекламок пиццы, счетов за телевизионную

антенну и коричневых конвертов с избирательными извещениями.

Слава богу, Зак умер прежде, чем прочитал письмо! Хотя бы за это стоит быть благодарной. Он так и не узнал о моем предательстве.

Доберусь до места и сразу сожгу письмо!

Переключаю скорость, начинаю подъем. Машина дергается. Говард свернулся калачиком на переднем сиденье, даже головы с лап не поднял.

Я проезжаю мимо кемпинга, и за живой изгородью мелькает бархатистое море. Вдруг в зеркале заднего вида вспыхивают фары. Водитель не приглушил дальний свет, машина совсем близко. Дорога идет под уклон, я нажимаю на газ и несусь прочь. Что за идиот, думаю я. И тут фары появляются вновь. Слепящий свет, машина висит чуть ли не у меня на бампере. Раздается гудок. Я вспоминаю серебристый джип на придорожной стоянке. Это не он? Я не вижу ни моря, ни берегов, ни дороги – только яростный свет фар. Мы едем все быстрее и быстрее, вниз по склону до самой деревни. Возле магазинчика я съезжаю с шоссе и с визгом тормозов останавливаюсь.

Машина проносится мимо и исчезает. Говард вскакивает и утыкается носом в окно. Снаружи темно, подсвеченные стойки с ящиками овощей смахивают на виселицы, и вдруг меня накрывает тишина.

В книжках для тех, кто перенес утрату, описано несколько стадий, которые укладываются во вполне стандартную схему: шок, неверие, торг, злость, депрессия, принятие. Похоже, я увязла в своем горе. В той книге, что подарила Пегги, «Жизнь после утраты», есть глава про патологические реакции. Бывает, что понесший утрату не в состоянии двигаться дальше. Думаю, именно это со мной и происходит.

Никто никого не преследует. Мне это просто кажется! Вина выжившего перед умершим. Незаконченное дело.

Если бы я забрала те лилии, то теперь могла бы до них дотронуться, потереть пальцами пыльный атлас лепестков, вдохнуть тяжелый запах и знать, что они мне не почудились.

Ехать осталось недолго, еще немного по сплетению ухабистых дорог, повторяющих контур холма. Галлз находится по другую сторону, ближе к краю утеса, где кончаются дома. Я включаю радио и преодолеваю последний отрезок пути, тихонько напевая вместе с Тейлор Свифт.

Глава 2

Лиззи

Вход в домик Зака, переделанный из старого гаража соседского дома, заслоняют мусорные баки на колесах. Наклонный газон засыпан гнилыми грушами, оставшимися с прошлого лета. Стебли выющейся розы, которую я посадила у крыльца два года назад, лежат на земле.

Я подхожу к домику сбоку, как пугливая кошка. Мне никогда здесь не нравилось. Место слишком глухое. Дорога разбитая, безлюдно, дома выглядят пустыми и заброшенными, даже если в них кто-то живет. Зак купил дом после смерти матери якобы от большой любви к уединению и дикой природе, однако было в этом некоторое притворство. Думаю, он считал, что именно так должен жить настоящий художник. Вообще-то он ненавидел одиночество.

Ключ с трудом входит в скважину, замок, наконец, открывается. Я осторожно толкаю дверь, чтобы не помять ворох почты. Где-то внизу лежит мое письмо. Уничтожу его, как только найду.

Дверь поддается, и я вглядываюсь в темноту. Никого. Никто здесь не жил. Цветы от Ханны заставили меня усомниться. Пахнет сыростью. Во мраке угадываются очертания мебели. Я переступаю через порог и нажимаю на выключатель. Не работает. Споткнувшись о коврик, бреду к камину и зажигаю лампу. По пыльному крикетному столику Зака разливается желтый свет. Я провожу рукой по гладкой дубовой поверхности, оставляя след в форме капли.

Как глупо бояться дома! Я обхожу комнаты, включаю свет. В ванной потек кран. В кухне возле тостера «Дуалит» полно мышиного помета, в трещину рамы пробрался плющ. Глазурованные чашки аккуратно стоят в ряд, ручки повернуты в одну сторону. Экощетки для мытья посуды, изготовленные из древесины березы, плотно воткнуты в специальный горшок. В воздухе витает резкий запах. Наверное, из-за сырости.

Спальня выглядит так же, как в последний раз, когда мы здесь были: подушки взбиты, пуховое одеяло без пододеяльника свернуто в рулон под стеганым покрывалом. Накрахмаленное и пахнущее лавандой постельное белье лежит в нижнем ящике шкафа. Помню, как мы его убирали. Зак разглаживает простыни широкими ладонями, лицо сосредоточенно, мы

двигаемся навстречу друг другу, обнимаемся, падаем на кровать, смеемся, долго целуемся... К чему отрицать – в такие моменты мы были абсолютно счастливы!

Колени дрожат. Сажусь на край кровати, прислоняюсь головой к стене. Вряд ли мы с Заком подходили друг другу. Никто не мог понять, что он во мне нашел. Его уверенность, моя застенчивость. Внешность у меня самая заурядная, он же постоянно ловил на себе восхищенные взгляды. При виде него продавщицы непроизвольно расплывались в жеманной улыбке. Какая выгодная партия, думали мои друзья. В их глазах читалось – надо же, как ей повезло! Джейн завидовала новизне, которую Зак привнес в мою жизнь. Однако на меня действовало нечто противоположное. Буквально сразу я почувствовала, что мы с ним связаны, неразделимо связаны. Всплывали общие знакомства, обнаруживались бесчисленные точки пересечения. Он учился в школе с моим бывшим начальником. Мы снимали квартиры в одном и том же квартале Клэпхема, были соседями, сами того не зная. Он озвучивал чувства, которые я сама не могла облечь в слова. Он заступался за меня, чего раньше не делал никто. Он торопил события и поднимал такие важные для меня вопросы («Сколько у нас будет детей?», «Где будем жить на пенсии?»), что в один прекрасный день я поняла: я знаю его всю жизнь, и мы будем вместе всегда.

А в постели, сбросив одежду, мы подходили друг другу идеально. То, о чем я читала в книгах, оказалось вовсе не расхожим штампом. Я действительно таяла в его руках. Я не знала, где заканчивается он и где начинаюсь я. Ночи напролет мы растворялись друг в друге. Я знаю, так оно и было, несмотря на всю его опытность. Его руки в моих волосах, напряженная тишина, исступленная мука, искажающая его прекрасное лицо, когда он проникает в меня. Потом вздохи, тяжесть тела, впечатывающего меня в кровать, шершавый подбородок в изгибе моей шеи. Стон удовольствия, с которым Зак притягивает меня к себе. Я обладала властью над ним!

Я сижу с закрытыми глазами, потом распахиваю их и с удивлением вижу на полу шнур, воткнутый в розетку на стене. Трогаю его ногой. Грязно-белый, наполовину свернутый, посередине адаптер. Я опускаюсь на колени, шарю под кроватью и достаю оттуда серебристый ноутбук – «Макбук эйр».

Я верчу его в руках, чувствуя холод металла, и пытаюсь понять, откуда он тут взялся.

У Зака был такой. Он постоянно на нем печатал, занося в компьютер свои идеи, заметки по живописи и новым проектам. Он был им одержим.

Никогда не спускал с него глаз. Уезжая из Лондона, он взял ноутбук с собой. Он был в машине, когда Зак погиб. Он сгорел. Значит, это другой. Наверное, чужой.

Я открываю его. Высвечивается надпись «Зак Хопкинс, введите пароль». Экранная заставка – вид с вершины утеса. Низкие облака, волны Атлантического океана. Любимый пейзаж Зака. Дрожащими руками я захлопываю ноутбук и осторожно кладу его на кровать.

Зак ни за что не позволял мне к нему прикасаться. Как-то раз я убрала компьютер с кухонного стола, чтобы протереть под ним, и Зак так грубо вырвал его у меня из рук, что ноут упал на пол. Он поднял его, проверил, все ли в порядке, отругал меня, и я выбежала из комнаты, чтобы муж не видел моих слез. Позже мы помирились. Он прижался ко мне в постели и извинился за свою слишком резкую реакцию.

«В этом ноуте – вся моя жизнь».

Я тихо встаю, стараясь не шуметь. Выдвигаю ящик, в котором Зак держал старые вещи. Вроде бы не хватает синих шортов, серой толстовки и поношенного ремня, обычно лежавшего свернутым в углу. Я опускаюсь на колени и заглядываю под кровать. Там была сумка (в шкафу она не помещалась), теперь ее нет. Бегу на кухню, заглядываю в духовку, в буфет, вытряхиваю посудные полотенца. Исчез фонарик и припрятанные на всякий случай деньги, фунтов сорок, что раньше были в коробке из-под мюсли. Я снова обхожу дом, осматривая комнату за комнатой уже совсем другими глазами. На стене в гостиной вижу темный прямоугольник и пустой гвоздь. Там висела картина. Одна из ранних работ Зака – написанная грубыми мазками женщина в дверном проеме. Он любил порядок во всем, так что его охотничьи сапоги должны быть в шкафу, на своем обычном месте. Мои старые синие сапожки там и стоят. Его – темно-зеленые, сорок третьего размера, левый пожеван Говардом и тайком заклеен специальным kleem, купленным через Интернет, – отсутствуют.

Груда почты так и лежит у порога. Я поднимаю ее, кладу на стол, роюсь в коричневых конвертах, бесплатных газетах, рекламках сантехников и электриков, счетах за газ и телевидение, роняю их на пол. Письма нет.

Говард все еще в саду. Я открываю дверь и зову его. Снаружи холодная корнуольская ночь, с моря доносятся порывы чуть теплого ветра. Стоит полная тишина. Пес убежал на улицу, видимо, что-то учゅял. А может, Зака ищет. Я кричу громче.

В голове крутятся фразы. «Любимый, – начала я. – Мне нужно пожить отдельно, мне нужно больше личного пространства...» Стандартные

фразы, лживые сантименты, которые так ненавидел Зак. Я слишком боялась написать правду. «Будь честной, – говорил он. – Посмотри мне в глаза! Скажи, что ты чувствуешь». Иногда я настолько пугалась его неистового желания узнать все, что не чувствовала вообще ничего.

– Ты для меня все, – повторял Зак. – Без тебя мне не жить!

«Ты любишь пса больше, чем меня».

Говард не идет, и я возвращаюсь в кухню. Там стоит искусственно состаренный мусорный бак от голландского бренда «Брабантия» – Зак любил, чтобы все его вещи были высочайшего качества. Он всегда относился внимательно к мельчайшим деталям. Я открываю крышку.

На дне лежит смятое письмо и конверт.

– Говард! – Я выбегаю наружу и громко-громко зову пса, сама не своя от ужаса.

Собака несется скачками, поскользывается на мокрой траве, валится с ног. Он тыкается носом в мои колени, потом вбегает в дом. Грязные лапы оставляют следы на паркете, на светлом ковре. В груди резкий спазм. Страх: надо поскорее убрать, пока Зак не увидел.

После аварии я перестала выключать свет на ночь. Я стала мнительной. Окна и двери проверяю по два-три раза. Сознание меня подводит. Общаюсь с людьми, не могу понять, выразила ли свою мысль вслух или только подумала. Джейн говорит, что я повторяюсь. Порой надолго замолкаю. Будто чего-то жду. Руки и ноги наливаются свинцом. Мне кажется, что я упаду с лестницы, ударюсь головой и переломаю все кости. Я боюсь умереть.

Повсюду мне мерещится Зак. На улице или на платформе метро я вижу мужчину средних лет, и сердце замирает. Я бегу, расталкивая людей, догоняю его, или он поворачивается, и я понимаю, что это совсем не Зак, а незнакомец с похожей походкой, небрежной стрижкой или с плечевой сумкой, как у мужа.

Пегги твердит, что я должна избавиться от его одежды. Но это невозможно! Как же я выброшу его туфли и рубашки? Ведь они понадобятся, когда он вернется.

Инспектор Морроу говорит, что такое бывает. Мозгу нужно время, чтобы выстроить новые ассоциативные связи. Сердце отказывается верить в неизбежное. Я как солдат, испытывающий фантомные боли в ампутированной конечности. Нейрогенное нарушение. Вроде бы, когда я немного приду в себя, это прекратится.

Я все еще жду. И мое замешательство только растет. Зак словно дышит

мне в затылок. Как-то раз я осталась в библиотеке одна, расставляла книги по полкам и вдруг почувствовала знакомый запах лосьона после бритья. «Аква ди Парма – Колония Интенса» (не «Ассолюта» – однажды я их перепутала). Свет померк, будто кто-то встал в дверном проходе. Когда я выбежала в коридор, там уже никого не было.

Кто-то забрался в наш дом. То есть в мой дом. Хотя «забрался» – громко сказано. Никто не взламывал замок, не разбивал окно, следов проникновения не было. Не тронули ни мою сумочку, ни телевизор, ни мелочь с кухонного стола. Забрали только айпод Зака. Морроу сказала, что в наши дни подростки берут исключительно электронные игрушки, которые легко перепродать. Как ни странно, дверь была плотно закрыта, почта аккуратно сложена на столике в холле. Неужели это я ее сложила? Не помню. Морроу считает, что я оставила дверь незапертой. Приглашение для воров. Постоянно допускаю подобные промахи. Я представляю, что Зак воспользовался своим ключом и вошел в дом, и по спине бегут мурашки – то ли от страха, то ли от тоски.

По ночам я слышу странные звуки. Несколько недель назад посреди улицы остановилась машина. Из опущенного окна неслась его любимая песня – Элвис Костелло, «Я хочу быть любимым». Автомобиль стоял с включенным двигателем прямо напротив моего дома. Музыка была настолько громкой, что я услышала ее из спальни на другой стороне. Пока я добрела до окна кабинета, машина уехала. Я увидела лишь свет фар в конце улицы.

Я мечтаю о нем почти каждую ночь. В объятиях сна, плотно закрыв веки, я чувствую, будто его лицо прижимается к моему. Кладу руки между ног и представляю, как его губы касаются моей шеи, потом опускаются к груди, пальцы ласкают мои соски. На меня накатывает тяжесть, я крепко сжимаю простыню, закусываю ее зубами. Проснувшись утром, мне чудится, что он забрался в окно и проскользнул в постель. Запах его кожи, вмятина от головы на соседней подушке. Он был со мной всю ночь. Наверняка это Зак довел меня до оргазма.

Я никому об этом не рассказываю. Подумают, что я сошла с ума. Пегги говорит, что, утратив любовь всей жизни, вполне естественно ненадолго выпасть из реальности. Однако вряд ли она предполагала, что это продлится больше года. Может быть, ровно год. Пегги следует прописным истинам. В ее жизни всегда идеальный порядок.

Джейн кое-что известно о моей семейной жизни, хотя и без подробностей.

Во мне живет тьма, некоторые воспоминания сжигают меня изнутри.

О них не знает ни сестра, ни подруга. Я никогда не смогу им рассказать.

Письмо и конверт я складываю, стоя на крыльце. Подношу спичку, смотрю, как бумага сворачивается в пламени, сметаю серый пепел. Зак был здесь. Я чищу зубы, полощу рот водой из-под крана (сначала течет ржавая), сажусь в кресло, не снимая верхней одежды. Пытаюсь мыслить здраво. Я так боялась его реакции, что отправила письмо за двести миль. Я разговаривала с ним за час до смерти. По его тону невозможно было догадаться, что он прочел письмо. Он лгал даже тогда, сдерживал гнев и размышлял, что он со мной сделает.

За окнами темнеет. Раздаютсяочные шорохи: в окна бьется ветер, в карнизах шуршат мыши. Хочется удрать, снять номер в отеле или вернуться в Лондон, но я не могу двинуться с места. Лучше подожду. Если он где-то там, пусть приходит. Я это заслужила.

Сказать по правде, у меня никогда не хватило бы духу от него уйти. Зак был остроумный, уверенный в себе и талантливый, однако меня привлекала в нем именно его темная сторона. Иногда он был мрачен без повода, у него ни с того ни с сего болела голова, с ним случались вспышки ярости (направленные вовсе не на меня, по крайней мере сперва). После прогулки с моей сестрой и ее мужем Зак долго возмущался, как Роб унижал его: «Ты видела, как он ухмылялся всякий раз, когда упоминал мою живопись?» Зная его слабости, я любила его еще больше. Я знала причину его навязчивых идей, комплексов и ненависти к покровительственному тону. В школе видела, что делает с детьми жестокое обращение в семье – они становятся замкнутыми и злыми, им кажется, что все пытаются их обидеть. Понимала, что его выходки никак не связаны со мной (не та еда, не та одежда), хотя он говорил другое. Я знала это точно. Но ближе к концу все настолько усложнилось, я так глубоко погрузилась в его переживания, что оставшуюся после утраты пустоту уже не заполнить ничем.

Я вспомнила Ханну, записку в форме сердечка и ощущила к незнакомой женщине прилив такой дикой, неприкрытои ревности, что защемило в груди. Была ли она его любовницей? Я представляю Зака рядом с собой, чувствую дыхание с привкусом виски, прикосновения рук. В самом начале он сказал, что моя одержимость им весьма трогательна. Сравнил меня с новорожденным гусенком, который привязался к первому попавшемуся на глаза живому существу.

Прошел год. Он долго выжидал, пока я решусь на поездку в Галлз. Теперь он сделает свой ход.

Я готова.

Он получит все, чего хочет.
Я не буду спать всю ночь.

Зак

Июль 2009

Меня бесит, как она жует. Рот полуоткрыт, маленькие зубки скрипят, челюсти чавкают. Перед каждым укусом облизывает губы. Понимаю, что не стоит обращать на это внимания, и ничего не могу с собой поделать. Меня прямо воротит. Квартирка слишком маленькая, зря я переехал. Похоже, в том-то все и дело. Этот дом вызывает у меня клаустрофобию. Каждый раз, когда она плюхается на диван, пружины стонут.

Она глаз не сводит с телевизора. Раньше мы готовили ужин на скорую руку. Теперь едим сплошь готовые блюда. Сотни четыре калорий или даже меньше. Закончив есть, она ставит поднос прямо на ковер. Изгваздала юбку мисо-соусом и даже не заметила. Поднимает ноги, кладет мне на колени. Она в носках, на щиколотках следы от тугих резинок. Я отстраняюсь, прикрываю пах. Потом сдвигаю ее ноги в сторону, встаю и отхожу к окну.

Жаль, отсюда не видно моря. Только красные и серые крыши, а вдалеке стеклянный купол торгового центра. Это меня в Брайтоне и не устраивает. Почему все дома не выходят окнами на море? Почему строителей заботил ветер, а не свет? Ей нравится, что здесь тепло и уютно: две квадратные комнатки, от телевизора до кровати пару шагов. На соседней улице мне приглянулся домик в георгианском стиле, похож на свадебный торт, рядом парк. Там бы я пожил!

Возвращаюсь на диван, дожидаюсь особо громкого эпизода и говорю, что мне нужно подышать свежим воздухом.

– Прости, милый! – восклицает она, вскакивая с дивана. – Давай посмотрим что-нибудь другое! Хочешь, переключу?

Я молчу, делая вид, что размышляю, хотя все давно решил. Мыслями я уже на улице, вдыхаю кислород. Пытаюсь изобразить заботу.

– Что ты, моя девочка! Тебе нужно отдохнуть. Я ненадолго.

На свежем воздухе становится легче, хотя у нее было такое лицо, что мне немного жаль. Впрочем, сама виновата. Я хочу, чтобы у нас все было хорошо, по крайней мере раньше хотел. Что же с ней не так? Разве она не понимает, как счастливы мы могли быть? Она девушка не глупая, господи, зарабатывает на жизнь психометрическим тестированием! Давно пора понять, как надо себя вести. Не ценит она меня, вот и вся проблема.

В Брайтоне самый разгар лета. На тротуаре валяются перевернутые мусорные контейнеры, черный пластик хлопает на ветру. Тошнотворный запах гниющих фруктов мешается с вонью жаркого с едким привкусом китайской кухни. Несколько парней дерутся, выпихивая друг друга на дорогу – прискорбный конец мужской дружбы под аккомпанемент равнодушной перебранки. На пляже расположилась компания девиц. Лежат на гальке, вытянув обожженные ноги, и заливаются пронзительным смехом. На айфоне дребезжит песня Рианны «Амбрелла». Девицы кричат: «Элла, элла, элла». Пьяные курицы! С шопинга вернулись, что ли, – под головами у них фирменные пакеты «Примарк». Видимо, совестили приятное с полезным и накидались в баре в часы скидок. В лучах заходящего солнца море мерцает как нефть. Жирные грязно-серые чайки горделиво расхаживают по дорожкам. Даже чайки здесь отвратительны!

Раньше я прогуливался по набережной до пирса. Не то чтобы мне нравились мигающие огни или рокот волн. Просто надоели подворотни, и я не хочу проходить мимо галереи «Чистый холст». Будто переворачиваешь камень, а под ним мокрицы – дергают мерзкими лапками. Три моих работы так и не проданы. Никому они здесь не нужны. Людям ни к чему ни мощь, ни глубина. Они хотят видеть на картине детишек с совочками, небо должно быть в тон шторам в гостиной. Какое мне вообще до них дело? Буду ориентироваться на тех, кто понимает. Звонил Джим, сказал, что сегодня поступило еще три заказа. Ножки новорожденного и две мамаши, которые хотят отлить в гипсе пухлые ладошки своих отпрысков. Определенно, жителям Брайтона не хватает собственных конечностей.

Винный бар Грина в стороне от главной улицы, поэтому там довольно тихо. Вдобавок посетителей больше не интересует старый добрый французский стиль, им подавай что-нибудь культурно-историческое, с местным колоритом. Прикидываю, кому бы позвонить, хотя собеседник сейчас из меня никудышный. Вот продам картину, тогда другое дело. Сажусь в угол, на краешек стола присаживается новая официантка (крашеная блондинка, мощная рука в автозагаре), я делаю заказ: жареный цыпленок с тушеным картофелем и стручковой фасолью. Приносят еду, я делю ее на части. Сначала съедаю картофель, потом фасоль и, наконец, курицу, обильно поливая все горчицей, чтобы в голову ударило. Иногда я готов на все, лишь бы почувствовать себя живым.

В квартиру вернулся уже в темноте, телевизор был выключен. Шарлотта успела убраться в гостиной, ждала меня в спальне. Нижнее белье сменила. С утра на ней было застиранное серое, вечером – красно-черный кружевной лифчик и стринги. В мусорном баке я видел пакет из магазина

белья «Ла Сенза». Не знаю, что на меня больше подействовало – то ли жалость, то ли пошлость комплекта, но неожиданно для самого себя я возбудился. Она извинилась, хотя вряд ли поняла, за что именно. Вышло по-моему, как я и хотел, вот только зачем мне это? Внутри пустота. Не знаю, чего я ищу, все кажется бессмысленным.

После вернулся в гостиную, налил стаканчик «Гленгойла». Здорово поправляет, когда я сам не свой. В окне фиолетово-оранжевое небо, горят белые и желтые фонари. На соседней улице ночной клуб, грохот музыки доходит и досюда. Неподходящий вариант. Мне тесно и в этой квартирке, и в этом городишке. Ковер слишком сильно электризуется, мебель слишком хлипкая. Здесь из меня лезет все самое худшее. Лучше бы я жил в Корнуолле. Может, стоит туда переехать.

Нет! Мне нужна нежность, наивность. Мне нужна та, что спасет меня от самого себя.

Думаю, я могу быть счастливым. Было бы здорово.

Что-то непременно случится. Так дальше продолжаться не может.

Где-то там меня очень ждут.

Глава 3

Лиззи

Резко просыпаюсь. Шея затекла. В ногах лежит Говард. Он поднимает голову, потом опускает ее.

Восемь утра.

По окну скребет ветка.

Шевелю ногами, Говард встает. Комнату заполняет тусклый свет. Сегодня облачно. Поверить не могу, что уснула! Все по-прежнему: входная дверь заперта, кипа почты лежит на полу, там же, где я оставила ее вчера.

Броде бы надо вздохнуть с облегчением, но я чувствую себя совершенно разбитой. Я дрожу и вскакиваю с кровати. В доме холодно. Я в той же одежде, что и вчера – старая мамина юбка, которую я нашла в глубине шкафа. Зак был бы недоволен. В самом начале он отнес все мои любимые флисовые кофты и джинсы в магазин подержанных вещей. Ему нравились лишь те вещи, которые покупал для меня он сам. Однажды Пегги отдала мне лиловое платье-халат, а Зак сказал, что мне не идет, и платье исчезло из моего гардероба.

В комоде я нашла старую рубашку Зака – тонкий серый батист, спереди пятно. Это я виновата. Положила поверх выглаженного белья перьевую ручку, она и потекла. Зак застал меня в ванной, когда я пыталась вывести его с помощью пятновыводителя «Стейн Девил». Так и вижу, как он стоит в дверном проеме с холодной усмешкой на губах. Я подпрыгнула от неожиданности.

«Меня испугалась?» – спросил он.

Я ответила, что нет. Старалась изо всех сил, чтобы голос не дрогнул.

– Просто знаю, как для тебя это важно! Вот и пытаюсь уберечь нас обоих от лишнего стресса. Ведь это всего лишь рубашка!

Мой тон его поразил. Он смешался. Зак редко осознавал, что его навязчивые идеи выходят за рамки нормы. В такие моменты я чувствовала, что владею ситуацией. Внизу живота разлилось тепло, я взяла мужа за ремень и притянула к себе.

Я прижимаю рубашку к лицу, касаюсь ткани губами, вдыхаю непривычный запах. Дома я пользуюсь другим стиральным порошком, в здешнем магазине такого нет. Одеваюсь, сверху набрасываю старый свитер

Зака. Запасные носки тоже нашлись. Замечаю свое лицо в зеркале. Бледная и усталая. Он любил, когда я была накрашена. После его смерти я не пользуюсь косметикой. Красная помада, которую купил он, куда-то подевалась. Я сижу на кровати в его одежде, и меня накрывает волна печали и вины.

Накатывают мысли, которые я долго и упорно подавляла. Вдруг он прочел мое письмо и помчался в Лондон, чтобы высказать все мне в лицо? Вдруг он был настолько пьян и зол, что летел, не разбирая дороги? Вдруг он погиб по пути ко мне?

Не утратила ли я объективности восприятия? Не слишком ли много времени я провожу в одиночестве?

Пора отсюда выбираться.

Кроссовки еще сырье, я лезу в шкаф за резиновыми сапогами. С удивлением обнаруживаю, что сапог Зака на месте нет. Наверное, он их обул. Может, он отправился на прогулку по приезде, прошелся вокруг дома, смел паутину и потом нашел мое письмо? Я представляю, как он неторопливо возвращается в дом, веселый и беззаботный, поднимает письмо и... Думать об этом невыносимо!

Я хватаю сапоги, в спешке сбиваю на пол кондиционер для белья. Ставлю бутылку обратно, рядом со стиральным порошком. Совок и щетка, которыми я пользовалась вчера, тоже соскочили с крючка. Либо я была настолько погружена в свои страдания, что не повесила их на место, как учил Зак, а просто швырнула в шкаф. Я вешаю их, обуваю сапоги, хватаю поводок Говарда и отпираю входную дверь.

Ветер крепчает; я беру с заднего сиденья непромокаемую куртку, застегиваю капюшон, чтобы не дуло в уши, вынимаю из карманов перчатки. Мобильник лежит в углублении на дверце со стороны водителя, где я забыла его вчера. Разговаривать ни с кем не хочется, но я обещала позвонить Джейн и Пегги.

Выпрямляюсь, захлопываю дверцу и краем глаза замечаю какое-то движение. На другой стороне улицы стоит девушка с длинными волосами, в синем пальто. Она пристально смотрит на меня. Лица с такого расстояния не видно, вдобавок меня смущает ее поза – ноги широко расставлены, плечи сгорблены. Может, она потерялась?

– С вами все в порядке? – кричу я и иду к ней, но она молчит.

Я перехожу на другую сторону улицы, девушки уже нет – скрылась в конце дорожки, что тянется вдоль домов.

Иду следом, повсюду лужи – дожди шли несколько недель. Дорожка вьется между заборами, вдоль отеля, на вершину утеса. Там цивилизация

заканчивается, начинается поросший травой склон.

Море появляется, как всегда, неожиданно. Зак говорил, что оно его успокаивает. Чувствуешь, как оно приближается, в воздухе витает запах, да и свет на открытом пространстве совсем другой. Широкий простор. Сегодня море неспокойное, поверхность волнистая, как шерсть терьера. Цвета чередуются – то серый, то зеленый, кое-где видна белая пена, горизонт размыт. Мыс Степпер на другой стороне бухты словно лоскутное одеяло, состоящее из зеленых и горчично-желтых фрагментов, окружен узкими полосами песка. Над головой носятся и верещат чайки. Сзади, с торца отеля, кричат иссиня-черные галки.

Я представить не могла, что буду настолько счастлива. Когда встретила Зака, то воспринимала себя лишь в качестве тети, сестры и дочери, никак не возлюбленной. Настроилась лишь на приятное общение. Все изменилось в считанные месяцы, и вот мы уже шагаем, взявшись за руки, по заросшему дроком утесу, мои волосы треплет ветер, в его глазах – море. Однажды он сказал, что я не перестаю поражать его своим жизнелюбием, более того, умудряюсь и его заразить. Мне никогда не доводилось ни на кого влиять. Я часто вспоминаю тот разговор, потому что до сих пор не могу понять, что Зак во мне нашел.

Мимо проходит старик с черным лабрадором, я уступаю дорогу. Мне трудно дышать. В горле ком, в груди словно вакуум, не могу вдохнуть. Я кусаю губы. Чувство утраты и пустота гораздо хуже ночных страхов. Поэтому я и откладывала поездку сюда. Без него весь мир утратил краски. Зак часто спрашивал, хочу ли я умереть раньше него или позже. Конечно, раньше, отвечала я.

Ускоряю шаг. На краю мыса стоит скамья, рядом богатые загородные дома с телескопами и балконами, на которые вечно заглядывался Зак. Я сажусь и смотрю на волны, накатывающие на черные скалы.

Я нащупываю телефон. Сигнал вроде есть. Сперва набираю Джейн, она не отвечает. Все ясно: воскресное утро, время второго завтрака. Вероятно, они с Санджаем отправились в какое-нибудь новое кафе неподалеку от дома. Потом будет подробно рассказывать. Она из тех, кто находит утешение в еде, любит маффины, яйца по-бенедектински, лепешки с мясом по-турецки. Скажу ей, что у меня все хорошо, она сделает вид, будто поверила. Возможно, упомяннет Сэма Уэлхема – нового учителя психологии. Она обожала Зака – моего рыцаря без доспехов, моего сказочного принца, как она его называла, – но считает, что мне нужно жить дальше.

Пегги берет трубку. Я смотрю на море и бодрым голосом довожу до ее

сведения, что Галлз на месте. Да и я тоже, добавляю я. Такое чувство, что ее кухня в Клэпхеме, увешанная детскими рисунками, уставленная грязной посудой, находится очень далеко. Сестра не смогла навестить маму. «Сама знаешь, какие у меня выходные», – поясняет Пегги. Она готовит воскресный обед, ее пятилетний сын помогает. «Нет-нет-нет, – повторяет она. – Осторожнее, Алфи! Извини, Лиззи. Ты как, не слишком грустишь? Осторожнее! Горячо!» Зака всегда раздражало, что материнство Пегги распространяется буквально на все сферы ее жизни. Меня это, наоборот, умиляет. «Перезвоню позже!» – говорит она и вешает трубку.

Я встаю. Нужно дойти до магазина и кое-что купить, потом договориться о встрече с агентом по недвижимости. Дел немного. Я вполне с ними справлюсь. Обхожу последний уступ и вижу внизу деревню, вытянувшуюся полукругом вдоль бухты, полоска пляжа усыпана камнями. Сейчас отлив, море плещется вдали. Серферы в черных неопреновых костюмах уныло сидят на желтых досках. Дети носятся по берегу, взрослые неспешно прогуливаются, некоторые с собаками. Там же стоит фургон «Оседлай волну! Серфинг от Гарри», хотя волн нет и в помине.

Зак любил это место. Вообще-то он вырос на другом побережье, в деревушке на острове Уайт. В юности он познакомился с девушкой, которая жила здесь в загородном доме, и благодаря ей неплохо узнал Галлз. Когда умерла мать, он продал ее дом и вложил деньги в здешнюю недвижимость. Зак думал, что порвал с прошлым, хотя, на мой взгляд, он вернулся к тому же, от чего хотел уйти: маленький замкнутый мирок среднего класса, к которому привык с детства. Как говорится, линялые красные штаны, столь любимые городской аристократией, во всем своем блеске. Сменил одну привилегированную приморскую общину на другую.

Некоторые называют Брайтон «Лондоном у моря» или «Южной столицей». Забавно, какая убогая фантазия у богатых и как все они ездят на отдых в одни и те же места. У родителей многих моих учеников либо загородные дома, либо родственники в Брайтоне. В то лето с Заком я постоянно сталкивалась со знакомыми. Мне было крайне неуютно и ужасно неловко. У них на лицах читалось: что здесь забыла эта чудаковатая библиотекарша? Во время таких встреч мои руки безвольно свисали вдоль тела, голос дрожал. С замиранием сердца гадаю, встречу ли кого-нибудь сейчас.

Прикрепляю поводок к ошейнику Говарда, выхожу на дорожку, ведущую к парковке. С горы течет речушка, скрывается под мостом и выбегает на пляж, растекаясь серебром по песку. На скалистом берегу в траве запутались пластиковые пакеты, валяется перевернутая тележка из

супермаркета. Трое мальчишек, побросав велосипеды, швыряют в нее камешки. Местные? Я перехожу мостик, направляюсь к выстроившимся в ряд магазинам. Возле «Спара» топчутся две мамочки с кучей детишек. Отдыхающих видно сразу, они одеты в лыжные куртки из гусиного пуха с меховой оторочкой. Местные ребятишки на великах – в одних футболках. Женщины читают потрапанное объявление на двери магазина: пропал человек.

– Господи, представляешь, каково это? – потрясенно шепчет та, что выше ростом. – Жить и не знать, что с ним случилось! Искать его повсюду...

– Немыслимо! – восклицает вторая. Она кладет руки на плечи маленького мальчика, который пытается пролезть под штендер с рекламой мороженого «Уоллз», и тихо спрашивает: – Думаешь, он погиб?

Я собиралась кое-что купить, но женщины загораживают вход. Я отворачиваюсь и делаю вид, что любуюсь пейзажем. Рядом магазинчик для серферов, над ним кафе-бар. Поддавшись минутному порыву, я поднимаюсь по ступенькам, Говард взбирается следом.

На балконе пока слишком холодно. Белые пластиковые стулья составлены в стопку, полосатые зонтики сложены. Толкаю дверь, вхожу в шумный зал. В основном здесь собирались люди семейные, сидят маленькими и большими группами, некоторые столики сдвинуты. Помещение просторное, без перегородок, небесно-голубые стены, выбеленное дерево, фигурки чаек на палочках – тот самый типично морской декор, от которого Зака тошило. Пахнет пивом и прогорклым маслом. Дети пьют горячий шоколад. Заливается плачем младенец.

Я сажусь в баре спиной к залу и заказываю кофе. Надо бы поесть, только не хочется. Молоденькая официантка приносит миску воды для Говарда и опускается на корточки, чтобы его погладить. Она из Литвы, поясняет девушка, родители живут на ферме и держат много собак. Во время беседы она склоняет голову набок, на бледном измученном лице непередаваемое выражение. Так иногда смотрят школьники – одновременно искренние и ранимые. Ее хочется обнять. Мы разговариваем недолго, потому что появляется владелец кафе, официантка хватает стопку меню и бежит сломя голову.

Пытаюсь вспомнить, как зовут владельца. Кумон? Имя странное. Когда Зак приезжал сюда писать, они общались, пили виски, играли в покер.

Заметил меня. Проводит руками по седеющим кудрям, непроизвольно поправляет бледно-голубой свитер. Мы оба не прочь притвориться, что не увидели друг друга, но уже поздно. В его глазах поволока, за которой он

пытается скрыть панику. За последний год мне часто приходилось видеть этот взгляд. Я улыбаюсь, потому что хотя люди ждут от меня печали, от улыбки им становится легче.

– Детка! – Он склоняется на барную стойку, почесывая эспаньолку. Вряд ли он помнит, как меня зовут. – Как жизнь? Как сама?

– Хорошо.

Он смотрит на меня и слабо кивает головой.

– Кулон! – окликают его новые посетители.

Раздаются громкие голоса, входит большая компания. Я бросаю взгляд через плечо и быстро отворачиваюсь. Алан Мерфи, член парламента. Его жена Виктория – подруга юности Зака, с которой он проводил лето в Брайтоне. Кажется, они живут в Винчестере, здесь у них загородный дом. Он – восходящая звезда партии консерваторов, она – экономист-аналитик, тоже личность известная. Местные знаменитости, причем не из последних – по их собственному мнению. Зак терпеть не мог Мерфи, поэтому перестал общаться с Викторией; впрочем, однажды мы столкнулись с ними на прогулке по мысу Требетерик. Хотя Зак меня представил, вряд ли Мерфи вспомнит.

– Кулон! – надсаживает голос член парламента. – Как твои дела, старый черт?!

Ну да, Кулон, а не Кумон. Он приветственно машет левой рукой. Отворачивается, и выражение его лица меняется.

– Елена, передвинь столики! Поставь эти два рядом. – Он оборачивается ко мне. – Бедняга Закамундо!

– Да уж.

Кулон качает головой:

– Черт, я по нему скучаю.

– Да уж, – повторяю я.

– Представляешь, сукин сын задолжал мне за ту последнюю игру, прямо перед...

– Он должен вам денег? Боже, я непременно верну...

– Нет-нет! Ерунда! – Он хлопает по стойке, вздыхает с облегчением. С вдовой друга общаться нелегко, но ему удалось выйти из затруднительного положения с помощью щедрого жеста. – Пустяки, забудь!

Я делаю вид, что читаю разложенные на стойке газеты. Хотя вокруг члена парламента Алана Мерфи уже стоит несколько человек, он разговаривает нарочито громко, пытаясь привлечь всеобщее внимание и получить больше слушателей. Заняв пост министра культуры, СМИ и спорта, он стал темой частых обсуждений в нашей учительской. Сэм

Уэлхем утверждает, что Мерфи намеренно изображает шута, на деле же он человек совершенно беспринципный. Пегги его обожает, по крайней мере того политика, которого он корчит из себя в телешоу «У меня для вас новость» – сплошное самовосхваление и нахальство. Говорят, он воплощает новую тенденцию в политике – возвращение ярких личностей. Зак называл его надутым петухом. Интересно, что бы он сказал сейчас, видя, как Мерфи обрабатывает посетителей кафе, распушив перья?..

– Надолго приехал? Да здесь просто рай!

Трудно от него отвлечься. К Говарду подходят две девочки, начинают его гладить и нежно ворковать, треплют пса за уши. Я откладываю газету. Голоса кажутся знакомыми. Угги, леггинсы, длинные светлые волосы. Они из Лондона, учатся в средней школе Уэндл. Элли и Грейс Сэмюэлс, близняшки из седьмого класса.

Элли поднимает взгляд.

– Мисс Картер! – радостно вскрикивает она.

– Здравствуйте, девочки. Как отдыхаете?

За нами наблюдает полная женщина в огромном вязаном свитере и в очках, из свиты Мерфи. Она поднимается и быстро идет через весь зал к нам, ловко пропихиваясь между стульями.

– Уф! – морщится она. – Извините. Не зря Брайтон называют «Южной столицей»! Это какой-то кошмар – стоило ехать в такую даль, чтобы повсюду натыкаться на ребят из школы!

– Ничего страшного, – отвечаю я. – Они такие милые.

– Я всегда говорю дочкам: встретишь учителя – сделай вид, что не узнала.

– Ну что вы, я отношусь к этому вполне спокойно.

Она заправляет волосы за уши.

– Мы живем с родителями в Пэдстоу, сюда приехали погулять с друзьями. – Она неловко кивает в сторону Мерфи, опасаясь, что я подумаю, будто она хвастается связями. – Алан учился с моим мужем в школе. А у вас вроде бы здесь был загородный дом?

– У покойного мужа. Так, небольшое бунгало. Он приезжал сюда писать картины. Я решила выставить дом на продажу.

Она слегка краснеет.

– Я знала, что ваш муж погиб, просто забыла. Примите мои соболезнования!

– Спасибо. Друзья посоветовали ничего не предпринимать в течение года. Год прошел, и вот я здесь!

– Бедняжка! – Она кладет руку мне на плечо. – Вы слишком молоды

для таких потерь! Представляю, какое потрясение!.. Надеюсь, вы приехали не одна?

Ее искреннее сочувствие впивается в меня будто острый кинжал. На глаза наворачиваются слезы. Я опускаю взгляд, качаю головой. Женщина руку не убирает. Передо мной лежит газета, открытая на обзоре новостей, и я смотрю, как на нее будто в замедленной съемке падает слеза и расплывается.

– Что у вас там, Сью?

За миссис Сэмюэлс возникает Мерфи, обнимает ее за живот и кладет подбородок ей на макушку. Я быстро утираю глаза тыльной стороной ладони и пытаюсь улыбнуться.

– Напомните-ка мне! Мы знакомы? – В жизни он ниже, чем на телеэкране, зато гораздо симпатичнее. По словам Зака, успех придал ему уверенность, которой раньше не было.

– Ах, Алан! – Сью пытается вырваться.

Он покачивает ее из стороны в сторону, будто в танце.

– Мы точно знакомы.

Я откашливаюсь.

– Встречались пару раз. Я Лиззи Картер, жена Зака Хопкинса.

– Зак Хопкинс. Ну конечно! – Он выпускает Сью и садится на соседний табурет. – Как поживает старина Зак?

Сью взмахивает руками, словно пытаясь его остановить.

– Алан... – начинает она.

– Вы вовсе не обязаны знать, – говорю я. – Он погиб в автокатастрофе.

– Погиб? Неужели? Господи, я и не знал! Простите! Когда это случилось?

– Год назад.

– Мне ужасно жаль! Примерно тогда же пропал Джолион. Кошмарный месяц! О боже!

– Мисс Картер работает в школе, где учатся Элли и Грейс, – поясняет Сью. – В библиотеке.

К нам подходят двое мужчин из свиты Мерфи и встают за его спиной. Друзья? Родственники? Телохранители?

– Патрик! – громко обращается Мерфи к одному из них. – Ты знал, что Зак Хопкинс умер?

Тот тихо отвечает:

– Вообще-то да.

Мне очень хочется выбраться на свежий воздух. Это выше моих сил, я не заслуживаю их доброты. Непринужденное светское общение и полезные

знакомства не для меня. Только не сейчас! Надо уходить. Однако я ничего уже не могу поделать – кто-то перешептывается, что-то затевается. Грейс с Элли забирают поводок Говарда, Сью обнимает меня за плечи.

– Алан прав, Виктория наверняка будет рада вас видеть! – говорит Сью. – Она так расстроится, услышав про Зака.

– Обед! – горланит Мерфи. – Девочку нужно как следует накормить!

– Что вы, право, не стоите, – отнекиваюсь я, но Сью держит крепко, по лицу елозит ее мягкий свитер.

– Поехали с нами в Сэнд-Мартин! Мерфи любит, когда много народа. Выпьем по коктейлю, а потом и по делам можно. Это ненадолго! Вы не должны оставаться одна!

То ли она слишком добрая, то ли я слишком безвольная (как говорил Зак), то ли из-за остроты ощущения утраты я позволяю отвести себя к машине и еду с ними.

Глава 4

Лиззи

До Сэнд-Мартина ехать недалеко, но дорога непростая – вверх по крутыму утесу позади деревни, влево от стоянки домов-фургонов, вдоль широкого поля. С каждым переключением скорости я все больше жалею, что поддалась уговорам.

Мерфи и его свита едут впереди в длинном черном лимузине с тонированными стеклами. Меня усадили в обшарпанный мини-вэн вместе с Сэмюэлсами. У Тима Сэмюэлса мешки под глазами, настроение наигранно бодрое. По пути он рассказывает, что он профессиональный аудитор (скуча смертная, моя дорогая) и уже полтора года ищет работу.

– Мы по-прежнему надеемся! – бодро восклицает с заднего сиденья Сью, а Тим всем своим видом выражает сильное сомнение.

За коваными воротами возникает загородный дом Мерфи – квадратный и белый, с высокими георгианскими окнами и покрытой серым шифером крышей. Будто домик из детских сказок или из романов Мэри Уэсли, он разительно отличается от плотной застройки приморского курорта.

Мы захлопываем дверцы машины и идем по покрытой гравием дорожке на крики галок. Подъездную аллею обрамляют рододендроны, вокруг большой лужайки растет самшит, на террасе расставлены горшки с лавандой. На газоне между машинами и деревьями стоит засыпанный палой листвой огромный батут. Вокруг страховочная сетка, вся в дырах. Рядом валяются два детских велосипеда.

Из травы взлетает стая белых голубей. Говард вырывается от Грейс и мчится за птицами, потом забывает про них и ныряет в кусты.

– С ним ничего не случится! – кричит Мерфи. – Кролика почуял. Далеко ему не убежать.

Парадный вход и крыльцо находятся сбоку, хозяин открывает защелку и распахивает дверь. Гости гурьбой просачиваются в широкий холл с покрытой ковром лестницей. Стены бледно-розовые, кое-где висят маленькие акварели в рамках. Чучело лисы на задних лапах держится передними за кованую подставку для зонтов, забитую теннисными ракетками. Мерфи проводит Сэмюэлов в гостиную, велит им чувствовать себя как дома, потом берет меня за руку, бросает пальто на перила и

кричит:

– Дорогая! Почисти еще пару картошек. Я привел к нам на обед Лиззи Картер.

– Кого?! – раздается голос из другой комнаты.

– Ну, помнишь прелестную Лиззи Картер из...

– Нет! Никакую, черт возьми, Лиззи Картер я не помню! – Неожиданно голос становится громче. – Какого черта, Алан?! Откуда в моей кухне гребаная собака?

– О боже! – Я срываюсь с места и едва не сталкиваюсь в дверях с Викторией, вытирающей руки о передник. – Извините! Это мой пес. Ради бога, извините!

Говард выскакивает у нее из-за спины, поводок волочится следом, подсекает Викторию, она раскидывает руки со страдальческим видом, чтобы все заметили, как непросто ей сохранить равновесие. Высокая и стройная пепельная блондинка с длинными волосами, одета в зауженные джинсы и серый мужской кашемировый свитер, на губах матовая розовая помада. Один передний зуб чуть заходит на другой. Лицо хмурое и недовольное.

– Ради бога, извините! – повторяю я.

Мерфи кладет руки мне на плечи.

– Вик, ты помнишь Лиззи – жену бедняги Зака Хопкинса? Ужасная авария. Ты знала?

Я снова смотрю на Викторию, ожидая, что она хоть немного смягчится, однако на ее лице появляется странное выражение: то ли любопытство, то ли презрение.

– Знала, – кивает она. – Сожалею о вашей утрате.

– Спасибо, – отвечаю я.

– Мы с Заком давно не виделись, пожалуй, с юности.

– Вы познакомились на острове Уайт, да?

– Мои друзья по Бенендену ездили туда каждое лето. Ну, вы знаете, эти закрытые частные школы... ученики всегда дружат большими компаниями.

Я молчу, и она поворачивается к Мерфи:

– Где остальные?

– Я как раз собирался предложить им выпивку.

– Мясо! – вспоминает Виктория и уходит обратно на кухню.

Мерфи пожимает плечами:

– Атмосфера у нас слегка накалилась. Редактор изрядно поглумился над колонкой Вики в «Санди таймс». – Он громко хохочет в сторону кухни,

потом добавляет, кажется, с нежностью: – Ох уж эти гребаные редакторы!

Берет меня за руку и ведет в гостиную. На обтянутом цветочным гобеленом диване сидят Сэмюэлсы, положив руки на колени. На стенах висят еще несколько акварелей, повсюду кресла с бахромой. Возле камина стоит набор причудливых кочегарных инструментов из начищенной меди. Я подхожу к окну и смотрю на широкий морской простор, обрамленный деревьями: вода темно-серая со стальным отливом, над нею низкое небо. Мне так одиноко, что хочется плакать.

Мерфи суетится с бутылкой шампанского и бокалами, открывает пакетики с арахисом, подходит к двери и зовет:

– Том! Патрик! Вик! Идемте выпьем!

Заходит Том, одетый в брюки и застегнутую на все пуговицы клетчатую рубашку от Фреда Перри. Нарочито разнужденный стиль, которые так любят подростки. Мерфи смотрит на него с гордостью и объявляет:

– Мой сын, приехал из Оксфорда. Он у нас парень смышленый.

– Ну, должны же они быть хоть у кого-то в нашем семействе, – отвечает Том.

– Кстати, о безмозглых – где наша Онни? – Мерфи выходит на порог и громко орет: – Онни! Патрик! На черта мне сдался подручный, если его никогда нет под рукой?

Похоже, дом полон гостей, которых я еще не видела. Временами я замечаю краем глаза какое-то движение.

– Я пойду, – тихо говорю я. – Вы очень добры, но у меня столько нерешенных дел... Честно, мне пора!

В холле Виктория беседует с Патриком. Он заложил руки за спину и наклоняется вперед с непроницаемым лицом. Их головы находятся близко-близко.

– Хотя бы выпейте с нами! – настаивает Мерфи. – Каникулы ведь. Кто-нибудь скажите Онни, чтобы шла к нам!

– Я пытаюсь! – Виктория врывается в гостиную и плюхается в кресло. – Ничего не могу с ней поделать! Попробуй сам!

– Я позову ее. – Патрик, одетый в аккуратно отглаженные синие брюки и белоснежную сорочку, спешно направляется к лестнице. Его стильные кожаные кроссовки скрипят на каждой ступеньке.

Сью шепчет себе под нос:

– Бедняжка Онни! Ей сейчас нелегко. Только что вернулась из Швейцарии, где пытались учиться. – Она морщится. – Как говорится, в семье не без урода.

Мерфи громогласно объявляет:

– Муж Лиззи помогал Онни готовиться к выпускным экзаменам. Помимо платы за обучение, я нанял для дочери кучу репетиторов, и его в том числе. Ни черта не вышло! Единственное, с чем она справилась в жизни – экзамен по вождению. – Он поднял руки, признавая собственное поражение, потом с опаской оглянулся: – Сдается мне, во всем виноваты частные заведения, где с детьми носятся как с хрустальными. Учись она в обычной школе, где требования более жесткие, все было бы как надо.

Том сидит в кресле у камина, вытянув ноги и заложив руки за голову.

– Давно это было? – спрашиваю я. – Ну, занятия с Заком?

Виктория натянуто улыбается:

– Два года назад – позапрошлым летом. Она пыталась сдать экзамены несколько раз: сначала в школе Бедейлс в Хэмпшире, потом в колледже Эшер в Элмсбридже, затем в колледже Бодмин в Корнуолле и, наконец, в самом дорогом заведении из всех – в католической школе для девочек Ла-Ретрет в Лозанне. Как выяснилось, они не заинтересованы в ее дальнейшем там пребывании и обучении. Моя дочь повсюду оставляет хаос. И это совсем некстати, ведь ее отец может в скором времени возглавить партию консерваторов!

– Дорогая, придержи язычок!

Я смотрю на след от сигареты на ковре. Два года назад. Позапрошлое лето, а потом он погиб. Тогда он часто ездил сюда один. Много писал, был очень оптимистично настроен. Бристольская арт-галерея обещала выделить ему место на какой-то выставке, потом из этого ничего не вышло. Зак настаивал, чтобы мы делились друг с другом всем. Сам же занимался репетиторством с девочкой-подростком и не сказал мне ни слова! Его маленькое предательство неожиданно задевает меня за живое.

Через просвет в облаках проглядывает солнце, и в центре ковра появляется прямоугольник света. Патрик спускается по лестнице с высокой молоденькой девушкой, ее длинные волосы выкрашены в два контрастных цвета – блонд и каштановый. Хотя она одета в пушистый розово-белый сдельный комбинезон, я мигом узнаю в ней девушку, которую видела рядом с домиком Зака в Галлзе.

– Какого черта ты так вырядилась? – восклицает Виктория. – У нас сегодня гости!

Онни смотрит на нее исподлобья, плюхается на стул напротив меня, всем своим видом демонстрируя, что она здесь не по своей воле. Достает из кармана щипчики для ногтей и принимается аккуратно обрабатывать кутикулу. Никто нас друг другу не представляет.

Виктория с Мерфи обмениваются взглядами.

– Классный прикид, – замечает Сью. – Мои близнецы такие обожают.

– Что может быть приятнее, – говорю я, – чем проходить все воскресенье в таком вот удобном комбинезоне! Скажи честно, я не слишком для него стара?

Онни поднимает взгляд. Внимательно осматривает меня с головы до ног, от нечесаных волос до резиновых сапог и молчит. Через минуту громко выдает:

– И как это мама пустила вас в дом с собакой?!

Говард лежит у моих ног. Заслышиав слово «собака», оживляется, вскакивает и лупит хвостом по круглому журнальному столику. На нем скатерть из набивного ситца, и я поскорее хватаю ее, чтобы не соскользнула на пол. Сидящий у камина Том восклицает:

– Онни, иногда ты ведешь себя как последняя стерва!

Онни вспыхивает. Я понимаю, что она хотела пошутить, но об этом никто даже не подумал. Возобновляется шумная беседа, из которой она исключена. Девушка оставляет в покое свой маникюр, берет орешек, подбрасывает и ловит ртом. Обсосав соль, выкладывает его на номер «Экономиста», в аккурат по центру буквы «т».

– Не тебя ли я видела на другом конце деревни сегодня утром? – тихо спрашиваю я.

Она смотрит в сторону, кожа на шее покрывается пятнами. Онни качает головой.

– Ты уверена? – спрашиваю я. – Выходила к машине кое-что забрать и увидела девушку, очень похожую на тебя.

– Ну, может, я и гуляла там.

– Что ж, ясно. – Я замолкаю. Не стоит на нее давить. Подростки не любят, когда их расспрашивают. Они не скрытничают, просто очень стесняются. – Ты хорошо знала моего мужа?

Она не поднимает глаз.

– Совсем нет.

Несмотря на высокий рост, у нее миниатюрные черты лица. Наконец она поднимает голову и глядит на меня в упор, облизывая губы.

– Скучаете по нему?

Я чувствую, как стремительно краснею.

– Конечно, да! Очень скучаю. – Голос дрожит, и я поскорее перевожу разговор на другую тему: – Так значит, ты увлекаешься живописью? Какой у тебя любимый предмет?

Она проводит пальцами по бровям.

– В отличие от своего брата Тома, я вовсе не блестаю знаниями по всем предметам. Даже выпускные экзамены пока не сдала. И никуда не поступила. Все махнули на меня рукой.

– Я тоже не блестала на экзаменах, – говорю я. – А вот моя сестра была светлая голова. Сразу после школы я устроилась на работу, и это совсем не плохо.

– Мне нравится мода, – признается Онни и смущенно рассматривает свои ногти. Мне становится ее очень жаль. – В Ла-Ретрет училась одна девочка, чья тетя работает в «Шелби пинк». Так вот, она говорит, что я могла бы пройти у них стажировку. Только родители не позволяют, потому что надо ехать в Лондон. У папы есть квартирка в Кеннигтоне, возле палаты общин, но там всего одна спальня.

Облокотившись на каминную полку, Мерфи с увлечением рассказывает какую-то байку или просто разглагольствует.

– Разве ты не можешь пожить у друзей? – спрашиваю я.

– Родители неallowят.

– Ты могла бы пожить в семье, – говорю я. – Помогала бы по дому, сидела с детьми в обмен на жилье.

Зак считал, что у меня нездоровая тяга к решению чужих проблем.

Онни смотрит на меня в упор.

– Вы ведь живете в Лондоне?

– Да. Могу поспрашивать. У моей сестры есть дети, вдруг она кого посоветует.

– А у вас есть свободная комната?

– Разве что диван.

– Можно я поживу у вас?

– У меня?!

– Вы ведь сейчас все равно живете одна. А я составлю вам компанию!

– Ну, полагаю... – Она застала меня врасплох, не знаю даже, что и сказать.

К счастью, в беседу вклинивается Виктория. Она холодно улыбается и заявляет:

– Вы очень добры, только сперва пусть Онни расставит приоритеты. Ей нужно о многом подумать.

Мерфи закончил рассказ, и все дружно смеются. Онни замыкается, опускает голову и продолжает мучить свои ногти. Так и вижу, что встаю и благодарю хозяев за гостеприимство. Я настолько четко это представила, что не могу понять, почему я до сих пор сижу. Мерфи одобрительно кивает на комментарий Тома, будто тот заработал оценку «отлично».

– Тяжело быть вдовой?

Онни смотрит на меня в упор. Я не знаю, спрашивает она или утверждает, но отвечаю:

– Да, конечно. И очень грустно. Вчера ездила к месту аварии, положила там цветы.

– Неужели?

Она не сводит с меня глаз, и я не в силах отвернуться. Меня охватывает приступ острой тоски, горечь утраты буквально переполняет, и в то же время я как никогда ярко ощущаю присутствие Зака. Голова идет кругом, стены скимаются – кажется, сейчас я упаду в обморок.

Встаю, ничего не видя, и спрашиваю, ни к кому конкретно не обращаясь:

– У вас есть уборная?

Мерфи вскакивает.

– Конечно, – отвечает он. – Вообще-то в доме их несколько. Выбирайте любую! – И ведет меня по коридору. – Наверху шикарная, внизу без претензий, первая дверь справа. – Мерфи указывает в конец холла, потом с громким хлопком смыкает ладони. – В общем, чувствуйте себя как дома!

Сразу за холлом не кухня, как я предполагала, а чулан с верхней одеждой и грязной обувью, крикетными битами и набором шаров. У стены стоит пневматическое ружье. Здесь теплее. В духовке на кухне что-то яростно шкварчит. Я привязываю Говарда к стойке для обуви и поражаюсь, насколько хорошо организован быт некоторых людей и сколько у них всяких хитроумных приспособлений. Вхожу в ванную, сажусь на крышку унитаза, прислоняюсь головой к стене и пытаюсь отдохнуть. Пахнет дезсредством с отдушкой сосны. Вдруг вижу в рамке карикатуру: Фред Астер подмигивает и отплясывает на столе чечетку, из его кармана торчат члены кабинета министров. Над раковиной висит фотография студентов-первокурсников колледжа Брейсноуз, Оксфорд, 1986 год. Думаю, если как следует приглядеться, среди них отыщется и премьер-министр.

Я свешиваю голову между колен и закрываю глаза. Я никак не вписываюсь в эту компанию, мне тут явно не место. Все в тумане. У меня жуткая паника, будто я занималась каким-то важным делом и неожиданно бросила его на полпути; такое ощущение, что я должна быть совсем в другом месте.

Приближаются тихие шаги, тишина, потом шаги удаляются. Хлопает дверь.

Заставляю себя встать и открыть дверь в чулан. Прислоняюсь к стене, пытаюсь взять себя в руки. Говард по-прежнему сидит возле обувной

стойки, на ней стоят в ряд перевернутые подошвой вверх резиновые сапоги. Последняя пара, почти заслоненная бежевым макинтошем, – зеленые охотничьи. Я отвязываю поводок, и вдруг мое сердце замирает. Что за абсурд! Это всего лишь сапоги. Откуда тут взяться сапогам Зака?

В отличие от остальных сапог подошвы этой пары чистые. На них ни пятнышка, грязь счищена, шнурки выстираны, метка размера отчетливо видна. Сорок третий.

Руки дрожат. Я отодвигаю плащ, снимаю со стойки левый сапог и переворачиваю. На носу царепины и следы от резинового клея. Сбоку – пятнышко масляной краски...

Не попрощавшись, я ухожу через черный вход и бегу вниз с горы. Следом несется Говард, подпрыгивает, дергает поводок, будто мы играем. По грунтовой дороге добираемся до стоянки домов-фургонов, перейдя поле, выходим на шоссе.

Ключи от студии Зака, что в старом гараже рядом с Галлз, лежат под глиняным горшком на садовой дорожке. Я опрокидываю горшок, внутри земля и спутанные корни. Руки трясутся, я едваправляюсь с замком.

Толкаю дверь, опрокидываю бутылку денатурата, та выкатывается на середину студии. Зак во всем отличался педантичностью, в том числе и в живописи. Ему были необходимы тишина и чистота, много места и никакого беспорядка. Кисти он всегда расставлял по номерам, тюбики с красками выкладывал аккуратными рядами, названиями кверху. Пол должен быть чистым, никаких посторонних предметов в поле зрения. Когда он писал, то ставил мольберт в центр комнаты и отворачивал лицом к стене все другие картины.

Я не верю своим глазам. Повсюду разбросаны краски, кисти, тряпки, клей, газеты. Шкаф лежит на боку. Стол, где Зак раскладывал инструменты, на месте, потому что прикручен к полу, но стул опрокинут, боковой мольберт, который он так тщательно оттирал и смазывал маслом перед началом работы, пропал. Нет, не пропал – разбит на части. А стены...

Стены забрызганы кровью.

Я застываю на пороге, прикрыв рот рукой. В ушах звенит, в горле ком. На столе картина. Я хорошо ее помню. Это морской пейзаж: серо-стальная гладь, черный горизонт, низкие облака – его любимый вид, его экранная заставка. На переднем плане темная тень – пустая рыбацкая лодка, плывет в никуда. Воплощение одиночества. «Моя жизнь без тебя», – как-то пояснил он.

Однако картина испорчена. Я хватаюсь за дверной косяк, чтобы не

упасть. Внезапная догадка жжет меня как огнем. Он намалевал углем фигуру на носу лодки: спиной к зрителю сидит мужчина в шляпе и пальто, смотрит вдаль.

Мне становится страшно. Так и слышу знакомый голос, шепчуший прямо в ухо: «Не смей меня бросать! Ты даже не представляешь, что я с тобой сделаю, если ты уйдешь!»

Я звоню Джейн с автозаправки. Мечусь между грузовиками и магазинчиком. Говорю, что все выяснила. Зак добрался до своего бунгало и прочел мое письмо. Он знал, что я ухожу от него. Он ни от кого не потерпит отказа, Джейн, ни за что на свете. Видела бы ты его мастерскую! Он всю ее разгромил! И там кровь! Не знаю, чья. Он не покончил с собой, Джейн! Нет! Он бы не стал. Я его знаю. Знаю, что ты хочешь сказать, но это не самоубийство. Я бы не смогла... Нет, не из-за меня! Все намного сложнее. Я разговаривала с ним по телефону и ни о чем не догадалась. Он прекрасно контролировал свои эмоции. Джейн, он такой предусмотрительный! Там для меня послание – на картине! Это моя карта. Тело в машине... точнее, то, что осталось от водителя... Джейн, говорю тебе, это не он!

Джейн спрашивает, где я. Велит оставаться на месте, выпить или съесть что-нибудь горячее, а она за мной приедет. Голос спокойный и ласковый. Подруга думает, что я рехнулась.

Мне все равно, что она думает! Я снова и снова повторяю:
– Зак жив! Зак жив!

Зак

Сентябрь 2009

Сегодня ездил в Лондон. Сказал Шарлотте, что мне нужно поработать, взял альбом для набросков и краски, повесил на плечо сумку-портфель «для художника», которую она недавно мне купила. Я не поленился и нашел такую на сайте Элли Капеллино – двести семьдесят восемь фунтов! Неужели она решила, что сможет удержать меня подарками?!

Доехал поездом до вокзала Виктория и обратно, в голове крутилась смутная идея переехать подальше на запад, хотя бы в Корнуолл. Мои метания довольно бесцельны. Сам не знаю, чего ищу. Ненавижу быть неприкаянным. Вот Нелл и Пит везде чувствуют себя как дома. Я и к Шарлотте так привязался отчасти из-за ее постоянства. Она не оставит

родной Брайтон, даже если ей приплатят. А вот я могу жить где угодно. В том-то и проблема уроженцев глухих местечек. Возможно, моим прибежищем станет Корнуолл, только один я туда не поеду! Мне нужна вторая половинка. Как ни прискорбно, после всех потраченных усилий и убитого времени теперь я точно знаю, что это не Шарлотта.

Сперва я подумывал о Ричмонде. Мне нравится, что он на западе – оттуда легко добираться до Корнуолла. Шагая к реке через парк, я было обрадовался. Просто волшебный мир Диснея: сверкающая под мостом вода, старинные фонари, лодки в прокат. Я вполне мог бы здесь поселиться, полюбить, жить обычной жизнью. Вдруг низко надо мной пролетел самолет, и я буквально почувствовал вкус помоев, которые раздают пассажирам на борту. Подумать только, все эти жители шикарных домов каждые три минуты вынуждены прерывать беседу и ждать, пока прекратится шум!

Потом я поехал обратно в Лондон, выходя ненадолго на каждой остановке. Барнс: очень похож на деревню, да и взлетная полоса близко – ни разговаривать, ни думать невозможно. В Патни не слышно самолетов, но разве там вообще можно жить? Сплошная магистраль с вереницей разорившихся магазинов. Вандсуорт: дорога в один конец. Клэпхем: на первый взгляд просто свалка.

Удрученно стоя возле унылого универмага «Маркс и Спенсер» на совершенно безотрадной центральной улице, провонявшей жареным картофелем из «Макдоналдса», я понял, что голоден, и отправился на поиски более или менее пристойной еды. Кулинарный отдел отпал сразу, так же как и готовые сэндвичи, и я шел до тех пор, пока не наткнулся на уличку с кафе и магазинами, небольшим рынком и итальянским рестораном, где подавали нормальную еду.

Заказал бифштекс и шпинат на отдельной тарелке. Разогрев кровь бокалом неплохого бардолино, я вышел на улицу и посмотрел на нее другими глазами. На углу обнималась тридцатилетняя парочка: он просунул колено между ее бедрами, она сжимала его ягодицы. На безымянном пальце девушки блеснуло кольцо. Может, они были тайными любовниками, но я охотно представил, что они женаты. После этого вошел в первую попавшуюся контору агента по недвижимости. Надутый придурок в костюме в тонкую полоску сообщил, что район называется «Межпарковая зона».

– Какой суммой вы располагаете, сэр? – осведомился он. – Сейчас спрос превышает предложение.

Ага, всегда у них спрос превышает предложение.

Пока я просматривал выставленные на продажу дома, Шарлотта оставила на автоответчике целых три сообщения. Я послушал ее взволнованный голос по пути на станцию. Она придет домой пораньше. Когда вернусь я? Она раздобыла куриные грудки и мои любимые спагетти. Приготовить ужин или я хочу пойти в ресторан? Она убрала квартиру и купила подарок: рубашку в крапинку от Пола Смита, которая приглянулась мне в витрине. «Приезжай скорее. Посмотрим, впору ли она тебе».

Надо же, какая забота. Чувствует, что я ускользаю. Я уже почти ушел. Пытаюсь представить, как целую Шарлотту на улице, прижав к стене, и не могу. Конец роману. Она упустила свой шанс. Могла бы раньше задуматься. И тогда я остался бы с ней. Теперь слишком поздно. Ничто в женщине так не отталкивает, как чрезмерная навязчивость. И вообще, зачем мне столько рубашек от Пола Смита?!

На ужин пришли Нелл с Питом. Я почти ничего не ел. Вообще-то я люблю жареную свинину, но она купила ее в супермаркете «Вейтроуз», и у мяса был мерзкий привкус. Шарлотта выкинула упаковку, чтобы я не видел. Подозреваю, там был маринад или еще какая-нибудь дрянь. Воняло ужасно. Есть не стал.

После того как они ушли, набрала воду в ванну. Я был на взводе, чего я не люблю, поэтому пришлось принять таблетку из тех, что дал мне Джим. За дверью послышались сдавленные рыдания, явно предназначенные для моего слуха. Я распахнул дверь, и Шарлотта метнулась к дивану. У ее ног валялись ошметки грязи с ботинок Пита. От бокала Нелл на журнальном столике остался круглый след, будто слизень прополз. Меня передернуло, но я попытался не обращать внимания и спросил, в чем дело. Она заявила, что я специально ничего не ел, чтобы ее обидеть. Будто я «играл с ее чувствами» – фразочка из лексикона ее подруг. Сказала, что не понимает, как я мог вести себя нормально в присутствии Нелл и Пита, а потом «стать таким».

– Каким?

– Странным. Безразличным. Слова мне не сказал с тех пор, как они ушли! Ты даже не помог мне с посудой! Это твои друзья. Я пригласила их, чтобы сделать тебе приятно. Ты был таким добрым, таким любящим! Я думала, ты самый ласковый и нежный мужчина на свете!

Почему сразу не сказать, что именно ее не устраивает? Меня бесит, когда люди не способны говорить все как есть. К чему притворяться? К чему поднимать вопрос о том, что я перестал быть добрым и любящим, если на самом деле она разозлилась из-за упомянутого Нелл Галлза, куда я

ее так и не пригласил? Шарлотта из тех девок, что оценивают романтические отношения по количеству совместных поездок. Глядя на ее красные глаза, искусанные губы и пальцы, судорожно теребившие поясок облегающей шелковой блузки, которую она купила, чтобы меня соблазнить, я разъярился. Почему она на меня насела? Ни в чем я не виноват! Иногда я сам не понимаю причин своего поведения. Будто мозг намеренно отделяет прошлое от настоящего. Ничего не могу с этим поделать: ни отступить, ни сбить обороты. Не знаю... Уж какой есть!

— Я подумал, что ты на меня сердишься, — сказал я. — И решил не путаться у тебя под ногами. Я подумал, что ты видеть меня не можешь. В последнее время ты такая странная. — Я пристально посмотрел ей в глаза. — Я совсем отчаялся! Уже много недель не могу продать ни одной картины. Ничего не даю тебе на хозяйство. Ты сидишь по ночам, зарывшись в бумаги... И как ты меня терпишь? Я подумал, что ты решила меня слить.

Как все просто! Она понятия не имела, что мои дела настолько плохи. Сказала, чтобы я не беспокоился о деньгах — она зарабатывает достаточно для нас обоих. Она любит меня больше всех на свете. Возможно, когда-нибудь я найду «цель в жизни» и обрету «чувство собственного достоинства».

Я чуть не взорвался. Покровительственные нотки меня взбесили. Я позволил ей поцеловать себя еще разок и просюсюкал:

— Пойду искупаюсь, у меня ванночка налилась!

— Ладно, — просюсюкала она в ответ. — Прости, что расстроила тебя.

И она включила пылесос, чтобы убрать грязь с ковра.

Вечером я следил за женщиной. Да, нечестно, я и не отрицаю! Зато испытал небывалое удовольствие.

Здорово рискуя, я вывесил свою анкету на сайте знакомств. Успех превзошел все ожидания — буквально в течение суток пришло тридцать сообщений. Черно-белое фото, на котором я будто бы не догадываюсь, что меня фотографируют моим же айфоном, — отличная идея! Уже на три свидания сходил. На первое явилась престарелая адвокатесса, в ее возрасте даже ботокс не спасает. Потратила зря свое и мое время. Я поцеловал ее изборожденную венами руку и сказал: «Мадам, если наши дороги снова пересекутся, тогда оба мы воспримем это как знак судьбы» или еще какую-то невнятную чушь вроде этой. Не хотелось ее обижать, хотя кого она пыталась обмануть, вывесив фотографию столетней давности?!

На второе явилась разведенка, умница-красавица (научная степень по биологии из Йоркского университета), но она тоже соглашалась. Сказала, что

живет одна, однако я мигом выяснил, что у нее ребенок. Постоянно проверяла мобильник, а когда я вернулся из бара, она что-то в него нашептывала. Я разобрал: «Спать. Быстро!» Строить новые отношения на вранье – не лучшая идея. Жаль.

Обе дамочки явно не понимали, почему привлекательный, нормальный мужчина вроде меня знакомится по Интернету. Сегодня попалось кое-что более перспективное. Мы встретились в баре в дальнем конце Кингс-роуд, Челси – «буквально через реку» от того места, где она якобы живет. На ней было лиловое платье-халат, обтягивающее все выпуклости, с глубоким декольте. Короткая стрижка, светлые пряди, толстая линия подводки на глазах, между передними зубами щербинка. Очень даже ничего. Чем-то напомнила мне Вики Мерфи в юности. Первые две выделялись, рассматривали вино в бокале, перекатывая его в руках. А Кэти (вряд ли это ее настоящее имя) вызывающе скрестила ноги, посмотрела мне прямо в глаза и выпалила с южным лондонским акцентом: «Можешь не притворяться. Карты на стол! Знаю я, зачем ты здесь».

– Передислокация? – спросил я полуслыша.

Она подозрительно посмотрела на меня и пожала плечами:

– Секс. Ты женат. Притворяешься, что ищешь… Любовь? Спутницу жизни? Что будет, то будет? Или какое еще вранье ты насочинял для своей анкеты?

– Это вовсе не вранье! – честно сказал я.

– Знаешь, я давно уже в игре. Таких, как ты, видела не раз. Если мужчина слишком идеальный – это только видимость. – Она облизнула палец и провела по краю бокала. Раздался противный скрип. – Рубашку ты явно не сам выбирал. Такую способна купить только жена.

Я принялся отнекиваться, запинаясь и заикаясь. Рассказал про свою стеснительность, про старую любовь, что купила мне рубашку незадолго до того, как сбежала с моим лучшим другом.

– Чувствовала свою вину, хотела меня хоть как-то утешить, – не моргнув глазом, заявил я. – Не стоит делать поспешных выводов.

О, когда надо, я могу и не такое изобразить! Я настоящий профи!

Могу быть коричневым, могу быть синим… Могу быть каким угодно для тебя!^[1]

– Послушай, – сказала Кэти. – Ты мне нравишься. Если помнишь, в разделе «Знакомства» я написала: «долговременные или кратковременные отношения, я не привереда». Лгать не буду. В принципе я ищу спутника жизни, однако вовсе не прочь приятно провести время, если подвернется такая возможность.

Ненавижу, когда говорят «лгать не буду». Пустые слова! Лишь бы казаться более значимыми. Как барабанная дробь, только словами. Довольно часто после этого люди лгут или выдают полуправду или правду, в которую и сами-то не верят, просто им нравится, как она звучит.

– О чём это ты? – произнес я с запинкой.

Она насмешливо посмотрела на меня.

– Хм. Сама не знаю.

Я поспешил сменил тему, чтобы обдумать открывшиеся возможности. Кэти предложила мне секс, если не ошибаюсь, сегодня. Заманчиво. В то же время она чересчур проницательна. Ясное дело, на мой счет она заблуждается, при этом слишком прямолинейна и агрессивна. В любом случае ошиблась. Я настроился вовсе не на короткую, а на длинную игру.

Я спросил, чем она зарабатывает на жизнь. Психолог, занимается когнитивно-поведенческой психотерапией с пациентами, страдающими нервными расстройствами. Я сделал вид, что впечатлен.

– Доктор! – воскликнул я, хотя прекрасно знал разницу между обычным психологом и специалистом с десятилетней медицинской подготовкой (недаром я столько прожил на съемной квартире со студентами-медиками в Эдинбурге). Сплошные разговоры, никаких лекарств. Впрочем, интересно, почему она не стала это отрицать.

Вечер прошел довольно быстро. Общаться с ней было приятно – она вела себя откровенно и при этом игриво. Особенно мне понравился рассказ про терапию для супружеских пар, у которых прекратились брачные отношения. «На второй день они уже свободно трогают и гладят друг друга везде: руки, грудь, бедра – только не бюст, вагину или пенис». Для пущей экспрессии Кэти намеренно растягивала свистящие и шипящие звуки. Я смотрел на ее губы, на мелькающий между зубами язык и думал, что вот-вот отправлюсь пряником к ней домой. Секс всегда был моей слабостью.

Расплачиваясь за напитки, она устроила настоящий цирк: эпатажно швырнула пачку купюр на столик прежде, чем я успел возразить. Будь я в галстуке, она наверняка схватила бы за него и выволокла меня на улицу. Я с трудом успокоился и сказал, что мне пора уходить, потому что завтра рано вставать.

– Домой к женушке? – разочарованно протянула Кэти.

– Нет. – Я осторожно щелкнул ее по носу. Она попыталась поймать мой палец ртом. – Однако я вполне джентльмен, чтобы проводить тебя.

– Я всегда читаю то, что написано мелким шрифтом! – заявила она, застегивая пальто. – Никаких личных данных на первом свидании.

– Чего ты боишься? Думаешь, я тебя придушу в подворотне?

Она рассмеялась:

– Я большая девочка!

Я продолжал настаивать. Она так заинтриговала меня, что хотелось узнать о ней побольше.

– Осторожность никогда не помешает, – сказал я. – Уже поздно. На улицах полно психов.

Кэти уступила и позволила проводить себя до метро. Идти пришлось долго, настроение упало. И все же на станции «Слоун-сквер» я склонился и медленно поцеловал ее в каждую щеку, приоткрыв губы. Попутно потрогал ее за грудь. Если раньше она не особо увлеклась мною, то теперь уж ее точно зацепило. Она пыталась держаться невозмутимо, кокетливо помахала рукой на прощание и исчезла в недрах эскалатора, напоследок крикнув: «Позвони! Давай как-нибудь повторим!»

Не упускать ее из виду было нетрудно. Нужно лишь пропустить вперед пару человек. Она даже не оглядывалась. Стояла на восточной платформе – Кольцевая линия – и смотрела на рекламу зубного ополаскивателя на противоположной стене, теребя прядь волос на затылке. Расстегнула пальто, перевязала пояс на платье, дернула плечами, уставшими от лямочек бюстгальтера.

Когда прибыл поезд, я сел в соседний вагон и наблюдал за ней через окно. Кэти села, достала из сумки журнал. «Экономист» – вот это сюрприз! С другой стороны, это было кстати: на следующей остановке – станция «Виктория» – она сошла и продолжила чтение на эскалаторе, пока не добралась до центрального зала. Кэти оказалась куда умнее и амбициознее, чем я думал.

В электричке она тоже читала. Обзор был хуже, мешали люди в проходе. Я стоял близко к дверям и поглядывал на нее на каждой остановке. Вышла она нескоро – минут через двадцать пять, на унылой маленькой станции, в далеком пригороде. Будь мы на Среднем Западе, между платформами непременно росло бы перекатиполе, а в Англии валялись упаковки из-под чипсов и пакеты супермаркета «Олди». Жаль, не записал название. Станция настолько банально безликая, что не могу вспомнить. Ясное дело, при желании нетрудно узнать, но это уже не важно. Бокслэнд? Мокстон-Истфилд? Проехали.

Со мной вышли двое парней лет двадцати в паршивых костюмах, выдыхая пивные пары, и я пристроился за ними. Кэти покинула вокзал – уродливое здание из дешевого кирпича с фальшивыми колоннами, перешла через дорогу и направилась к ряду модульных домов. В конце – парни все еще двигались передо мной, из-под пиджаков торчали рубашки – она

свернула налево на такую же безликую улицу. Парни хохоча отправились прямо, по пути один из них подпрыгнул и попытался достать уличный фонарь. Она оглянулась через плечо, на лицо упал желтый свет, я мигом укрылся в тени и переждал.

Кэти прошла еще немного, я же остался стоять под прикрытием живой изгороди. Я не знал, что мне делать. Вроде бы уже увидел достаточно, однако любопытство и трепет желания меня слишком захватили. Она остановилась посередине квартала, порылась в сумочке в поисках ключей и потом зашла в дом. Я дал ей время раздеться, почистить зубы, выпить чаю и скользнул на другую сторону улицы, чтобы посмотреть, где она живет.

Увы, вот он – решающий фактор. Даже если бы в Бокслэнде или Мокстон-Истфилде открылись неожиданные источники наслаждения (вроде ресторана авторской кухни), я никогда не смог бы быть счастлив с женщиной, которая живет в таком доме. Уродливые алюминиевые окна, завешенные грязными тюлевыми занавесками, помпезное крыльцо, вполне способное украсить Версальский дворец, место для парковки, выложенное гладким кафелем, который встретишь только в ванной. Жаль. Может, оно и к лучшему. Вламываться в дом и смотреть обстановку не стоит. Сигналов опасности было предостаточно: работа, журнал «Экономист», одежда. Будь дом и райончик получше, я мог бы и проколоться. Пожалуй, поищу теперь женщину без ученой степени. Я истосковался по кротости, а не по развязности. Не хочу, чтобы на меня смотрели сверху вниз. Люди с высшим образованием, будь то медицина или любая другая область, думают, что знают все. Часто они вообще ни черта не смыслят.

Мне ничуть не стыдно, что я проследил за Кэти. Чего же ты ждешь, соглашаясь на встречу с незнакомцем? У нее наверняка захватило бы дух, узнай она, что я был здесь.

Я представить не мог, что она живет в таком доме. Никогда не знаешь, чем человек тебя удивит.

Глава 5

Лиззи

– Ясное дело, если бы я могла выбирать, то предпочла бы труп.

Кроме шуток! Вчера меня вызвали на происшествие в ресторане «Тадж Махал» – какой-то умник откусил своему приятелю ухо. Так пока я снимала показания, этот парень согнулся пополам и заблевал мне все ботинки! Саму едва не вырвало! У вас такое случалось? Когда другого тошнит, меня тоже выворачивает.

Морроу, мой инспектор-психолог, сидит за кухонным столом. Перед ней чашка чая, но она к ней и не притронулась. Она вжимает голову в плечи и держится руками за живот, чтобы изобразить свои незабываемые впечатления.

Они сидят уже не меньше часа и болтают без умолку. А от меня осталась лишь бледная тень. Я их почти не слышу.

Домой я вернулась уже в темноте, в девятом часу. Джейн ждала у порога, вышагивая перед дверью взад-вперед, чтобы согреться. Морроу приехала следом за мной. Хотя она и не официальный соцработник, зато в отличие от меня располагает необходимыми ресурсами – инспектор все-таки! Это может пригодиться.

Она ни на минуту не замолкает. Так было и в ту роковую ночь, когда она постучала в мою дверь. Тогда ей было всего двадцать пять. Даже представить не берусь, каково ей приходится. Морроу несла полнейшую чушь вроде того, что она в тот день ела, что говорила или думала ее мать. Поначалу мне хотелось закричать, настолько глупой казалась мне эта болтовня. За последний год она купила собственную квартиру, похудела на пять фунтов и коротко постриглась. Теперь я понимаю, что она делает. Это стратегия борьбы со стрессом. Так она снижает накал эмоций.

В прошлом месяце ее шеф, инспектор полиции Периваль, читал в нашей школе лекцию по интернет-безопасности, и я сказала ему, что восхищаюсь Морроу, тем, как она сохраняет спокойствие при любых обстоятельствах. Он презрительно фыркнул и заявил, что молодые офицеры сострадают потерпевшим гораздо глубже, чем более опытные сотрудники. Он так и выразился: сострадают.

Морроу пришла, хотя сегодня у нее выходной.

– Ты смеешься?! – восклицает она. – Я чуть не рехнулась со скуки! Заняться нечем, по телику только «Антикварные гастроли»^[2]. Выбор был невелик: либо приехать к тебе, либо позвонить маме.

– Ухо-то удалось спасти? – Джейн кладет руку мне на колено.

На ней платье в стиле пятидесятых и чулки в сетку. Похоже, собирается приятно провести вечер. Джейн похлопывает меня по коленке, чтобы показать: она про меня не забыла.

– Официант сунул его в пакет с замороженным горошком. Кто мог подумать, что в индийском ресторане есть зеленый горошек! Кстати, индузы кладут его в матар панир^[3]. Короче, отправили парня в реанимацию, и дело с концом! – Морроу берет чашку, отпивает и ставит обратно на стол. – Поразительно, сколько крови натекло из одного уха. Правда, не так много, как на прошлое Рождество, когда пострадавшего согрели замороженной индейкой. И все равно гораздо больше, чем ты можешь себе представить. Причем кровь была самая настоящая, а не красная краска.

Она заговорщицки подмигивает, я опускаю голову. Внезапно на меня накатывает усталость, словно богатый на события день растянулся до неимоверных пределов, и с тех пор, как я позвонила Джейн и сообщила, что возвращаюсь, что непременно буду останавливаться и набирать ее каждые полчаса, прошли не пара часов, а пара дней. Какой-нибудь час, который я просидела, трясясь мелкой дрожью на кухне с Джейн и Морроу, по чьей просьбе полиция проверила студию Зака, показался мне длиною в несколько дней. Наконец они перезвонили и вынесли свой вердикт: на стенах не кровь, а краска. Вероятно, в студию вломились с целью грабежа, хотя вроде бы ничего не пропало...

Я сижу, не поднимая головы. На мне старая мамин юбка. Она грязная, в пятнах травы и следах собачьих лап. Когда я успела испачкаться? У дерева на месте аварии или пока бежала с холма сегодня утром? Снимаю с плеча побег ежевики. Под свитером – рубашка Зака. Та самая, с чернильным пятном. Надо снова попробовать отстирать. На ногах резиновые сапоги. Неужели я вела в них машину?! Как же я переключала скорости и нажимала на тормоз? Морроу меня за это точно не похвалит. Не хочу ее сердить. Только не сейчас.

– Лучше бы ты дождалась, пока я за тобой приеду! – восклицает Джейн.

Я качаю головой.

Она улыбается и трет мою щеку. Наверное, там красная помада с ее

губ. Я глубоко вздыхаю и оглядываю кухню. В раковине грязная посуда от вчерашнего завтрака. На столе крошки. С тех пор как умер Зак, я особо не слежу ни за кухней, ни за квартирой вообще. Деревянные панели побурели, возле мусорного бака засохшие брызги и пятно от чайного пакетика, брошенного мимо. Нужно устроить уборку.

– Вы обе думаете, что я сошла с ума.

– Нет, – отвечает Морроу и внимательно на меня смотрит.

– Я уверена, что Зак жив! – Стараюсь говорить спокойно. У моих ног Говард лениво жует сапог. На столе ноутбук. – Откуда его ноуту взяться в Галлзе? И некоторые вещи пропали. Нет его резиновых сапог. Я нашла их в Сэнд-Мартине! Они стояли на полке с обувью.

– В Сэнд-Мартине? – переспрашивает Морроу.

– Понятия не имею, как они туда попали. В прошлый раз, когда мы ездили в Корнуолл, сапоги были в Галлзе. Так что это неспроста. Есть и другие признаки. Кое-что пропало: одежда, сумка, фонарик, деньги, отложенные на всякий случай, и вроде бы картина.

– А ты хорошо обыскала дом? – спрашивает Морроу. Она откидывается на спинку стула, поднимает колени к краю стола. – Ты ведь давно там не была.

– Полиция считает, что студию взломали, – добавляет Джейн. – В Галлзе никто не появлялся целый год...

– У дерева лежали чужие цветы – лилии. Кто-то ведь их там оставил! Плюс серебристый внедорожник, который я видела не раз и не два! – Я трясу головой, пытаясь собраться с мыслями. – Может, это и не имеет отношения к делу.

Я все делаю не так. Надо вести себя осторожнее, иначе они поймут меня превратно.

Чтобы как следует все обдумать, я встаю, вынимаю сапог из зубов Говарда и открываю дверь. В саду темно и ветрено. Пес исчезает в кустах. Я возвращаюсь на свое место, сажусь прямо. На ноге подрагивает мышца.

– Я написала ему письмо, – говорю я. – Когда приехала в Галлз, оно было распечатано. Он его прочел.

– Какое письмо? – спрашивает Джейн.

– Что ты ему написала? – интересуется Морроу.

– Понимаете, в последнее время у нас было не все гладко. Я никак не могла забеременеть, а Зак... Зак вел себя несколько... В общем, он стал слишком despотичным. Я написала то, чего не следовало. Что хочу разъехаться.

От каждого слова в горле встает ком. Я кашляю, пытаюсь рассмеяться

и нервно верчу в руках старую чашку. Джейн накрывает мою ладонь своей и пожимает. Лак на ногтях бледно-серый, как у монашки.

– Письмо у тебя с собой? – как ни в чем не бывало спрашивает Морроу.

– Нет. Сожгла. – Я не могу поднять глаз. – Единственное, что меня утешало весь этот год, – Зак не прочел письмо. Но он прочел. Должно быть, добрался до Галлза раньше, чем сказал мне. Он там точно был, понимаете? Доехал до своего бунгало (поэтому его ноут и остался там) и прочел письмо. Он так разозлился, что разгромил свою студию. – Я поворачиваюсь к Джейн: – Представляешь, разнес все в щепки. И да, не кровь – краска по всем стенам. Словно он был в бешенстве. Должно быть, потом он взял себя в руки и солгал мне по телефону. Он оставил мне послание на картине.

– На какой картине?

– Какое послание? Зашифрованное?

– Углем. Он нарисовал, как плывет в новую жизнь без меня. Знал, что я пойму. Потом он запер дом и...

У Джейн такое лицо, будто ее ударили. Глаза широко распахнуты, щеки горят. Я перевожу взгляд на Морроу и вижу, как нелепо изогнулись ее губы. Джейн убирает руку и прикрывает рот, с тревогой глядя на меня. Обе молчат.

– Теперь-то понимаете? – повторяю я.

Морроу сухо кивает:

– Он прочел письмо и распереживался. Потом напился, чтобы залить горе. И отправился в Лондон. Это объясняет его маршрут. Он вовсе не проехал нужный поворот. Он помчался на встречу с тобой, злой и пьяный. Возможно...

Джейн опустила руку.

– Ах, бедный Зак! Он...

– Нет! – кричу я. – Он не убил себя! Это вовсе не самоубийство! В машине его не было! Там был не он!

Джейн отодвигает стул, садится на корточки рядом со мной. Она обнимает меня, и я плачу в голос.

– Тела-то не было! – говорю я.

– Как? – удивляется Джейн. – Милая, тело было.

– Нет! Нет!

Морроу тоже встает, открывает заднюю дверь. Наверное, решила впустить Говарда. Пес обнюхивает мои ноги, кладет голову мне на колени. Борода его мокрая и слипшаяся. Морроу берет чайник, возвращается к столу и наливает чай.

– Проводить экспертизу ДНК не требовалось. Послушай меня, Лиззи! Его мобильник нашли в машине. На камерах видеонаблюдения видно, как он оплачивает бензин. Ты сама сказала, что тем вечером он был за рулем. Экспертиза проводится лишь в том случае, когда есть сомнения. У нас же не было ни малейшего сомнения.

Я вспоминаю, как она появилась тогда у меня на пороге. Новенькая форма, волосы аккуратно собраны в конский хвост. Сказала, что должна задать мне несколько вопросов. Кому принадлежала машина? Кто был за рулем? Это точно? Теперь я понимаю – она искала доказательства. Ее слова повисли в воздухе. Я закрыла уши, чтобы ничего не слышать. Морроу протянула фото Зака, сделанное с изображения камер на заправке: «Это он?» Я смяла фотографию и попыталась вытолкнуть инспектора за дверь.

Я сморкаюсь. Джейн опускает голову, подозрительно смотрит на меня и пододвигает стул ближе.

Похороны прошли в крематории Патни-Вейл. Под проливным дождем машина медленно ехала между могил. Мы опаздывали, следующие клиенты уже ждали, расхаживая возле часовни. Множество цветов. Полупустая церковь. Пегги с Робом, несколько художников из студии, где работал Зак. Запах сандала, шорох пластиковых жалюзи. Гроб казался практически невесомым, нести жалкие останки было совсем нетрудно. Плетеный ивовый гроб был так мал, что в нем мог бы поместиться ребенок.

– Кто был в машине, Лиззи? Если не Зак, то кто же? – очень тихо спрашивает Джейн.

– Зубы и кости! – грубо отвечаю я. – Даже не кости, а их осколки.

– Лиззи, в машине кто-то был, – говорит Морроу.

– Похоже, он инсценировал аварию. Как – не знаю. Стоял сильный туман, машина превратилась в огненный шар. Зак был умен, гораздо умнее меня. Он вполне мог все спланировать.

Джейн чуть отпрянула:

– Хочешь сказать, он кого-то убил?

– Нет, конечно, нет. – Мысли путаются. – Возможно, он кому-то одолжил свою машину, а когда случилась авария, просто воспользовался подвернувшимся шансом. Это вполне на него похоже. Зак любил рисковать. Он считал себя не таким, как все, ему нравилось разрушать стереотипы. Прецедентов немало. Помните людей, которые воспользовались обрушением башен-близнецов и начали новую жизнь?

– И где же, по-твоему, Зак теперь? – спрашивает Джейн.

– Да где угодно, бродяжничает или... В детстве он часто ходил в походы. Он взял вещи, которые могут пригодиться на природе: фонарик,

сапоги. Живет где-нибудь у моря. Он обожает море.

– А как же бунгало? Разве он не там жил?

Я рассматривала и такой вариант. В Галлзе стоял затхлый запах. От чайника до окна паук сплел паутину.

– Нет. Думаю, он где-то совсем рядом со мной. Послушайте, все сходится! Не зря мне казалось, что за мной следят! И это не разыгравшееся воображение! Помните ту кражу со взломом? Воршел через парадный вход, как к себе домой! Это мог быть Зак.

– Разве мы не решили, что перед сном ты не заперла дверь? Оставила ее на защелке или вообще не закрыла! – напомнила Морроу.

– На тот момент другого объяснения мне в голову не приходило. Но если у Зака был ключ...

– Ничего не понимаю, – тихо сказала Джейн. – Лиззи, ведь речь идет о Заке! Неужели ты думаешь, что муж, который тебя обожал, способен устроить тебе такой ад? Следить за тобой?

– Послание на картине! Возможно, он хотел дать мне знать, что жив. И это не упрек, а ободрение. Или и то, и другое.

– Даже если так, то вряд ли бы он тебя покинул. Какой человек способен на такое? Разве стал бы он тебя так терзать?..

– Он... – Я не могу им объяснить. – У него был непростой характер...

Морроу доедает остатки печенья, ломая его на кусочки. Она говорит как ни в чем не бывало:

– Он не смог бы раздобыть новые документы. Раньше это было несложно: заказываешь копию свидетельства о рождении человека, с которым родился в один год и который потом умер. Полицейские так и делали. Только лазейку прикрыли, теперь вся информация находится в единой компьютерной базе. Поверь, Лиззи, это не так-то просто. – Она качает головой, смахивая крошки с губ.

– Зак не раз говорил, что не прочь пожить вне системы!

Джейн встает. Проходя мимо, похлопывает меня по плечу. Загружает чашки и тарелки, оставшиеся с завтрака, в посудомоечную машину. Тряпкой смахивает крошки со стола и со стойки.

Ее движения точны. Джейн из тех энергичных и сметливых людей, которые делают все быстро и при этом неторопливо. Будто специально себя чуть останавливают. Тем временем Морроу ласково мне улыбается.

Вспоминаю наши предыдущие беседы. Она всегда заносит в блокнот мельчайшие детали. Сегодня не написала ничего. Я знаю, что ни подруга, ни инспектор-психолог не верят ни единому моему слову. Они считают, что я все выдумала. Их беспокоит вовсе не местонахождение Зака, а мое

душевное состояние. Мои сомнения. Они пытаются вести себя очень осторожно. На мгновение я теряюсь. Сижу и понимаю, что они не воспринимают меня всерьез. Они не знают его, как я! Он не стал их плотью и кровью. Не притаился за их губами, за веками. Я совсем одна! Глупо ждать от них помощи. Мне никогда их не убедить. Это касается только меня и Зака.

В кухне повисает тишина. Вдруг в замке поворачивается ключ, и все мы вздрагиваем.

Пегги взяла с собой двух детей из трех – Алфи пять лет, Гасси три года.

– Ты дома! – восклицает она, вталкивая детей в кухню. – С тех пор как позвонила Джейн, я места себе не нахожу! Ты ехала так долго!

Она обнимает меня, мы с Джейн испуганно переглядываемся. Я не просила звонить сестре. Не знаю, что она ей сказала. Подруга чуть качает головой.

Гасси карабкается мне на колено и трогает меня влажными ладошками. Она легонько целует меня в губы. Щекочет лицо кудрявыми, как у мамы, волосами. Алфи в костюме Бэтмена играет с Говардом. Я их очень люблю, но сейчас мне хочется лишь положить голову на стол и закрыть глаза.

– Привет, Джейн! – говорит Пегги и тоже обнимает ее. – Привет, наш дорогой инспектор! Как мило, что ты пришла. Отличная стрижка! Выглядишь шикарно!

Поток слов выдает легкое недовольство Пегги, которое она испытала, увидев у меня обеих женщин.

Она усаживается на стойку. Волосы Пегги заплетены в две косы вокруг головы.

– Лиззи, я так рада, что ты вернулась! Подумать было страшно, как ты там одна, вся в мыслях о Заке! Ты должна быть в кругу семьи! – Еще одна шпилька.

Гасси требует поиграть «по кочкам, по кочкам», я качаю коленом вверх-вниз, держу ее крепко, прислонившись щекой к детской спинке. Вся в мыслях о Заке, как просто это звучит. Девочка пищит от радости.

– Еще! Еще!

– Гасси с удовольствием останется у тебя ночевать, – говорит Пегги. – У своей любимой тетушки.

– У своей единственной тетушки, – добавляю я.

– Не сегодня, – заявляет Джейн.

– Может быть... – начинаю я.
– Нет! – твердо говорит Джейн. – У Лиззи был тяжелый день.
– Я не подумала, – отвечает Пегги, мило улыбаясь. – В другой раз, крошка.

Алфи спускается со второго этажа с коробкой капиллярных ручек Зака. Он открывает крышку, переворачивает упаковку вверх ногами и высыпает ручки на стол.

– Молодчина! – восклицает Пегги. – Отличные маркеры. Попроси у тетушки Лиззи бумагу.

– Где взял? – спрашиваю я. У всех перья разной толщины. Зак обращался с ними очень аккуратно, чтобы не затупить, в коробке есть свое отделение для каждой. – Вообще-то они не для игры.

– Лиззи, он же ребенок! – вступается Пегги.

– Подаришь? – спрашивает Алфи, снимая колпачки.

– Может быть, когда подрастешь... – отвечаю я, не глядя на сестру.

Мне чудится, что она фыркает. Что ж, может, она и права.

– Ну, мне пора. – Морроу встает. – Так и не позвонила маме. Через пару недель у нее день рождения, и мы готовим вечеринку.

Я спускаю Гасси с колен и провожаю Морроу. Как же хорошо на улице! Ночной воздух холодит шею, забирается под свитер, щиплет голые ноги. Инспектор оставила мопед у паба в конце улицы. Это тупик возле перекрестка рядом с магистралью, по которой вечно с оглушительным ревом несется транспорт. Уличный фонарь раскачивается в такт гулу автострады. Она отстегивает шлем, стоя ко мне спиной, и я оглядываю захудалый пустырь впереди – трава, деревья, заросли ежевики. За ним светится Вандсуортская тюрьма. Тысяча шестьсот заключенных, и у каждого свое преступление, свои нездоровые увлечения, свои ошибки. Само здание вызывает ужасные чувства. В свете прожекторов оно выглядит особенно зловеще, тут и там зияют темные провалы окон.

Морроу мучается со шлемом, пытаясь застегнуть его на подбородке. Потом смотрит мне в глаза и спрашивает:

– Ты вообще ешь хоть что-нибудь? Выглядишь совсем отощавшей.

Я уверяю, что ем, хотя уже забыла, когда это было в последний раз.

– Ну ладно. Так что ты написала в письме?

– Как и у многих пар, у нас были свои взлеты и падения...

Я размышляю, не посвятить ли ее в некоторые специфические особенности характера Зака. К примеру, ему не нравилось, когда я читала в его присутствии, и он мог выбить газету у меня из рук или спрятать книгу так, что невозможно было найти. Простое действие вроде закрытия

посудомоечной машины – и он уже буквально искрит злобой. Мне следовало крайне внимательно подбирать одежду, вести себя как можно осторожнее, и поэтому я дико боялась бывать на людях, особенно на вечеринках, где так легко попасть впросак и разозлить его своим поведением.

– Так, пустяки, ничего особенного.

– Знаешь, твоя идея насчет Зака...

Я машу рукой, признавая собственную глупость.

– Знаю! Идея бредовая...

– Точно. – Она многозначительно смотрит на меня. – Держись!

Морроу трогается с места и машет мне рукой. Она сидит в комичной позе (человек на скутере всегда выглядит нелепо), доезжает до конца улицы, возле тюрьмы включает правый поворотник и исчезает. Если она не поможет, сама справлюсь.

Я стою, чувствуя присутствие Зака за оградой. Он наблюдает за мной из темноты, из деревьев позади двора. Воздух вибрирует, будто наэлектризованный или где-то дрожит тончайший лист металла. Я прислушиваюсь, стараясь не обращать внимания на шум проезжающей машины, чтобы разобрать звук его дыхания. Я закрываю глаза и раскидываю руки.

– Приди ко мне! – шепчу я. – Если ты здесь, то приди! Ну же!

Так ничего и не дождавшись, возвращаюсь домой.

Зак

Ноябрь 2009

Сначала я счел кандидатку под номером четыре (Беззаботная 201) нахальной кокеткой. В отличие от остальных номер телефона она дала сразу. Услышав ее голос, понял, что девушка вовсе не напористая, просто наивная. Довольно застенчивая, немного заикается. Низший слой среднего класса, в своей профессии добилась успеха. Подумать только, библиотекарь! Я спросил, где она живет, на что девушка ответила: в Вандсурте, возле тюрьмы. Снимает жилье с кем-то или живет одна? Одна. Пока мы болтали, я открыл карту района. Чуть западнее того места, где я встретил сладкую парочку, обнимавшуюся прямо на улице, но район тот же.

Вместо банальной встречи в баре я предложил славную долгую прогулку. Она задумалась и с восторгом воскликнула:

– Это гораздо лучше, чем бар! Какой ты молодец, что придумал!

Еще бы. Я ведь слышал, как лаяла собака, а голос девушки стал тише, будто она придерживала трубку подбородком, пока открывала дверь.

Первое впечатление оказалось так себе. Чудаковатая бесцветная птичка, одета в мешковатые джинсы и флисовую кофту, на поводке огромная зверюга, с которой она едва справляется. Хотя девушка описала себя в анкете как «любительницу путешествий», вряд ли она выбиралась дальше пригородов Лондона. Увидев меня, вспыхнула до корней волос. Я продумал свой наряд (на этот раз никаких рубашек от Пола Смита), вещички из «Эйдж-Консерн», которые вполне понравились бы девушке, близкой к литературным кругам. С погодой не угадал – было слишком тепло. Вдобавок чертова сумка художника здорово отравляла мне жизнь на нашей «славной долгой прогулке».

По дороге к Вандсуртскому парку изо всех сил пытался ее расшевелить. То и дело смотрел на нее краем глаза, потом заметил, что она тоже за мной наблюдает. Как ни странно, это меня тронуло. При ближайшем рассмотрении у нее обнаружилось довольно милое лицико и неплохая фигурка. Самое приятное, что она сама об этом не догадывается. Девушка грызла ногти, и мне пришлось взять ее за руку, чтобы прекратила.

Спросила про мою жизнь, я напустил туману. Уставившись вдали, чтобы показать, как тяжело мне об этом говорить, признался, что отец был буйным алкоголиком, потом я много переезжал с места на место, работал за границей, нигде не мог обосноваться надолго. «Мне очень жаль!» – воскликнула она. Ее детство было вполне безоблачным, хотя в разговоре вскоре всплыло, что отец умер от инфаркта, когда ей было всего пять. Хм, значит, оптимистка. Интересно.

Наконец мы перебрались через железную дорогу, прошли мимо пруда и детской площадки, и я спросил, нельзя ли зайти к ней домой, чтобы выпить. Она засомневалась. Я позволил ей помучиться, пока мы шли к тюрьме – серая крыша с башнями, огромные запертые ворота, смахивающие на зубастую пасть, крикетная площадка на другой стороне улицы. Покинув парк, мы прошли по проулку с викторианскими особняками и свернули перед шумной улицей, которая справа раздваивалась до четырехрядной магистрали.

– Мне туда, – указала она на маленький переулок, – но лучше посидеть в пабе, если ты не против. У них и кофе есть.

Она указала на заведение на другой стороне.

Я игриво ответил, что против, однако ничего не вышло. Кстати, при чем тут кофе? За кого она меня принимает? Господи! Я дал ей понять, что

мне не помешает кое-что покрепче. Она не дрогнула. Только покраснела до ушей и сказала, что можно зайти в следующий раз – «если он будет».

Ну и ладно. Я и так неплохо изучил окрестности. Она живет в одном из тех викторианских коттеджей, вероятно, построенных в свое время для тюремных служащих или садоводов. Красивая кирпичная кладка, кругом зелень, старинные фонари. Славный тупичок, хотя шум с магистрали и доносился, зато здесь практически никто не ездит. Престижный райончик, вломиться в дом непросто. Знаем-знаем, спрос превышает предложение.

Попрощавшись, я обнял ее за талию, наклонился и поцеловал, и она громко вздохнула. Похоже, к ней долго никто не прикасался. Думаю, она изнывает от желания.

Расставшись с нею, я поймал себя на том, что улыбаюсь. Ее губы на вкус как сахарные мышки, которых раньше продавали в деревенских лавках – розовые и сладкие. Слегка прикусив их напоследок, я ощутил упругую мягкость. Восхитительно!

Наш первый поцелуй не выходит у меня из головы.

Глава 6

Лиззи

Я просыпаюсь под шум дождя; капли стучат по стеклу, ветер завывает в щелях. Ночью Говард пробрался в спальню, теперь его нет. На часах десять тридцать утра. Прежде я почти не спала. Я мечтала уснуть и забыть о боли, но поток мыслей было не остановить. Наконец пронизанное чувством вины горе смешалось с истощением. Теперь я часто сплю мертвым сном.

Атмосфера в доме напряженная, будто он замер и прислушивается. Надеваю халат Зака, давно утративший его запах, обхожу комнаты. Когда здесь жила мама, всюду было полно комнатных растений и всяких безделушек. Стены оклеены яркими обоями – яблочно-зеленые и лимонно-желтые, в цветах. Зак их сорвал и выкрасил все в серо-голубой цвет – вышло довольно аскетично. Раньше мне нравилась простота без прикрас, теперь все изменилось. Похоже, я скучаю по прежнему облику дома. Захожу в гостиную, сажусь с ногами на диван. Я передвинула его обратно в эркер, хотя Заку это не понравилось бы. И ковер купила – в красно-синюю полоску. Еще одна ошибка. Смотрится уродливо и аляповато.

На ковре след от кроссовок большого размера. Опускаюсь на колени и провожу рукой. Ворс светлеет. Стерев грязь, сажусь на диван.

Из кухни по ногам тянет холодом. Задняя дверь распахнута. Наверное, ветер. Испытав привычный приступ паники, зову Говарда. Он влетает в дом, отряхивается, но облегчения я не испытываю. Я кладу корм в миску, пес жадно ест. В прошлом году он много болел, поэтому я внимательно слежу за его питанием.

Возвращаюсь в спальню, открываю шкаф. Вчера ночью я сунула туда ноутбук Зака, и теперь он попадается мне на глаза. Шкаф как попало забит одеждой. Я не выбросила ни одной вещи Зака, и они смешались с моими. Где-то там лежат дорогие, но изрядно поношенные джинсы и элегантные топы, которые он мне дарил. А я то затяжек на них наделаю, то постираю в слишком горячей воде. Заку было трудно угодить. С тех пор как его не стало, я махнула на все рукой. Я ношу одежду, только чтобы прикрыть наготу. Спортивные штаны, свободные футболки, толстовки с капюшоном, серый бюстгальтер и трусики. Нижнее белье, которое он мне подобрал, –

прозрачные скользкие детали из шелка и атласа, – лежат скомканными в дальнем углу ящика.

Почему он так упорно пытался меня приструнить? Неужели дело лишь в стремлении доминировать? Вряд ли все было так просто. Я чувствовала себя желанной. Он изучал мое лицо взглядом эксперта, иногда касался щек или губ большими пальцами словно художник, определяющий их пропорции. На одном из первых свиданий он отвел меня в универмаг, усадил на табурет и сказал: «Делайте с ней, что хотите!» При этом он внимательно следил за каждым движением продавщиц. После мы целовались в дверях магазина, он касался языком моих накрашенных губ, слизывая помаду.

Больше я косметикой не пользуюсь. Совсем. Это мое покаяние. Последний раз я видела свою тушь торчащей из стаканчика с карандашами, сухой как щетка для дымохода. В тот раз он купил мне красную помаду, благодаря которой мои зубы казались белыми как жемчужины. Он обожал ее вкус. Понятия не имею, куда она подевалась...

Из-под стопки нижнего белья достаю красные трусики-стринги, надеваю облегающее черное платье и колготки. В ванной нахожу остатки серых теней, неумело наношу их на веки. Потом щиплю себя за щеки и кусаю губы, чтобы они раскраснелись. Если он за мной наблюдает, то воспримет это как знак. Белый флаг.

Мы с собакой выходим под дождь, в лицо дует ветер, из-под капюшона вижу лишь несколько футов дорожки. За последние десять лет район сильно изменился. Студенты и актеры съехали, их место заняли банковские служащие. Соседи друг друга не знают – люди переезжают слишком часто. Маме это ужасно не нравилось. До болезни она любила одалживать сахар и поливать чужие цветы, обращала внимание, когда бутылки с молоком застаивались на соседском крыльце.

Перехожу магистраль, иду к Вандсвортскому парку на другой стороне, где большие лужайки перемежаются дорожками и группами деревьев. Почти безлюдно – только самые стойкие любители пеших прогулок и фитнес-зависимые. Хотя дождь перестал, на мокрых теннисных кортах под изогнутыми ветвями яворов пусто. У кафе никого, зато на крикетной площадке проходит урок физкультуры. Дойдя до центральной аллеи, сворачиваю вправо. Раньше я гуляла по более глухой части парка позади лужайки для игры в шары, однако в прошлом году там убили женщину, и теперь я избегаю этого места. Обычно я хожу вдоль полосы препятствий, стараясь держаться дорожки, чтобы не запачкаться. На светофоре пересекаю улицу и направляюсь по Бельвию-роуд к местному отделению

«Сэйнсбери». Привязываю Говарда к перилам, забегаю купить молоко и газету.

Внутри прохладно и пахнет томатным соусом, к запаху горячего хлеба примешивается нотка ванили. Возле отдела выпечки школьник, чье имя никак не могу вспомнить, пытается взять круассан неудобными щипцами, привязанными к лотку. Я улыбаюсь, он заливается краской, и я жалею, что смутила его. Работает всего одна касса, выстроилась изрядная очередь. Когда я наконец выхожу, у погрузочной площадки стоит фургон с продуктами, две большие тележки с чипсами «Уолкерс» загораживают от меня Говарда. Сердце замирает в груди. Сбегаю вниз, огибаю последнюю тележку и вижу пса там же, где и оставила. Сидит себе тихо, смотрит на проезжающие мимо машины.

По пути домой читаю газету. Протокол секретного правительственного совещания просочился в печать. Алан Мерфи вызвал возмущение оппозиции тем, что выступил против анонимной приватизации. На фотографии к статье член парламента в ярко-желтой каске стоит возле новой библиотеки в Манчестере, построенной на средства корпораций, и радостно поднимает большие пальцы.

Едва открыв входную дверь, чувствую сквозняк. Громко шуршит штора, пахнет то ли грязным бельем, то ли соседской стряпней. Ставлю покупки на пол, сверху кладу газету. Края трепещут на ветру. Я стою и прислушиваюсь.

На улице непривычно шумно. С ревом заводится мотоцикл, по ногам проходит дрожь.

Дверь в гостиную закрыта. Я не помню, чтобы закрывала ее перед уходом.

Распахиваю дверь и потрясенно смотрю внутрь. Дыхание перехватывает.

Окно разбито, на диване мертвая птица. Голова свернута набок, крыло нелепо выгнуто. Темно-серая, перышки на шее переливаются всеми цветами радуги, глаза остекленели, клюв полуоткрыт. Лапки розовые, пальцы скрючены.

Вокруг трупика лежат крупные куски стекла. Разбитое окно щерится осколками.

Подходить страшно, но я просачиваюсь в комнату и сажусь на краешек кресла. Диван и пол сверкают от крошечных осколков. На кухне шумит холодильник, с улицы доносится рев транспорта. На меня обрушивается чувство одиночества. Жалость к птице мешается с жалостью к себе. Бедная птичка, думаю я. Увидела отражение деревьев в стеклах и угодила прямо в

окно? Должно быть, летела она быстро. Я склоняюсь, чтобы рассмотреть ее получше.

Голубь.

Он называл меня своей лондонской голубкой.

Я вскакиваю. Какая же я дура! Я искала не те знаки, я все не так поняла! Зак вовсе не собирается выйти ко мне из тени. Прошло столько времени, что он не может просто взять и появиться. Это было бы слишком банально. Утром задняя дверь была нараспашку. На ковре остался след. Окно разбито. Голубь. Похоже, он решил со мной поиграть.

Медленно вхожу в кухню.

Взгляд падает на стол. Утром там лежала коробка с капиллярными ручками, теперь ее нет. Вместо нее – продолговатый золотой предмет в форме пули. Вот и нашлась моя красная помада.

Я поднимаю тюбик, ощущаю его вес. Металл теплый. Открываю колпачок и провожу по губам. Чувствую вкус помады, ее липкость тыльной стороной ладони.

В гостиной я разглядываю себя в зеркале над камином. Рот похож на кровавую рану. Глаза блестят. В них вспыхивает гнев и страх, меня лихорадит.

Зак читает меня как открытую книгу. Знает, о чем я думаю. Он на шаг впереди.

Зак

Декабрь 2009

Что я узнал про мисс Лиззи Картер:

1. С детьми ей приятнее, чем со взрослыми.
2. Никогда не подведет, в людях видит только хорошее.
3. Никогда не смотрит реалити-шоу.
4. Любит читать на ходу.
5. Носит лифчики и трусики «Маркс и Спенсер». Белые. (Или условно белые.) Лифчик номер 34С, размер не тот.
6. В доме у нее полный бардак.
7. Живет со своей гребаной мамашей.

Три ланча, двадцать два телефонных разговора, один поход в кино, одно посещение на дому. Мне приходится проявлять всю свою изобретательность, чтобы с ней сблизиться. Я прилагаю куда больше

усилий, чем привык. Другой бы на моем месте давно сдался, но мне непросто выбросить ее из головы.

Свидания за ланчем прошли так себе. Я встречался с ней «У Марко», рядом со школой. Из кожи вон лез, чтобы ей понравиться. Беседа не клеилась. Каждый раз, когда хлопала дверь, она вздрагивала. Я спросил, неужели родители ее учеников обедают «У Марко» (тридцать пять процентов школьников получают еду бесплатно). Выяснилось, что ее беспокоят вовсе не встречи с учителями или родителями. Она переживала из-за детей. У нее сердце кровью обливалось за тех неблагополучных ребят, которые в обеденный перерыв скрывались в библиотеке. Да неужели? Разве они не развлекаются в это время со старшеклассниками, макающими их головой в унитаз?! Ясное дело, ничего такого я вслух не сказал. Коснулся ее руки, заглянул в серые глаза и на полном серьезе заявил, что она просто святая. Странно, но в тот момент я так и думал. Ее любовь меня спасет! Я почувствовал возбуждение, близкое к сексуальному.

Беседы по телефону велись более успешно. Пока Шарлотта готовила ужин, я дошел до набережной и сел на скамейку. Смотрел на море, раскинувшееся до самого горизонта. Вероятно, оттого, что она меня не видела, Лиззи разоткровенничалась про своих школьников, про других учителей, про сестру, рассказала о проделках своего мелкого племянника, про своего пса, про то, что читает сама и что советует почитать детям. Попутно задала мне кучу вопросов. Что я думаю о том-то? Занимался ли я тем-то? Любопытно. Я к такому не привык. Большинство моих знакомых женщин говорят только о себе. Нельзя расслабляться, а то утрачу бдительность.

Шарлотта отправилась на девичник в спа-отель под Винчестером, так что у меня весь день был свободен. Решил сводить Лиззи в кино. Джим «одолжил» мне свой велосипед – ну, точнее, оставил его без присмотра позади студии, – и я сел с ним в электричку, сошел на станции Клэпхем и докатил прямо до кинотеатра. Увидев меня, Лиззи рассмеялась и сказала, что и представить не могла меня на велосипеде. Велела ездить в шлеме, «если только я не планирую покончить с собой».

Я пожал плечами. Какая разница!

– Придется купить тебе шлем, – добавила она, покраснев.

Я настроился на «2012» (глобальное уничтожение планеты – отличный выбор для субботнего вечера), но ей приспично пойти на дурацкий французский фильм. Действие разворачивается в пригороде Парижа, какая-то бешеная девица «входит в возраст», то есть занимается сексом с толпой престарелых мужиков. Тринадцатилетки из ее школы сказали, что фильм

очень хорош. Я уступил, хотя на меня это непохоже. После отвел ее во французский ресторан, поскольку большую часть фильма размышлял, как мне отделаться от похода в «восхитительно недорогую» мароккансскую забегаловку. (Терпеть не могу таджин!^[4]) Мы обсудили кино и трудности взросления. Сама она всю юность просидела дома, а вот ее сестра, мамина любимица, была куда более общительной и стремилась вырваться из-под родительской опеки. «Думаю, после смерти отца мама решила, что кому-то из нас придется взять на себя его роль, и хотя я не была для нее наилучшим вариантом, обязанности легли на меня».

– Ты что, никогда не была влюблена? – спросил я.

– Ну почему же. Лет в двадцать был у меня один электрик, как выяснилось позже, вовсе не приверженец моногамии. Знаю, с моей стороны это несовременно, и все же...

Я умилился. Ресторанчик был тесноватый, зато уютный. Дождливый день клонился к вечеру, вино разогрело кровь, и я рассказал про свою юношескую любовь, Полли, которая изменила мне с моим лучшим другом. Должно быть, слишком увлекся: вспоминая ту душепитательную историю (концовку я, разумеется, подправил), я случайно проговорился о месте, где вырос. Вроде бы ничего страшного – мало кто знает, где находится остров Уайт, тем более моя деревушка. Ее глаза округлились, и она спросила, знал ли я Фреда Лоуса – ее большого друга. Я едва не подавился эскалопом из курицы. Надутый шепелявый придурок! Последний раз мы виделись – в 1987-м? – у памятника Теннисону. Как-то ночью мы с Чокнутым Полом позвали его кататься. Он поверить не мог своему счастью. Мы завезли его на вершину горы и шутки ради бросили в темноте, в двадцати милях от дома. О черт! Если она позвонит ему и начнет расспрашивать обо мне – конец всему!

Я выбросил Фреда из головы, решив позаботиться об этом позднее. Как бы наконец попасть к ней домой? В кино я держал ее за руку (когда наши сплетенные пальцы коснулись ее бедра, она тихонько ахнула), потом уговорил на графинчик мерло за ланчем. Выйдя из ресторана, я обнял ее и заметил темное пятнышко на внутренней стороне нижней губы – сливовое на розовом – и восхитился хрупкостью ее узкой грудной клетки. Она прижалась ко мне, тяжело дыша, потом вдруг отстранилась и заявила, что ей пора, что у нее «дела».

Никак такого не ожидал, но давить было нельзя. Действовать надо очень осторожно. Домой она уехала на автобусе, так что времени у меня было предостаточно. Большую часть пути дорога шла под уклон, в лицо летела морось, ветер трепал волосы на непокрытой голове. Я примчался

раньше нее, спрятал велик за мусорными баками возле отеля «Каунти-Армз», перескочил через ограду и затаился между деревьями напротив места, где она жила. Хоть номер дома узнаю. Утешительный приз я заслужил.

Сейчас темнеет рано. Окна никто не зашторивает. Странные люди, неужели им плевать, что за ними могут подглядывать? В доме номер тридцать два молодая пара смотрит телевизор, на лицах отблески с экрана, по полу ползает младенец, перевернулся вверх тормашки и дергает конечностями как жук. В доме двадцать восемь старик раскладывает пасьянс, абажур над головой бросает на стены тени, похожие на лапы огромного паука. В верхнем окне следующего дома девушка в белом полотенце задергивает шторы, раскинув руки. Я внимательно изучаю этих людей. Никогда не знаешь, что тебе потом пригодится.

Сидеть в кустах было холодно, с дороги доносился шум. Проезжающие мимо машины освещали ветви рядом со мной. То, что я принял за лишайник, оказалось коркой грязи. Земля была слишком мокрой, садиться явно не стоило, мышцы бедер начали болеть. Плевать на неудобства! Я воодушевился своим планом и предвкушал приключение. Когда следил за психологом, я был словно под действием тока. И буквально искрился! Что я пытаюсь сказать? Никогда не чувствовал себя таким живым!

Она вышла из-за угла, задумчиво покусывая палец. И хотя я ждал ее появления, оно стало для меня приятной неожиданностью. Даже сердце замерло. Потом это ощущение резко улетучилось. Идет к себе домой одна, а меня не пригласила. Явно о чем-то размышляет. Что творится в ее голове? Жаль, что я не могу проникнуться к ней в мозг!

Она прошла по улице и свернула к дому номер тридцать. Вечнозеленые растения в палисаднике аккуратно подстрижены, краска кое-где облупилась, в эркере огромный фикус во все окно. Вошла. В холле зажегся свет (дешевый светильник с бумажным абажуром), входная дверь захлопнулась.

Я поднялся. Бедра затекли. Я не решил, что делать дальше: вернуться в Брайтон или убить пару часов в ближайшем баре. Неожиданно дверь открылась, и вышла Лиззи с собакой на поводке. Направилась в сторону паба – подбородок задран, рука в кармане, вид куда более жизнерадостный, чем раньше. Я дождался сигнала светофора и посмотрел ей вслед.

Вероятно, если бы она не выглядела такой оптимистичной и независимой, я отправился бы своей дорогой. А теперь мне захотелось какой-то компенсации, что ли, или превосходства над нею.

Парадная дверь была заперта. Окно тоже, вдобавок оно слиплось от краски. На всякий случай заглянул под коврик. Кто знает, вдруг повезет? У некоторых совсем мозгов нет. Пусто. Обошел дом кругом, и кое-что нарисовалось. Дом Лиззи и соседние с ним граничат с особняком годов восьмидесятых (сплошные фронтоны, кирпичная кладка, изящные арки), вокруг высокая стена, по которой можно забраться в сад Лиззи. Прибегнув к помощи пары баков, собственной смекалке и силе бицепсов, совсем скоро я очутился на небольшом пустыре позади ее дома.

Узкий газон футов в шестьдесят, обрамленный клумбами. Полагаю, агенты по недвижимости называют такой участок «солидным». Очень даже неплохо для Лондона. К тому же южная сторона. Свет из кухни падал на садовый столик с парой стульев и ободранные цветочные горшки – то ли с помидорами, то ли с травами, то ли еще с какой дрянью.

Шорох над головой. На заборе замер черно-белый кот, смотрит на меня во все глаза. Открыл рот, мелькнул розовый язык. Чуть слышно мяукнул, оскалив острые зубы. Я махнул рукой, и он смылся, раздался скрежет когтей и стук падения. Я метнулся к дому, чувствуя выброс адреналина в кровь. Время поджимало.

Задняя дверь заперта. Черт! Вот досада! Я был так уверен... Да как она посмела?

Окно на втором этаже приоткрыто на пару дюймов. Поставив садовый столик, я смог дотянуться до подоконника и залезть на небольшой выступ над кухонной дверью. Оперся на него, надавил на окно, и оно подалось.

Протиснувшись внутрь, я нырнул головой вниз и порвал рубашку (к счастью, не от Пола Сmita). Сходил в туалет, помыл руки – на раковине остался след ржавчины. Решил не вытирать. Ни одно из висевших на батарее полотенец не было достаточно чистым. В голубой пластиковой ванне установлена странная штуковина вроде тех, на которых качают пресс, на дне нескользящий коврик. На полу коричневый ящик, больше комода, в нем какие-то упаковки с ватой. Пахло противно: приторно и едко. Защелка на двери отсутствовала.

Наверху две комнаты и короткая лестница вниз. Стены оклеены розово-желтыми обоями в цветочек, на полу старомодный зеленый ковер, похожий на мох. Она же сказала, что живет одна! Я начал сомневаться. Первая комната явно принадлежала Лиззи – на полу валялись вывернутые наизнанку брюки, в которых она ходила в кино. Ее лучшие брюки. Слишком хороши, чтобы гулять в них с собакой. Должно быть, специально принарядилась. Я почувствовал нежность. Комнатка маленькая, одежда на открытой металлической вешалке висела беспорядочно. Стоптанные туфли

уныло лежали в куче. В камине разбросся хлорофитум, по бокам навалены две стопки книг. Письменный столик, на нем ежедневник и блокнот с адресами-телефонами. Я нашел контакты Фреда Лоуса, вырвал страничку и сунул в карман.

Возле кровати книга с закладкой из детского рисунка – «Белый тигр» Аравинда Адиги. В нише стоит дешевый комод из светлой фанеры, на нем фотографии в разных рамках. На некоторых один и тот же младенец – в детском бассейне, на качелях, на стульчике для кормления – должно быть, любимый племянничек. Снимок Лиззи в подростковом возрасте с другой девочкой. Судя по сходству черт – с сестрой. Они обнимаются, касаясь друг друга щеками. Такие веселые, такие любящие. Я смотрел на них как зачарованный, не мог глаз отвести. Едва не стащил фото из рамки.

Выдернул штепсель из розетки. Хулиганство, конечно, но не смог удержаться.

В верхнем ящике нижнее белье. Простенькие трусики – должно быть, покупает упаковками, всего один лифчик, который кажется слишком большим для ее хрупкой фигурки. Похоже, это бельишко не видел ни один мужчина. Прямо как у старой девы.

Закрывая ящик, почувствовал чье-то присутствие. Я замер. Стук, шарканье шагов. На первом этаже. Звук какой-то невнятный, нерешительный. Входная дверь не хлопала. Неужели Лиззи вернулась? Или просто выпустила собаку на улицу, а сама возилась снаружи? Я вспомнил кота на заборе, вряд ли он мог так нашуметь.

Окно в спальню плотно закрыто, прыгать слишком высоко. Я вернулся к проему и прислушался, прикинув расстояние. Смогу ли я одним прыжком спуститься с лестницы, выбраться в окно и пробежать через сад, никем не замеченный?

Скрип, еще один. Человек или зверь был прямо подо мной. Если бы я заглянул за перила, то увидел бы его.

Я скрипнул зубами, задышал медленнее. Тихая ярость. Психиатр, точнее психолог, с которой я встречался на днях, повеселилась бы от души. Словно я в своем собственном доме, куда забрались злоумышленники. Не успел я опомниться, как уже вышел на площадку, спустился по трем-четырем ступенькам и большими шагами двинулся к ванной.

Дойдя до двери, я обернулся. В холле кто-то стоял и смотрел на меня. Глаза пустые, рот полуоткрыт. Старуха. В чем мать родила.

– Где Элизабет? – спросила она.

– Вышла, – как ни в чем не бывало ответил я.

Вот это телеса!

– Где мой чай?

Я поразмыслил и ответил:

– Думаю, Элизабет вам его приготовит, как только вернется.

– А что у нас к чаю? Я хочу чего-нибудь горяченького.

– Ну, хотите, значит, получите.

– Могу взять еду навынос в «Лисе и гончих». Съезжу на автобусе.

– Чего? Неужели, как говорила моя матушка, вы пойдете в таком виде?!

– Видно, она была достойная женщина. Не вздумай с ней спорить!

Я смотрел на нее сверху вниз, она смотрела на меня. Сдержав смех, я ответил:

– Ну, покеда! – и вошел в ванную.

Захлопнул за собой дверь, прислонился к ней. Коробка с ватой: подгузники. Штуковина над ванной: сиденье для инвалидов. Запах: моча, старость, гниющая кожа.

Все встало на свои места. Я выбрался на подоконник, прикрыл за собой окно. Выпрыгнул прямо на газон, столик двигать обратно не стал. По-хозяйски неторопливо прошелся по саду.

Лучшие брюки Лиззи, брошенные на полу, не идут у меня из головы. Как трогательно. Сегодня нашел в кармане скомканную бумажку с адресом и телефоном Фреда Лоуса, испытал чувство утраты.

На экране телефона звонок – от нее. Раньше она мне не звонила, всегда застенчиво ждала моего звонка. Неужели вычислила, что это я пробрался к ней в дом? Вряд ли, следов я не оставил. Меня могло бы выдать предстоящее знакомство с ее матерью, но этого не будет. Я все испортил!

Заставляю себя отключить звук.

Впредь буду умнее. Да что со мной такое? Мысли путаются. Вспоминаю выражение ее лица, когда она говорила о проблемных школьниках, о том, как изо всех сил пытается им помочь.

Что-то я совсем обессилен. Наверное, возраст сказывается.

Сегодня она снова позвонила, и я ничего не смог с собой поделать. Ответил.

Она сразу перешла к делу:

– Чем я тебя обидела?

Я опешил, пробормотал, что был занят. Хотелось закрыть глаза, прилечь и слушать ее голос, впитывая его всем телом.

– До воскресенья ты звонил мне каждый вечер. Мне казалось, мы с тобой здорово сблизились. А с тех пор, как ходили в кино, ты не позвонил ни разу! И потом... Моя подруга Джейн сказала, что твоя анкета снова висит на сайте знакомств... – Она помолчала и выпалила: – Я много думала и поняла: ты на меня рассердился!

– Из-за чего?

– Я не пригласила тебя к себе домой.

Когда женщины расстроены, они притворяются, что причина совсем в другом, и это делает ссору абсолютно абсурдной. Лиззи не такая. Ее откровенность меня обезоружила.

– Да, пожалуй. Мне стало обидно. Отчаянно хотелось познакомиться с тобой поближе...

– Отчаянно? – с игривой улыбкой переспросила она.

– Еще бы! – Я тоже не смог сдержать улыбку. – Мне показалось, что ты не хочешь идти на сближение, а поскольку я джентльмен, то решил отступить.

Короткая пауза.

– Я очень хочу с тобой сблизиться! – воскликнула она. – Не нужно отступать! Лучше наступать... Видишь ли, я...

Пытаюсь говорить ровным тоном:

– Что?

– Я от тебя кое-что скрыла.

И тут ее прорвало: она живет с матерью, у которой прогрессирующий склероз, она не сказала этого, потому что боялась меня рассердить, и поэтому она так часто была рассеянной и не приглашала меня домой. Матери стало хуже, у нее начались галлюцинации. Недавно заявила, что по дому ходят мужчины. Бросается на соседей, выкрикивает оскорблений через забор, обвиняет сиделку в том, что она перебила горшки в саду и плюется ей в лицо. На днях полиция обнаружила ее на автобусной остановке на Тринити-роуд, она без умолку твердила про еду навынос в «Лисе и гончих». Лиззи сомневалась, что справится.

– Встреча с тобой – это...

– Что?

Снова пауза.

– Я всегда была не слишком умной и некрасивой. Я никогда... никогда даже не мечтала, что у меня будет...

– Что? – повторил я.

– Своя собственная жизнь, вот что! – воскликнула Лиззи. – О таком, как ты, я могла только... И я тебе нравлюсь! То есть... Черт побери! – Она

снова рассмеялась, похоже, сквозь слезы.

– Что? – снова спросил я.

– Я пытаюсь тебе сказать, что от одной мысли, чтобы сблизиться с тобой, у меня ноги подкашиваются!

Я слушаю тишину в трубке. Долго молчу. Наконец беру себя в руки и говорю:

– Бедняжка Лиззи! – Она тяжело вздыхает. – Представляю, как тебе нелегко!

Она всхлипывает.

Я чувствую громадное облегчение. Впереди маячит новая жизнь, спасение для нас обоих: конец ее унылому существованию, а для меня – шанс начать все заново. Я так раз волновался, что слова сказать не могу. Наконец с трудом выдавливаю из себя:

– Ты не задумывалась о доме... – Нежность в голосе уступает место осторожности. – О доме престарелых?

Глава 7

Лиззи

Заворачиваю мертвую птицу в газету, убираю осколки. В телефонном справочнике нахожу стекольщика, тот приезжает в течение часа. Он говорит, что, судя по качеству стекла, оно простояло со временем королевы Виктории – слишком тонкое и неармированное, поэтому легко разбилось. Заменяет на прокатное стекло.

Как только он уходит, сажусь за стол в кухне и размышляю. Чего Зак от меня ждет? Мне нужно предугадать его следующий ход. По его мнению, в отношениях с людьми я была слишком покладистой и покорной. Думает ли он, что я буду сидеть сложа руки? Возможно, ждет, что я сломаюсь. Станет ли это для него доказательством моей любви? За прошедший год я и так многое сделала. Наверняка он видел меня на улице – глаза красные, волосы растрепаны. Приложи он ухо к стене – услышал бы, как я реву по ночам. Нет, здесь другое. Больше похоже на одну из его проверок.

В начале нашей совместной жизни он частенько звонил с небольшими просьбами. Немедленно понадобился тюбик краски, не могу ли я сбегать в специализированный магазин для художников? Или оставлял на кухонном столе чек, который срочно требовалось сдать в банк. Сделал бы это сам, но сейчас он в студии, его посетило вдохновение, и он боится его спугнуть. Обычно эти просьбы возникали утром, чтобы я успела разобраться с ними в обеденный перерыв. И однажды он позвонил днем в растрепанных чувствах. Дверь захлопнулась. Ключа нет. Картина не удалась. Он ни на что не годен. Он не знает ни что ему делать, ни куда идти.

Под дверью библиотеки стояли ученики. Вот-вот должно было начаться дополнительное занятие по литературе. На улице лило как из ведра. Я велела ждать между школой и домом, на мосту. Его тон меня встревожил, и я бежала всю дорогу, потому что он не пришел к месту встречи. А Зак украсил дом цветами, испек торт, сервировал стол: печенье, шоколад. «Сюрприз!» – радостно воскликнул он. Усадил меня к себе на колени и покрыл поцелуями мокре от дождя лицо. Давным-давно я рассказывала ему, как ходила в гости к школьной подруге, и ее мама устроила чаепитие. У нас дома это было не принято, и я тогда поняла, что разные семьи живут по-разному. Он запомнил. Он всегда помнил такие

моменты. Меня это тронуло. Школьники прождали напрасно.

Чего Зак хочет теперь?

Свой ноутбук. Он наверняка помнит, что оставил его в Галлзе. Почему он за ним не вернулся? Хочет, чтобы я что-то на нем нашла? Или наоборот?

Достаю «Макбук» из комода в спальне, втыкаю вилку в кухонную розетку. Экран загорается, на фоне утеса снова появляется имя Зака, курсор нетерпеливо мигает в окошке для пароля. Нерешительно замираю над клавиатурой. Чувство вины заставляет меня остановиться и закрыть крышку. Стоило мне подойти, когда Зак печатал, как он захлопывал ноут и откатывался на стуле и бил меня им по ногам. Упрекал, что я за ним шпионю, хотя это было не так. Я ему доверяла. Думала, он заносит в компьютер идеи для картин. Я все понимала. Он очень болезненно реагировал на критику – как ребенок, что прикрывает ладошкой свой рисунок.

Пристально смотрю на ноутбук. Похоже, он хотел, чтобы я его нашла. Я должна доказать Заку, что ищу его. В компьютере наверняка есть ответы на мои вопросы. Вдруг удастся узнать, где Зак скрывается, простить самой и получить его прощение, вернуть его домой?..

Дрожащим указательным пальцем набираю по одной букве его имени.
«Зак».

Нажимаю ввод.

Экран темнеет, потом загорается. «Неверный пароль».

Пробую снова, чуть более уверенно. Набираю имя и фамилию.
«Зак Хопкинс».

Экран снова мигает и выдает сообщение: «Неверный пароль».

Пробую дату рождения, сочетание даты и имени. Название деревни, где он вырос, потом Корнуолл, мыс Степпер, Галлз. Меня озаряет, набираю «Ханна».

«Неверный пароль».

С досадой вынимаю из сумки свой ноутбук.

Набираю имя Ханна в «Гугле». На экране появляется куча ссылок на разные сайты.

«Добро пожаловать в город Ханна, штат Вайоминг». Также Ханна: магазин модной одежды в Австралии, на данный момент предлагает пляжный костюм «Улавата» всего за пятьдесят восемь австралийских долларов. Также Ханна: героиня сериала «Ханна Монтана».

В гугл-картинках выскакивает целая страница фотографий блондинок разной степени обнаженности, и я поскорее закрываю страницу.

В порыве вдохновения набираю «псевдоцид». Нахожу статью про

Джона Дарвина, «мошенника на каноэ», который инсценировал собственную смерть, жил в съемной комнате у себя же дома на полученную женой страховку. На сайте есть ссылки на самоучители «Как подделать свою смерть», включая «Исчезни так, чтобы тебя не нашли никогда». Имена знаменитых инсценировщиков вроде Джона Стоунхаза, бывшего министра лейбористского правительства, «лорда» Тимоти Декстера, эксцентричного американского дельца, Дороти Джонсон, якобы погибшей при терактах одиннадцатого сентября. «По результатам одного исследования, четверть самоубийств, совершенных на мосту Золотые Ворота, после которых тел не нашли, возможно, являются имитацией».

Встаю и несусь в кухню. Что за нелепое слово псевдоцид! Дурацкий каламбур! Как можно быть таким жестоким и бессердечным! После того, как нашелся «мошенник на каноэ», в школе только о нем и говорили. Кем надо быть, чтобы так поступить со своими родными и близкими?

Я снова сажусь и пытаюсь сосредоточиться. Если как следует постараться, я смогу воочию представить Зака и понять, где он. Ответ рядом. Надо только хорошенько подумать. Закрываю глаза, и ничего не происходит. Улик нет. Море. Скала. Горизонт.

Куда бы он подался? Джон Дарвин прятался в собственном доме, сговорившись с женой. На миг мне приходит в голову, что Зак мог все это время жить прямо тут – проскальзывать в дом, когда меня нет, спать в моей кровати днем. Я тут же отматаю эту мысль.

Где я должна искать? Его родители умерли, и он поклялся, что никогда не вернется на остров Уайт. Друзей детства у него не осталось. С Викторией Мерфи он давно перестал общаться. Эдинбург? Там он учился. Брайтон? Или живет себе в палатке на дартмутских болотах?

Не знаю. И все же мне кажется, что он совсем рядом. Прямо сейчас.

Что мне известно о его прошлом? Меньше, чем я думала. Родители умерли, других родственников нет. Друзей у него было совсем немного. Последние месяцы меня это стало беспокоить. Поначалу мне необычайно нравилось быть для него всем. Однажды я предложила встречаться с друзьями и почаще где-то бывать. Он стиснул мое лицо обеими ладонями, притянул к себе и неистово воскликнул: «Именно поэтому наша любовь такая особенная! Есть только ты и я!»

Когда человек теряет голову от любви, то часто перестает общаться с друзьями. Зря я сказала «теряет голову». Зак терпеть не мог подобных выражений. Называл их «мутью». И все же я действительно была точно не в себе: потеря контроля, в голове сумбур и чувство, что висишь над бездной.

Забеспокоилась я еще не скоро. Однажды на день рождения Джейн мы пошли выпить после школы. Вернулась я затемно, Зак сидел в кухне в темноте. «Я надоел тебе? – спросил он. – Хочешь послать меня куда подальше?»

Я сказала, что он ведет себя глупо. Никто его посыпать не собирался. Мы поругались. Потом помирились и легли, как всегда, вместе.

Куда бы он пошел, если бы я действительно послала его подальше?

Кроме Пита и Нелл я никого не помню. В художественном колледже они были лучшими друзьями. Зак с Питом – единственные взрослые студенты на курсе. Зак жил у них после переезда в Брайтон.

Мы виделись всего один раз. Пит позвонил воскресным утром, когда Зак был в ванной. Они приехали в Лондон на выходные (на вечеринку в Баттерси), и я пригласила их пообедать. Из-за этого произошла наша первая ссора. Зак заявил, что с моей стороны было глупо звать их, не посоветовавшись с ним. Я подумала, что он стесняется нашего дома. Мама только недавно переехала в «Буки», и хотя внизу мы сделали ремонт, второй этаж выглядел довольно убого.

В итоге мы встретились в итальянском ресторанчике на Норткоутроуд, рядом со школой. Зак успокоился, и мы вчетвером мило поболтали о Брайтоне, о будущей женитьбе Пита и Нелл. Они заинтересовались моей работой. Я рассказала про маму, про то, как трудно за ней ухаживать (угасание любимого человека, отчужденность, утрата ее любви), и в то же время вспоминала забавные моменты (как она стала нудисткой). Нелл, одетая в зеленый топик под цвет глаз, сердечно меня обняла. Я надеялась, что мы подружимся. Однако внезапно между нами пролегла пропасть. Я пригласила их на кофе, они отказались под благовидным предлогом. Тогда мне почудилось, что пока я ходила в туалет, они с Заком поссорились.

Потом я пару раз упоминала их в разговорах с мужем. Он тут же менял тему. Больше мы не виделись.

Пит – художник-оформитель, Нелл занимается производством фильмов. Какая же у них фамилия? В одну из наших первых встреч Зак упоминал брайтонскую арт-галерею. Он дружил с владельцем, но потом отношения разладились. Кто-то кому-то задолжал денег. Зак оскорбился. Пит с Нелл тоже его знали, и за ланчем называли имя – Джим. Да, его звали Джим.

Искала я недолго. Галерея «Чистый холст», заявлена как «креативная и новаторская выставочная площадка в колоритном районе Брайтона», принадлежит Джиму Ибсену, «художнику, скульптору и свободному философу». Телефон указан, я решую позвонить. Трубку никто не берет,

оставляю сообщение на автоответчике с просьбой перезвонить.

Зак ненавидел «Фейсбук». Он утверждал, что социальные сети нужны лишь одиноким и оторванным от реальности неуверенным в себе людям. Поэтому я заглядывала туда тайком. Не то чтобы у меня было много друзей – всего тридцать три, некоторых я не видела много лет, – в основном одноклассники или бывшие ученики.

Как-то вечером мы выпивали с Джейн у нее, еще до моей встречи с Заком, и смотрели странички ее бывших парней, чтобы узнать, как они выглядят теперь, смеялись над фотографиями, вспоминали юность. Найти большинство из них оказалось на удивление просто.

Искать Нелл и Пита не имеет смысла – я не знаю их фамилий. Зато я вспоминаю еще кое-кого. Фред Лоус, мой босс в Вестминстерской библиотеке. Оказывается, Зак учился с ним в школе. Мы с Фредом были добрыми друзьями, он очень приятный и серьезный мужчина. Вместе мы частенько ели сэндвичи на Парламентской площади. Кстати, именно благодаря Фреду я пошла на те курсы, после которых устроилась в школу. Узнав об их знакомстве, я обрадовалась как ребенок, а на лице Зака пропал страх, будто он угодил в ловушку. Он быстро справился с собой, чуть насмешливо изобразив манеру Фреда говорить с поднятым пальцем. Я все поняла. Думаю, он изо всех сил пытался забыть свое несчастливое детство и не любил лишних напоминаний о том времени. Поэтому мы не стали встречаться. Регистрация брака в ратуше Вандсуорта была совсем скромной – мы с Заком, Пегги и Роб, Джейн и Санджай. Нелл и Пит так и не явились. А вот на кремацию в Патни-Вейл... Хотя контактов Фреда Лоуса у меня не осталось, можно попробовать его найти.

Вряд ли Фред есть на «Фейсбуке», с другой стороны, кого там только нет! Много Фредов Лоренсов и Фредов Лоусонсов. И только один Фред Лоус. Ни фотографии, ни личных данных – лишь синий силуэт. Я все равно отправила ему сообщение. Написала так: простите, если вы не тот Фред Лоус, если же я не ошиблась, пожалуйста, свяжитесь со мной.

Как самонадеянно было с моей стороны просто сидеть с красной помадой на губах и ждать! Кроваво-красная, цвета кошенили, цвета крови... Покончив с поисками, я захлопнула крышку ноутбука.

После обеда – консервированный томатный суп, который ела прямо из кастрюльки – я заставляю себя выйти в свет. Отодвинув Зака на задворки сознания, отправляюсь в район Коллирс-Буд – в дом престарелых «Буки», где теперь живет мама.

Зарегистрировавшись, нахожу ее в холле за просмотром реалити-шоу

«Судья Джуди». Как всегда, сердце сжимается от любви и чувства вины. Она сидит рядом с мужчиной с болезнью Паркинсона, которого персонал называет ее «бойфрендом». Фил спит с полуоткрытым ртом. Голова мамы покоится на спинке кресла, глаза слезятся, кожа на скулах сухая и натянутая. Она заметно похудела, и я с тревогой отмечаю, что ноги опухли сильнее, чем перед выходными.

Я привезла ее любимые ириски со вкусом шоколадных эклеров. Кладу коробку ей на колени.

– Как ты, мама? – спрашиваю я, целуя ее в макушку.

– Тот мужчина, – заявляет мама, сбивая на пол ириски тыльной стороной ладони, – забрал все мои деньги.

Я поднимаю конфеты и аккуратно кладу их на соседнее кресло.

– В «Судье Джуди»?

– Тут! – говорит она. – Ну, тот, что живет в ванной. Пришел ко мне в комнату, притворялся милым.

– Когда? – спрашиваю я. – Какой мужчина? Когда он был в ванной?

– Все они одинаковые! – тоненьким голоском поет мама. – Шлюхи!

Я, недоумевая, смотрю на нее.

– Хватит-хватит! – вмешивается медсестра Анжи, разбиравшая лекарства Фила неподалеку. – Следи за языком, Лин!

Хотя здешние сиделки считают маму грубой и капризной, она вовсе не такая. До болезни Альцгеймера она никогда не выражалась подобным образом. Была сильной и способной на многое. Овдовела в двадцать восемь лет, оставшись с двумя детьми младше шести, устроилась буфетчицей в школьную столовую, потом секретарем, ведущим прием посетителей у семейного врача. Научилась печатать и по вечерам брала на дом работу у бывшего коллеги мужа. Она хотела дать нам с сестрой самое лучшее. Как она гордилась Пегги, которая получила университетский диплом и нашла богатого мужа!.. Бедная мамочка! Всегда я ее подвожу. Даже сейчас.

Смотрю на зимний сад. В центре стоит абстрактная статуя из бетона, окруженная сухой декоративной травой. Спрятаться негде. Из приемной доносятся голоса. Женщину на инвалидном кресле везут по пандусу к машине. Медбррат придерживает открытую дверь. В регистратуре постоянно кто-то есть. Посторонний ни за что не пройдет незамеченным.

Убеждаю маму встать, веду ее в ванную мыть голову. Включаю кран, чтобы она привыкла к звуку льющейся воды, иначе может испугаться. Ставлю возле раковины стул, она отклоняется назад и зажмуривается. Я осторожно мою волосы, промокаю глаза и лицо полотенцем, иначе будет раздражение. Кожа на голове сухая как пергамент. Мама не говорит ничего,

но и не жалуется.

Отвожу ее в комнату, сажаю на край кровати и расчесываю влажные волосы гребнем. Расспрашиваю ее про детство в Кенте. Это она любит. Воспоминания ее успокаивают. Она рассказывает про яблони в дальнем конце сада, я тем временем наполняю водой кувшин, поливаю цветы и навожу порядок. Пытаюсь понять, все ли на своих местах. Снова захожу в ванную, заглядываю под раковину и за ванну. Вроде бы все, как и было. В спальне на фотографиях пыль, следов пальцев нет. Вытираю их тряпкой. Сначала фото отца, сделанное на пляже в Девоне. Мне кажется, что я помню те каникулы, вкус соли и мороженого на губах, папину улыбку, его колючую бороду, однако я себя обманываю. Это ложное воспоминание, навеянное фотографией. Рядом стоит свадебный портрет Пегги и Роба, потом мы с Пегги в детстве в одинаковых платьях. В углу маленький снимок Зака. Это я его туда воткнула. Он выпадает из рамки, когда я стираю пыль, и я его рассматриваю. Загорелый смеющийся мужчина, волосы разеваются на ветру. Мы только что бегали наперегонки по берегу. Он мне поддался. После того, как был сделан снимок, мы пускали по воде блинчики и бросали собаке палку. Закатали джинсы до колен и бродили по воде. Он снял футбольку и вытер мои ноги.

– Зак всегда был счастлив у моря, – говорю я.

Мама напевает про себя, теребя покрывало.

Когда Зак переехал ко мне, он поразился, сколько у мамы всяких безделушек: ярко раскрашенные деревянные петушки из Португалии, куколки в греческих национальных костюмах, кувшинчики и колокольчики, многочисленные хлорофитумы. Все это мы упаковали в коробки, но места в ее комнате в «Буках» было маловато, поэтому мы привезли ей только самое любимое – растения и коллекцию колпортоуских фарфоровых домиков. Зак их терпеть не мог, а мы с Пегги их в детстве обожали. С тех пор как родители поженились, папа дарил маме по домику на каждый день рождения.

Домики стоят на полке в ряд. Я их считаю. Потом пересчитываю. Их пять, хотя должно быть шесть. Один пропал. Какой именно? Желтый особнячок, домик в форме зонтика, красная вилла с двумя флигелями, обсаженная розами, – все на месте. Нет любимого Пегги бело-голубого домика в швейцарском стиле. Заглядываю под кровать на случай, если он упал, потом осматриваю полку возле телевизора, если вдруг его переставили.

– Ты сто лет ко мне не приходила, – внезапно выдает мама. – Никогда меня не навещаешь!

Она смотрит на меня, закусив губу. Сажусь рядом, беру маму за руку. Напоминаю, что была у нее в пятницу. На выходных прийти не смогла, потому что уезжала из города. Немного рассказываю ей про последние пару дней: как была на море, как познакомилась с известным членом парламента по имени Алан Мерфи. Описываю его дом на вершине утеса, подставку для зонтиков, сделанную из бедной лисы. Я пытаюсь вспомнить как можно больше подробностей. Раньше ей нравились подобные истории.

– Другая девочка мне нравится больше, – говорит она, пока я перевожу дух. – Она красивая!

– Конечно.

– Лучше бы тебе оставить меня в покое.

– Ладно. – Целую ее в макушку. – Я пошла.

– И скажи тому мужчине, чтобы он тоже не приходил!

– Какому мужчине? – спрашиваю я с содроганием сердца, но она уже ската губы и отвернулась к окну.

На пост заступила другая медсестра, Фло. Она говорит, что за завтраком мама «чуть-чуть срыгнула», и мы обсуждаем возможные причины. Я осторожно расспрашиваю о пропавшем домике, узнаю, не могли они разбиться. Не хочу поднимать шум. Незадолго до Рождества пропало мамино обручальное кольцо. Пегги разозлилась и устроила скандал. Персонал обиделся и обвинил больницу, где у мамы брали кровь на анализ. Поэтому стараюсь быть осторожнее.

– Насколько я знаю – нет, – отвечает Фло. – Вы уверены, что их было шесть?

– Может, я напутала. Кстати, к ней кто-нибудь приходил кроме меня?

– Вряд ли, – говорит Фло. – Хотите – проверьте по журналу.

Перелистываю страницы и вижу, что других посетителей у нее не бывает совсем.

Домой еду другим путем, через Старый город – лабиринт уочек за клэпхемской главной улицей. Это смешанный район, напротив прелестных особняков протянулись муниципальные многоэтажки. В восьмидесятые во время бума на рынке недвижимости просторные газоны поделили на участки и продали под застройку. Кое-где стоят полупустые коттеджи на двух владельцев, построенные в пятидесятые. Останавливаюсь возле большого дома из красного кирпича, где мы с Заком вроде как были соседями. Я жила в студии на последнем этаже, он снимал цоколь у какого-то банковского служащего из Антверпена. Сами того не зная, мы проходили мимо друг друга по одной и той же улице. «Почему же я не встретил тебя

тогда?!» – воскликнул Зак.

Сидя в машине, смотрю на дом. Стал бы он жить в цокольном этаже безликой многоэтажки? Чем зарабатывал бы себе на жизнь? Перебивался случайными заработками? Воровал? Кто его знает.

Смотрю на кирпичную стену, и перед глазами все расплывается. Опускаю веки, повсюду мелькают черные точки. Так и вижу Зака, идущего по тротуару. Вот он открывает дверцу, лицо обдает струей холодного воздуха. Обнимает меня, прижимает к себе, целует в изгиб шеи. У меня захватывает дух. Я так живо себе это представляю, что сердце едва не разрывается, когда я вспоминаю, что сижу в машине одна.

Убеждаю себя, что это бред. Выхожу из машины, запираю дверцу и спускаюсь на несколько ступенек. Ветер нанес мусора: грязный бумажный пакет, коробка из-под еды с запахом карри. Телевизор орет так, что звонок вряд ли возможно услышать. Идет шоу «По рукам или нет». Ноэль Эдмондс задает вопросы. Музыка. Аплодисменты. В дверях появляется старик в обнимку с толстым черно-белым котом.

– Чего угодно? – спрашивает он.

Я объясняю, что когда-то (то ли в 2001-м, то ли в 2002 году) здесь жил мой муж, снимал квартиру у бельгийского банковского служащего. Я вроде как совершаю паломничество по памятным для покойного мужа местам. Не слишком ли это нагло с моей стороны заглянуть на пару минут, чтобы посмотреть его бывший дом?

Старик сверлит меня взглядом. Глаза у него странного цвета: белки желтые от старости. Он кладет подбородок на макушку кота и задумчиво двигает челюстями.

– Такого я еще не слышал. Отдаю должное вашей изобретательности, только и я не вчера родился!

– Простите! Я...

Он начинает закрывать дверь.

– Я живу здесь с 1970 года, а прежде тут жили мои родители. Так что поищите себе другого простофилю!

Зак утверждал, что жил по этому адресу всего несколько месяцев – между работой за границей в качестве экскурсовода и учебой в Эдинбурге. С тех пор прошло больше десяти лет. Возможно, он перепутал номер дома.

Всегда найдутся оправдания, причины, объяснения. И все же мне не по себе. Душевное равновесие утрачено, будто оборвалась нить, связывающая меня с прошлым. Время от времени я ловила его на маленькой лжи. К примеру, случай с Нелл и Питом. Зак сказал, что пригласил их на свадьбу,

но они не смогли приехать по семейным обстоятельствам. За ланчем выяснилось: они даже не в курсе, что мы женаты. Тогда это меня особо не беспокоило. Я знала, что Зак человек скрытный, поэтому не стала заострять внимание. Как и в случае с Пегги, которой он сказал, что его мать родом из мелкопоместных дворян Сомерсета. Мне же он назвал Дорсет. Мелкая подробность, к тому же эти графства граничат друг с другом. Я оставила это без внимания. Теперь думаю, что напрасно.

По пути домой голова совсем не соображает, я выбираю не ту дорогу, въезжаю в город и в результате вязну в потоке транспорта, без возможности развернуться. Я заблудилась на задворках Кенсингтона – там везде одностороннее движение. Дорога приводит к тому месту, с которого начались мои блуждания, я паркуюсь и кладу голову на руль. Понимаю, что Зак многое скрывал и постоянно выкручивался, даже когда наши отношения только начинались и были совершенно безоблачными. Эта мысль рождает во мне необходимый стимул. Я его непременно найду, хочет он того или нет!

Когда я, наконец, вхожу в дом, звонит телефон. Беру трубку, там тишина. Набираю один-пять-семь-один и узнаю, что «звонок был произведен со скрытого номера». Нажимаю отбой. За последние месяцы таких звонков было немало. Пегги говорит, что либо звонят телефонные мошенники, либо соединение срывается. Теперь не знаю, что и думать. Он проверяет, дома ли я?

Не раздеваясь, вывожу Говарда на прогулку, иду по дороге мимо тюрьмы, к ней подъехал большой фургон «Серко». Парковка возле соседнего торгового центра для садоводов и огородников практически пуста. Снова холодно, над головой нависли тучи. Мир поблек. Лучше бы я пошла в другую сторону, там хоть есть на что отвлечься глазу. Я шагаю быстрее, сворачиваю на светофоре вправо на Эрлсфилд-роуд, потом до автострады и вниз по переходу. Четверо подростков играют в мяч, гоняя его туда-сюда между бетонных стен. На другой стороне, где на Пасху проводится выставка паровозов, на скамейке под деревом расположились две женщины с колясками и стаканчиками из «Старбакса».

Едва переступаю через порог, как телефон звонит снова, будто только меня и ждал.

– Лиззи Картер? – Голос хриплый и немного дерзкий. Его обладатель явно веселился до утра и пил вино.

– Да! – От волнения на шее пульсирует вена.

– Джим Ибсен. – Он смачно затягивается сигаретой.

– Боже мой, ну конечно! – Я бессвязно бормочу слова благодарности за

то, что он перезвонил.

Он несколько раз говорит «не за что». Понимаю, что нужно перейти к делу и выслушать его, а сама мечусь по кухне, тщетно пытаясь подобрать слова.

Наконец Джим Ибсен перебивает и говорит:

– Сожалею о вашей утрате. Я слышал про смерть Зака...

– Вас не было на похоронах. Мало кто пришел, и это понятно, учитывая обстоятельства... Я вас совсем не знаю, как и многих других друзей Зака.

– Долго были женаты?

– Два года. Почти. Не очень долго, верно? Я так мало успела узнать о нем и...

– Да уж. Мы с Заком вроде как потеряли друг друга из виду.

– Ясно. – Я настроилась на получение ключа к разгадке или на откровенность, но голос в трубке звучит равнодушно. Тупик. Джим Ибсен ничего не знает. – Понятно.

Еще одна пауза.

– Хорошо хоть с вами обращался?

– Да, – отвечаю я и сажусь за стол. – По-своему. Да, конечно.

– Ну, рад за вас. Зак Хопкинс. Зарыл свой талант в землю. Он еще выставлялся?

Его тон мне не нравится, в нем чувствуется издевка, и в порыве преданности я восклицаю:

– Да! Вообще-то дела у него шли отлично. Я уверена, что он стоял на пороге большого прорыва! Если бы не авария...

Ибсен смеется:

– Зак всегда стоял на пороге большого прорыва. Не поймите меня превратно. Талант у него был. Однако порой приходится идти на компромиссы, а он этого не хотел. У нас с ним наметилось выгодное дельце: отливать гипсовые слепки детских ручек и ножек для молодых семеек в Брайтоне и Хоуве. Приносило неплохой доход, но Зак возомнил себя выше этого. Если он надеялся заработать на жизнь своими крошечными темными картинками – ради бога! Не всем же витать в облаках, кто-то должен жить и в реальном мире!

– Эксетерский арт-дилер взял несколько его работ, – возражаю я. – Они с Заком готовили персональную выставку!

– Выставка состоялась?

– Ну, нет... – После аварии я пыталась найти ту галерею, однако мне не удалось. Я так и не получила обратно картины Зака. Кто-то их забрал.

Если только не сам Зак...

– Вот видите! Старая песня.

– Ладно. – Мне хочется поскорее повесить трубку и избавиться от этого распутного Джима Ибсена с его циничными соображениями. – Послушайте, я пыталась связаться со старой подругой Зака – с Ханной. Это имя вам о чем-нибудь говорит?

– С Анной?

– С Ханной.

– Впервые слышу.

– Как насчет Нелл и Пита – их-то вы знаете?

– Нелл и Пит. Конечно, знаю!

– Вы не могли бы дать мне их номер?

Молчание. Мне кажется, что он собирается уклониться от ответа, но Джим просто ищет их контакты в своем телефоне. Он быстро диктует, я накрою записываю цифры на краешке газеты – на серой стене позади желтой каски Мерфи.

Позвоню-ка на домашний. Сейчас всего пять часов пополудни. Наверняка дома никого нет. Во время ланча оба просто бредили работой. Ненормированный день. Напряжение творческих способностей. Требовательное начальство. К тому же Пит ездил на работу из пригорода.

План проваливается. Нелл не на работе. Она отвечает на звонок тяжело дыша, будто ей пришлось взбежать по лестнице, чтобы успеть взять трубку.

Я собираюсь с духом. Вспоминаю наше неловкое прощание в то воскресенье. Пит прищурился и смотрел поверх плеча Зака так, будто его внимание отвлекло что-то невероятно интересное.

– Это Лиззи Картер, – говорю я. – Простите, что побеспокоила.

– Лиззи Картер? – Имя явно ничего ей не говорит либо она притворяется, что не помнит.

– Жена Зака.

Пауза.

– Господи, Лиззи Картер!

– Помните?

– Да.

Она чуть медлит – явно узнала, но в то же время за этой паузой стоит нечто большее. Никак не могу понять, что именно. Жаль, не вижу ее лица. Призрак безумной надежды: она и правда в курсе, где он.

К Нелле быстро возвращается самообладание:

– Конечно, помню! Как вы поживаете? Я знаю про Зака. Джим где-то

об этом прочел, и я хотела написать...

– Разве моя сестра Пегги вам не звонила? Она вроде собиралась...

– Возможно. Думаю, да. Пит упоминал... Мы были страшно заняты – сборы, переезд в новый дом...

На заднем фоне раздается хныканье, перерастающее в громкий рев.

– У вас ребенок!

– Да! – Она смеется. Плач становится громче, потом утихает. – Вот так-то! До сентября я в декретном отпуске. Вообще-то уже во второй раз. На том ланче я подозревала, что беременна. Помните? Так и было, я носила нашего первенца. Время летит быстро! А как поживаете вы, Лиззи Картер?

Она спрашивает нарочито бодрым голосом. Деланный смешок, называет меня по имени-фамилии, будто предупреждает другого человека, находящегося рядом. Закрываю глаза. Неужели мне повезло? Угадала ли я? Если она прикрывает Зака, то доверять ей не стоит.

Или я чересчур увлеклась своей идеей? Может, она просто чувствует себя неловко и не понимает, с какой стати я звоню.

Пытаюсь говорить ровным тоном:

– Простите, что звоню вот так вдруг. Наверное, вы думаете «И чего ей от меня надо?». В школе сейчас каникулы, на этой неделе я собираюсь в Брайтон. Как насчет чашечки кофе? Я просто... – Перестань оправдываться! – Я хотела задать вам пару вопросов о Заке, и я п-п... Я подумала, что вы не откажетесь.

– Ясно, – настороженно произносит она. – Только вряд ли мне есть что рассказать.

– Для меня любая мелочь важна!

Снова пауза.

– Когда?

– В четверг либо в пятницу, как вам удобнее. Вы наверняка очень заняты с детьми, и все же надеюсь, что вы сможете выкроить для меня немного времени.

– Погодите. Сейчас загляну в ежедневник.

Телефон со стуком кладут, на заднем фоне раздаются приглушенные голоса, приближаются тихие шаги.

– Привет, – раздается голос маленького ребенка.

– Привет! – отвечаю я. – Ты мальчик или девочка?

– Я крокодил!

– Ага! Я так и поняла. Только что подумала: если не ошибаюсь, это крокодил.

– Простите. – Нелл подходит к другому телефону. – Положи трубку,

Пидж.

- До свидания, – говорит «крокодил».
- До свидания! – отвечаю я. – Приятно было побеседовать.
- Так, могу утром в четверг. В половине двенадцатого устроит? Если вы не против, то лучше встретимся у меня дома.

У нее дома. Пригласила бы она меня к себе, если бы прятала Зака? До четверга еще три дня – вполне можно скрыть следы. Надо было договориться на пораньше или узнать адрес и нагрянуть без приглашения. Зря я не подумала.

- Вы меня слышите?
- Да, извините. – Беру себя в руки. – Огромное вам спасибо! Вы так добры.

Записываю адрес на другом уголке газеты, вешаю трубку.

Зак

Январь 2010

Сегодня произошло целых два события.

Прежде всего я встретился с ее сестрой, Пегги. Вот это штучка, не то что Лиззи! У них почти ничего общего. А если и есть, то это благодаря исключительно моим усилиям.

Разумеется, я произвел должное впечатление. Она была не в восторге от нашего интернет-знакомства, но с этим мы справились быстро. Шутки-улыбки, помочь с посудой, немного внимания младенцу (подбрасывал его, пока не запищал), много флирта (такие женщины без этого не могут). Она недурна, хотя и не в моем вкусе. Избалованная блондинка с длинными волосами, слегка за тридцать (при этом изображает семнадцатилетнюю), в обтягивающей сиськи кофточке, джинсы тоже в облипку. До смешного гордится тем, что заарканила муженька из Сити и получила в придачу соответствующий уровень жизни: «Вы ведь бывали в Дубае? О, мы обожаем Дубай!» А эти присказки, которые она постоянно вставляет в разговор, типа «Вот, блин!» или «И все такое прочее»? Без устали травит байки про чужую глупость, под конец самодовольно восклицает: «Элементарно, Ватсон!» А еще вечно жалуется на жизнь. Послушать ее – так она нищая рабыня, а не богатенькая мадам.

Живет недалеко от Лиззи, дом оформлен в серовато-бежевых тонах, которые люди с деньгами, но без толики воображения считают верхом изящного вкуса. Похвалил ее прикид – «Вам не говорили, что вы

одевается стильно, как Алекса Чанг?» – на что она покровительственно кивнула на сестру: «Вот, блин! Скажите это лучше нашей мисс Флиске!» Вдруг обнаружил, что мы с Лиззи держимся за руки под столом. Как ни странно, по ее инициативе.

У Пегги была «новость», и мы стали свидетелями того, как в ней боролось желание похвастаться и забота о чувствах сестры. Разумеется, победило первое. Она увела Лиззи в другую часть кухни, чтобы та помогла ей с чаем. Принялась размахивать черно-белым фото – снимок плода на двенадцатой неделе. «В этот раз решили никому не говорить, пока сами не будем уверены!» Представляю, как скучно слушать про чужую беременность.

Надо сказать, Лиззи неплохо справилась. Поцелуйчики-обнимашки, радостные вопли. После я спросил, не расстроена ли она. «Нет, ну что ты!» И я понял, что она не понимает. Я имел в виду, что у младшей сестры уже вторая беременность, а у нее пока ни одной. Ее же обидело слово «чужую», которым Пегги походя отвергла их родство.

Шагая по парку домой, она призналась, что муж Пегги никакой не финансист. Всю жизнь его содержат родители. Я сильно смеялся, и ее это порадовало. Я воскликнул: «Вот, блин!», и она виновато хихикнула. Позволила себя поцеловать прямо посреди парка. Целовались мы долго. Одной рукой я уперся в ствол дерева, другую положил ей под затылок. Проехал поезд, земля задрожала. Мы оторвались друг от друга. Она сказала, что я могу зайти к ней, если хочу... Тонкий намек на толстые обстоятельства!

Приходить к ней было рискованно, но я подготовился к неожиданностям. Если бы при виде меня мать Лиззи заорала, тыча изуродованным артритом пальцем, и заявила, что именно я вломился в их дом, это было бы легко списать на ее психическое незддоровье, спазмы сонной артерии, снижение выработки нейротрансмиттеров. Время тоже было на моей стороне. Вечерняя спутанность сознания называется – оно меркнет, возбуждение растет.

Зря волновался. Старуха едва ли меня заметила. Сидела в жарко натопленной гостиной на уродливом кресле-кровати, уставившись в телевизор, и крутила на пальце обручальное кольцо. Лиззи приготовила ей ужин и принесла на подносе. Мы с писом смотрели, как Лиззи сует ложку в разинутый рот. Я уж решил, что вечер никогда не кончится, как вдруг она стала клевать носом. Я взял Лиззи за руку и повел наверх.

Если она и удивилась, что я знал, какую дверь пнуть коленом, то виду не подала. Комната выглядела лучше, чем в мой первый приход – одежда и

книги больше не валялись как попало. Специально убралась. Знала, что я приду. Она все запланировала.

Несмотря на уродские флисовые кофты и скромное нижнее белье, Лиззи оказалась весьма пылкой, изголодавшейся, безотказной и раскрепощенной. Делала все, о чем я просил. Такого я не ожидал. Она пробуждает во мне все самое лучшее. А потом случилось невероятное. Я заснул, чего со мной вообще никогда не бывало!

Когда я проснулся, она не пожирала меня глазами, как это делает Шарлотта. Сначала я даже не понял, где она есть. Снаружи было темно. Она сидела в изголовье, поджав ноги, и читала газету. Наклонила ее так, чтобы свет лампы падал куда надо.

– Когда останешься одна, тебе ведь будет одиноко? – спросил я.

Глаз от газеты она не подняла.

– Не знаю, – помолчав, ответила она.

– Я в любой момент могу переехать к тебе, чтобы ты не скучала.

Она резко опустила газету и пристально посмотрела на меня.

– Не валяй дурака!

Я натянул одеяло.

– Я серьезно.

– Мы едва знаем друг друга!

– Неправда. – Она надела серую футболку, оттенявшую глаза. На радужке простили золотистые крапинки, которых я раньше не замечал. Она считает себя заурядной, однако при определенном свете может быть даже красивой. – Теперь я тебя хорошо знаю.

– Ты живешь в Брайтоне.

– Перееду в Лондон.

Дверь в спальню открылась, мягким шагом зашел пес. Лиззи нагнулась, смяв газету, и погладила его.

– Ты очень милый, но совсем не серьезный! – сказала она.

Никакой я не милый. Это вообще не про меня! И очень даже серьезный. Ее тон мне не понравился. Не знаю, к кому она обращалась – к собаке или ко мне. Со мной так нельзя! В последний раз высокомерие Шарлотты ни к чему хорошему не привело. Я открыл рот, чтобы возразить. Лиззи почувствовала и обернулась. Погладила меня по голове, зарывшись пальцами в волосы.

– Еще не время! – ласково проговорила она.

Я запаниковал. Все вышло из-под контроля. Да что с ней? Все было так хорошо, как надо. Неужели она не поняла? Неужели отбросит все, что между нами было? В кармане джинсов, брошенных на полу, вибрирует

телефон. Наверняка звонит Шарлотта, пытается узнать, куда я подевался. Мысль, чтобы одеться, уйти, сесть на электричку в Брайтон – столько возни, – кажется невыносимой и беспросветной. Отвернулся, пряча от Лиззи лицо.

Сдержаться не было сил.

– Не стоит пускать собаку в спальню, – сказал я. – Это негигиенично!

Глава 8

Лиззи

Во вторник будильник звенит рано. Не хочу спать слишком долго – дом проснулся, на улицах появились люди, шумят машины. Нужно быть начеку.

В спальне темно. Точно помню, что опускала жалюзи, однако сейчас они подняты к самому потолку. Сквозь ветви дерева за окном проглядывает небо цвета застарелого синяка.

Мне снова снился Зак. Как ни зажмуриваюсь, вернуться в сон не удается. Осталось лишь настроение, учащенное дыхание и бешеный пульс. Лежу в темноте, прислушиваюсь к звукам просыпающегося Лондона – отъезжает фургон доставки, дребезжит автобус, стрекочет вертолет. Страх перед Заком рассеялся. Внутри пустота. Порой у него бывал очень потерянный вид: когда арт-галерея возвращала ему непроданные картины или я говорила, что задержусь на работе. Он быстроправлялся с потрясением, надевал маску негодования или гнева, и все же я успевала заметить его ранимость.

Чего он от меня хочет? Хватит ли ему моего раскаяния, чтобы вернуться? Или он сам не знает?

Как он там – отчаявшийся, растерянный, опустившийся?

Пес лежит у меня в ногах.

Если бы Зак пробрался в спальню, пес бы залаял. Или нет?

Запустив Говарда на заднее сиденье, я еду в Коллирс-Буд. В «Буки» добираюсь к восьми. Мама еще спит. Сижу возле постели и жду, когда она проснется. Потом мама встает, я помогаю ей одеться, кормлю завтраком. Выяснила, почему она стала срыгивать – в чай наливают молоко, а она этого не любит. Немного погодя спрашиваю, не приходил ли к ней тот мужчина опять. «Какой мужчина?» Перевожу разговор на отстраненную тему, и мама снова вспоминает яблоневые сады в Кенте. Сегодня она куда спокойнее. Перед моим уходом она спрашивает, когда, наконец, придет «другая дочка». Сижу в машине и плачу. В который раз.

Договорилась встретиться с Джейн в половине одиннадцатого и погулять с собакой. По пути сворачиваю в лабиринт уочек, еду мимо

пустырей вдоль реки Уэндл. Просматриваю каждый проулок, каждую стойку. Где же он? Куда он спрятался? Искать бесполезно. Миллион сараев со взломанными замками. Миллион нелегальных построек из гофрированного металла. Он может быть где угодно – хоть в щели между зданиями, хоть в подвале...

Добравшись до стоянки возле парка в Уимблдоне, где договорилась встретиться с Джейн, чувствую себя вялой и заторможенной. От бодрости не осталось и следа. Кем же он был на самом деле? Где он сейчас? Закрываю глаза, но вспомнить его лицо не могу. Веки тяжелеют, вижу сплошную рябь, как в конце фильма в старом кинотеатре. Не могу воскресить в памяти ни черты его лица, ни руки, ни ноги, ни грудь, ни спину. Я его не вижу.

Невдалеке от магистрали среди скученных домишек возвышается мельница. День пасмурный, на парковке пусто, на покрытой гравием площадке лужи.

Красный «Вольво»-универсал Джейн – единственная машина на стоянке. Она ждет внутри, слушает «Радио-4», «Женский час». Капот вибрирует от голоса Дженни Мюррей. Джейн замечает меня, машет рукой и натягивает резиновые сапоги. Я подхожу с улыбкой, чувствуя себя крайне неловко. Джейн – моя лучшая подруга. Зак снова встал между нами. Не хочу иметь от нее секретов, однако делать нечего. Она мне не поверит, только зря встревожится. Подключит Морроу, позвонит Пегги, как в прошлые выходные. И станет гораздо хуже.

Она открывает дверь и выходит.

– Привет! У тебя все в порядке?

– Да! – поспешно восклицаю я под ее испытующим взглядом. – Извини за воскресенье, – как можно более непринужденно добавляю я. – Ты ведь куда-то собирались.

– Нет, – отвечает она, наморщив нос, и я понимаю, что она лжет.

Джейн опирается на мое плечо, поправляет носок. Она пытается вести себя непринужденно, но я чувствую – она хочет убедиться, что я в порядке и не падаю духом.

Пытаюсь шутить, чтобы развеять ее сомнения.

– Поверить не могу, что поминала бренные останки!

– Перестань!

– И что на меня нашло? – Нагибаюсь, спускаю Говарда с поводка. – Почему я вспомнила про зубы?

Она прикрывает рот рукой.

– О чём я только думала? Морроу была в шоке.

– Скорее в недоумении.

– Интересно, готовят ли их к этому на курсах инспекторов-психологов.

– Бедная Морроу! И бедная ты! – восклицает Джейн. Мы выходим на дорожку, ведущую в глубь парка. Она придерживает ветку. – Жаль, что ты не рассказала мне про то письмо.

Я вздыхаю.

– Тяжело знать, что он прочитал его перед тем, как сесть в машину... Представить боюсь, каково тебе! Я вот о чем думаю... Послушай, Лиззи! – Она резко останавливается. – Зак знал, что ты его любишь и вовсе не имеешь в виду того, что написала. Это такой пустяк! Письмо ничего бы не изменило. Ты ведь и сама понимаешь. Вы были родственными душами! Ничто не могло это перечеркнуть.

В горле встает ком. Она думает, что Зак покончил с собой. Ее слова словно яма, разверзшаяся у меня под ногами. Я всхлипываю, потом откашливаюсь. Мне ее не разубедить, что бы я ни сказала. Она понятия не имеет, как все обстоит на самом деле, потому что я скрывала от нее правду. Родственные души – какая наивность! Мой сказочный принц, как назвала его однажды Джейн. Она даже не догадывается!

– Спасибо, – с трудом выдавливаю я.

– Мне и в голову не приходило, что между вами не все так гладко. Я знаю, на том корпоративе он слегка расстроился из-за твоего танца с Энгусом...

Я смотрю на нее и поспешно отвожу глаза. Один из молодых учителей схватил меня за руку и потащил танцевать. Зак за нами наблюдал, стоя в углу и яростно сверкая глазами. Когда я высвободилась из рук Энгуса, Зак выкрутил мне кисть за спину и наговорил такого, что вовсе не предназначалось для чужих ушей. Джейн ничего не видела. Похоже, ей кто-то рассказал.

– Он был немного ревнив, – говорю я. – Пустяки!

– Неужели? – Она всматривается в мое лицо. – Ты узнала, кто оставил цветы на месте аварии?

– Нет.

– Я тут подумала: может, эта Ханна – свидетель ДТП? Просто случайный человек.

– Вполне вероятно. – Надо быть осторожнее. Джейн слишком хорошо меня знает. – Может, оно и к лучшему, что в выходные я немного съехала с катушек. Иногда бывает полезно нырнуть в пучину безумия, чтобы потом спокойно жить дальше.

– Нырнуть в пучину безумия?! – повторяет она, подняв бровь. –

Бедняжка Лиззи! Все наладится.

Мне удалось обмануть ее. Теперь мы с Заком снова один на один. Как всегда.

Идем по привычному маршруту, спускаемся с холма. За деревьями расстилается ровная гладь озера, красиво, как в сказке. Проходим через рощицу, движемся вдоль поля для гольфа. Говард гоняется за белками, кроликами и грачами. Буйные заросли перемежаются подстриженными лужайками, повсюду кривые деревья, нависающие над дорожками ветви, разросшиеся зеленые изгороди. Растительность парка Уимблдон отличается невероятным разнообразием. Стоит зайти в ложбинку или в особенно густые заросли, как шум магистрали А-3 стихает, и кажется, будто ты в диком лесу далеко-далеко от Лондона. Ходьба успокаивает. Зря Джейн вспомнила тот корпоратив. После инцидента с Энгусом я выбежала на улицу. Зак догнал меня лишь у парка. Он был пьян, алкоголь плохо сочетался с таблетками, которые он пил для снятия тревожности. Он умолял меня о прощении. Сказал, что не знает, что на него нашло. Сказал, что я ему очень нужна. Пытаюсь сосредоточиться на руке Джейн, лежащей на моем локте, и не думать о нем, о том, каково ему сейчас одному.

К концу тропы для верховой езды в поле зрения появляется мельница, возвышающаяся над кипами деревьев, и мы болтаем о школьных делах. Джейн упоминает Сэма Уэлхема. Вчера она столкнулась с ним на рынке в Тутинге, покупая бамию и кориандр для карри.

– Хорошо, – говорю я.

– Сэм спрашивал о тебе. Он помнит, что прошел ровно год. Беспокоился о тебе.

– Мило с его стороны.

Джейн работала с Сэном в предыдущей школе и несколько раз говорила мне, что его жена – полная идиотка, если бросила такого мужа. Она снова это повторяет. Еще она рассказывает, что он просил ее порекомендовать хорошего дантиста.

– Порекомендовала? – спрашиваю я.

– Да, конечно.

– Молодец.

– Лиззи, он очень приятный мужчина.

– Не сомневаюсь.

– Зак хотел бы, чтобы ты была счастлива.

У меня перехватывает дыхание. От такой банальности хочется плакать. Джейн высвобождает руку.

– Знаю.

– Я так, к слову.
– Знаю.

Домой еду другим маршрутом – через Уимблдон-Виллидж, потом по Плау-роуд, мимо стадиона для собачьих бегов. Зак снимал помещение в промышленном здании неподалеку – на старом складе, поделенном на кучу маленьких каморок.

Въезжаю на просторную парковку возле стадиона, выключаю зажигание. Металлические прилавки для воскресного рынка стоят как попало, некоторые перевернуты вверх ногами. У входа сложены стопкой намокшие картонные ящики.

Я приезжала сюда лишь раз – вскоре после аварии. Тогда я была не в себе. Джейн отправилась со мной, чтобы освободить помещение. Смотритель, молодой человек с длинными бакенбардами, открыл дверь мастер-ключом. Мне было невыносимо видеть покинутую студию: незаконченные картины, наброски, краски и прочие приметы оборвавшейся жизни, поэтому я пропустила вперед Джейн. Она застыла на пороге. Я собралась с духом и заглянула внутрь. Там не было ничего! Пустой мольберт. Голые стены. Чистый пол. Три бутылки растворителя в ряд, этикеткой строго спереди. Мы приехали на машине Джейн, чтобы перевезти все вещи. Остатки трудовой деятельности Зака вполне поместились бы на багажнике велосипеда.

Джейн сказала: должно быть, какой-нибудь негодяй просlyшал о смерти Зака, вломился в студию и забрал все.

Теперь я в этом не уверена. В голове крутится мысль: не сам ли он вернулся за вещами?

Из машины шагнула прямо в лужу. Склад за углом, на обветшалой улочке, изрытой колдобинами. Невысокое здание викторианской эпохи: сварное железо, пожарные выходы, маленькие окошки. Дверь с торцакрыта, я вхожу. Тамбур выкрашен в ярко-розовый. Арочный проем ведет в главный коридор. Пахнет скипидаром, химикатами и мокрой землей. Жужжит пила, стучит молоток, издалека доносятся дребезжащие звуки поп-музыки.

Большинство дверей открыты. В первом отсеке старик с плоскогубцами сидит на корточках перед выпотрошенным креслом, в следующем – женщина в фартуке склоняется над заляпанной глиной печью для обжига. Прохожу мимо акварелиста, скульптора, работающего с металлом, девушки, создающей скульптуры из пластиря и булавок. Все слишком увлечены делом, чтобы их прерывать.

Музыка доносится из кухни – двойного отсека в середине коридора. Женщина с торчащими черными прядями разогревает в микроволновке еду. Мы уже виделись раньше. Она была на похоронах Зака. Возможно, что-то знает.

Я здороваюсь и объясняю, кто я. Она кивает. Ее зовут Мария, она вязальщица. Да, она приходила на похороны моего мужа. Кто-то сообщил смотрителю, он рассказал остальным, и она с подругой-скульптором Сьюзи решила пойти.

– Тут близко.

Я улыбаюсь, хотя ее слова больно ранят. Мария говорит о похоронах будто о походе в кино.

– Жаль! – добавляет она. – Такой был красивый, приятный мужчина!

Микроволновка звякает, женщина достает тарелку с разогретым цыпленком под соусом терияки. Я сажусь. Нужно быть осторожной. Я объясняю, что пытаюсь сопоставить кое-какие факты. К примеру, куда подевались все вещи из студии Зака. Мог ли их взять кто-нибудь из здешних?

Мария явно обескуражена:

– Тут все друг друга хорошо знают. Мы люди творческие, а не воры!

– Разумеется! Просто мне странно, что после Зака осталось так мало вещей.

Она качает головой:

– Зак всегда запирался. Дважды в год мы проводим день открытых дверей: показываем свои работы, продаем их, угождаем гостей вином. Зак никогда не участвовал. Сказал, что его картины никуда не годятся. Даже не знаю, как выглядела его студия.

– Странно!

– У Зака были такие красивые синие глаза!

– Взгляд у него был притягательный, – киваю я. – К нему кто-нибудь заходил?

Мария качает головой, продолжая жевать цыпленка.

– Нет.

– Здесь есть кто-нибудь по имени Ханна?

– Нет, никаких Ханн. По крайней мере, я такой не знаю.

– Он и правда ни с кем не общался?

Она поднимает палец, сглатывает:

– Постоянно печатал что-то на своем ноуте. Письма, что ли. Лицо у него было красное. Потом собрался уходить, и я спросила, все ли у него в порядке. Не могу не отреагировать, когда людям плохо. Я ведь добрая

душа.

– Еще бы.

Она снова принимается за еду. Я смотрю на нее, она улыбается.

– Его студию снял фотограф, – сообщает она. – Очень достойный человек.

– Хорошо.

Мне хочется поскорее уйти, я думаю о закрытой двери Зака, о тщательно скрываемой им тоске. Торопливо выхожу из здания, спешу к машине. В ограждении из сетки – дыра, которую я не заметила раньше. Пролезаю через нее, встаю слишком рано и зацепляюсь за проволоку.

Машину я припарковала на дальнем конце стоянки, рядом с кафе.

Междур кипотом и забором кто-то стоит, уперев руки в боки. Небрежная стрижка, теплое пальто, одно плечо чуть выше другого. Я испытываю и радость, и ужас. Спотыкаясь, бегу по лужам. На джинсы летят брызги грязи. Перед глазами все плавает и кружится. Я отступаю и падаю на четвереньки. Успеваю подставить руки, лицо едва не коснулось земли. Медленно поднимаюсь.

На заборе висит драная черная толстовка.

Зак исчез.

Зак

Март 2010

Поехал на несколько дней в Корнуолл. Холодно и промозгло, без машины плохо. Собирался взять «Гольф» Шарлотты, но на пассажирское сиденье пролилась бутылка молока, и хотя Шарлотта утверждает, что как следует все вычистила, я все еще чувствую кислую вонь, похожую на запах стариковской кожи.

Ветер на дорожке от утеса к деревне ледяной. Притащил из магазинчика мешок дров для камина. Их хватило на час, и они никак не желали лежать ровно, одно полено постоянно скатывалось. Пытался отвернуться и не смог. Глаза только туда и смотрели. Прямо мурашки по коже! В конце концов не выдержал, затоптал огонь ногой. Сейчас жду, пока угли остынут, чтобы выгрести золу. Чувствую себя спокойнее, когда камин чистый. Будь у меня тачка, съездил бы на заправку «Шелл» за прямоугольными брикетами. Их-то можно уложить ровно.

Я взбудоражен, как никогда, таблетки не помогают. Ничего не могу с собой поделать.

Двойная жизнь достала. Вроде бы все можно уладить, но ничего не складывается. Некоторые бизнесмены живут так годами. Неделя в Мейдстоне, неделя в Мейда-Вейле. Шарлотта слишком занята, чтобы заметить мои отлучки, она в восторге от этой ее «стоящей работы». По сравнению с претензиями других женщин запросы Лиззи, напротив, довольно скромны. Радуется, когда я появляюсь, не тащит знакомиться с друзьями или общаться с родней, посещать семейные обеды или крестины младенцев, которых я в глаза не видел и чьих родителей я не знаю и знать не хочу.

Она на меня не давит, и мне хочется встречаться с ней почаше. Кажется, я от нее без ума.

Не могу спать. Не могу рисовать. Работу потерял. Ублюдок Джим нашел студента из университета, который займется вместо меня литьем, потому как у меня якобы не хватает «сознательного отношения к работе». Задолжал за последний заказ, для возмещения ущерба придержал пару моих картин. Полный бред! Подумаешь, взял немного колес в долг и пропустил пару встреч с клиентами. Знал, что он прижимист и за бабки держится, но такой беспринципности не ожидал. Хорошо хоть его велосипед все еще у меня. Джим винит в краже бомжа, который частенько спал на пороге студии. Люди такие тупые!

Время тянется медленно. Ничего не меняется! Лиззи согласилась, что ее матери будет лучше в доме престарелых. В «Буках», что в Коллирс-Вуд, есть свободное место. Решение правильное, но Лиззи продолжает жаться и мяться – «сердце говорит одно, голова другое». Будто это не одно и то же. Прошлой ночью плакала. Говорит, что всегда чувствовала себя никчемной, что Пегги была маминой любимицей, и она (Лиззи) надеялась, что, ухаживая за матерью, докажет свою состоятельность. Тщетно. Теперь она убедилась, что мать права: она – полное ничтожество.

Я возмутился. Да Лиззи стоит больше, чем ее ханжа-сестрица и чванливая старуха, вместе взятые! Влияние семьи пагубно. Разумеется, Пегги ничуть не способствует делу. Мысль, что «о мамочке станут заботиться чужие люди», для нее невыносима. Она хочет, чтобы Лиззи и дальше гробила свою жизнь, ухаживая за старухой, а Пегги могла жить и радоваться, не испытывая ни малейшего чувства вины.

Я убедил Лиззи собрать «семейный совет». На нем я сказал: «Думаю, вам стоит присматривать за ней по очереди. Даже когда родится ребенок, вам совсем не будет тесно в таком замечательно просторном доме». И Пегги мигом передумала.

Сегодня ветер стих. С утра на пляже видел Алана Мерфи – муженька Виктории, бегал трусцой плечом к плечу с молодым парнем – то ли помощник, то ли телохранитель. Он запыхался, махнул мне рукой и споткнулся. Сомневаюсь, чтобы он меня узнал, – наверное, просто увидел надпись «избиратель» у меня на лбу. С новым главой партии Тори они дружки. Не иначе как приводит себя в хорошую форму перед вступлением в должность. Скажу вам одно: на мой голос пусть даже не рассчитывает! В юности Вик нипочем бы на такого не взглянула. Та еще была проказница. Сейчас совсем скучная, слишком озабочена своим статусом.

Я направился к церкви Святого Энодока, дошел до края утеса, где начинается пляж, и вдруг увидел на песке сгорбившуюся фигурку. Вокруг скал еще вился туман, скрывая поле для гольфа. Берег был пуст.

Подойдя ближе, я разглядел плачущую девчонку лет четырнадцати-пятнадцати. Она подняла пронзительный взгляд, и было в нем нечто, заставившее меня остановиться. Она так и сверлила меня синими глазами.

– Ты в порядке? – спросил я.

– Тебе-то какое дело?

– Никакого.

– Ну... – Она вздернула подбородок. – Тогда нет. Все плохо!

Я спросил, как ее зовут, она ответила, что Онни. Дочь Вик и Мерфи. Поэтому она и показалась мне смутно знакомой, хотя в прошлый раз она была не такой тощей и прыщавой.

– Нечего рассиживаться на мокром песке, – сказал я. – Глисты заведутся.

– От песка глистов не бывает! А вот если станешь грызть ногти...

– Ну, ты наверняка разбираешься в этом получше меня. Снимаю шляпу перед твоей осведомленностью и опытом!

Она высунула язык, и я расхохотался.

Я уже собрался уходить, когда она бросила мне вслед:

– Я решила уйти из дома.

– Неужели?

Она призналась, что учится в школе-интернате и ненавидит ее всей душой. Какая-то девица над ней измывается, запрещает всем с ней разговаривать и сидеть за одним столом во время ланча.

Я посоветовал выждать и отомстить сучке.

– Знаешь пословицу? Месть – это блюдо, которое подают холодным.

Она скривилась, будто говоря «как скажешь».

Я послал ей воздушный поцелуй и пошел дальше.

Вернулся в Брайтон. Поверить не могу, что я снова здесь! Пора выбираться. Постоянно думаю о Лондоне и о Лиззи.

Ничего не получается!

Вчера были с Шарлоттой в пабе, и она заигрывала с барменом, наклонялась и демонстрировала грудь в вырезе кофточки. Пыталась привлечь мое внимание, соблазнить, а мне было плевать. Плохо, что она вытворяла это перед Питом и Нелл. Вела себя вызывающе, выставила меня полным идиотом.

Когда мы поднимались по лестнице в ее квартиру, снова принялась ныть про Корнуолл. Я посмотрел, как она роется в сумочке в поисках ключей, с плеча свисает вульгарный плащ леопардовой расцветки, на зубах помада, и понял, что больше не выдержу. Велел ей заткнуться и ударил по лицу. Она пошатнулась и едва не упала. Пришлось ее подхватить, иначе свалилась бы с лестницы. Дурацкая ковровая дорожка чертовски опасна.

Пришлось просить прощения, говорить, что она много для меня значит, я не переживу, если с ней что-нибудь случится. Пообещал на выходных привезти свои инструменты и прибить дорожку гвоздями.

Глава 9

Лиззи

Я обещала Пегги посидеть с детьми во время каникул, чтобы она могла отдохнуть. В среду она их привезла.

Пегги мнется в холле, хочет поскорее уйти. Признается, что ей с Робом так не хватает немного «времени вдвоем», что они «буквально на грани развода». Сначала пойдут куда-нибудь пообщаться, потом «кино и все такое», затем отправятся домой, чтобы «как следует потрахаться, извини за откровенность». Раньше я не замечала, как она говорит. Ведь это же Пегги! Зак обратил мое внимание на то, как она повторяет некоторые слова и фразы или подхватывает чужие выражения. Теперь я вижу ее по-другому, хотя часто об этом жалею. У старших детей с собой по чемоданчику, Гасси почти целиком набила его детской бижутерией.

Я веду их поплавать в «Лэтчмере» (там есть волновая установка), потом мы перекусываем в «Нанду» – цыпленок и жареный картофель (все добавки бесплатно!), затем идем с Говардом и коляской по парку к большой детской площадке. Вернувшись домой, опустошаем буфет в поисках ингредиентов для волшебных зелий и заставляем их шипеть с помощью пары ложек пищевой соды. Играем в «Лягушку»^[5], пока Гасси не начинает капризничать, делаем пиццу и под конец вечера валимся на мою кровать, чтобы посмотреть фильм про мышонка Стюарта Литла, который я купила на прошлой неделе.

Я постелила детям на диване в кабинете, но они остаются на кровати со мной: Гасси лежит, раскинув руки-ноги, точно морская звезда, Алфи захапал все пуховое одеяло, Хлоя свернулась калачиком у меня на руках. Лисы в саду тревожат пса, время от времени он яростно лает. Я лежу и думаю, видел ли Зак меня с детьми. Он считал, что Пегги вовсю пользуется мною, и мне следует давать ей отпор. А я люблю ее детей! И сестру тоже люблю. Он никогда не мог этого понять.

Рано утром я слышу заунывную музыку, которая странным образом разносится по саду из глубины переулка. Слов не разобрать, гаражная дверьibriрует от звуков.

Выбираюсь из постели, осторожно освобождаясь от детских ручек и ножек, подхожу к окну, прислушиваюсь. «Я хочу быть любимым». Элвис

Костелло и группа «Эттрэксис». Любимая песня Зака. Снова она. Небо города окрасилось в абрикосовый оттенок. Белая луна прячется за оранжевое облако. Поднимаю оконную раму, высовываюсь наружу, чтобы расслышать каждую ноту, и тут музыка обрывается.

Все трое проснулись в пять утра, я нахожу им занятия (раскраски, телевизор) и ожидаюсь десяти, чтобы отвезти их домой. Я спешу. Не хочу сердить Пегги, но поезд в Брайтон отправляется в половине одиннадцатого.

— Эх, как вы рано! — восклицает Пегги, увидев нас на пороге. — А мы с Робом как раз собирались сходить куда-нибудь позавтракать.

— Прости, пожалуйста! Хочешь, возьму их на выходные? У меня сегодня куча дел.

— Куча дел? — недоуменно повторяет она. — Каких таких дел?

Я вспыхиваю и отшатываюсь от двери, пытаясь скрыть раздражение.

— Встречаюсь кое с кем, — говорю я.

— А-а. — Она сжимает губы, таращит глаза. — С тем новым учителем, про которого рассказывала Джейн?

Я смеюсь:

— Нет!

— Тогда с кем?

Останавливается машина, сигналит, Пегги машет рукой в ответ.

— Как прошел вечер викторин? — кричит она пассажиру, опускающему стекло.

Я скрываюсь, пока она на меня не насыла.

Еду домой, паркуюсь в конце улицы и выпускаю Говарда в сад. Надо было спросить Нелл, можно ли приехать с собакой, только я не рискнула. В доме беспорядок, диван в кабинете еще разобран. Времени на уборку нет. Приберусь после.

Выходя, краем глаза замечаю девушку. Она сидит на земле, возле ограды, вытянув ноги на тротуар. Под шортами у нее рваные черные колготки, парусиновые туфли без каблука (такие носят девочки в нашей школе), с плеча свисает курточка из кожзама. Посетители тюрьмы часто болтаются по соседним улицам либо сидят на краю парка, курят и ждут, пока начнутся часы посещений.

Быстрым шагом дохожу до светофора, жду, пока загорится зеленый, и вдруг сзади раздаются шаги и крик:

— Эй! Куда же вы?

Оборачиваюсь. Передо мной стоит девушка. Вблизи вижу, что у нее длинные руки и ноги, овальное лицо и вздернутый нос, усыпанный

мелкими прыщами. Пахнет чем-то дорогим – то ли шампунем, то ли лосьоном для тела с базиликом и лемонграсом. И куртка не из кожзама – из натуральной кожи.

И тут я понимаю, кто она. Не угрюмая подружка, пришедшая в тюрьму на свидание с парнем, и не мать-подросток, а дочка Алана и Виктории Мерфи.

– Онни!.. Привет.

Она вытягивает из-за плеча прядь крашенных в два цвета волос и смущенно прячет лицо.

– Я ждала вас, а вы прошли мимо. Причем дважды.

– Ты приехала ко мне?

– Да, – отвечает она, чуть выкатив глаза, будто удивляясь моей тупости.

Несмотря на растерянность, мне хочется улыбнуться, и я едва сдерживаюсь. Тон у нее хамский, однако мне не привыкать. Подростки за грубостью прячут застенчивость. Порой им трудно даже рот раскрыть.

– Прости! Я тебя не заметила. Не ожидала... – Качаю головой. – Откуда ты узнала, где я живу?

– Зак дал мне адрес.

– Когда? Недавно?

Она хмурится:

– Давно. Очень.

– И ты его хранила все это время?

Она пожимает плечами:

– Ну да.

Я смотрю на нее в изумлении. Зак никому не давал наш адрес. Он очень трепетно относился к своей частной жизни.

– Разве вы меня не ждали?

Пытаюсь вспомнить наш разговор на прошлой неделе. Неужели я что-то упустила? Давно это было. Вроде бы речь шла о производственной практике. Вряд ли я просила ее со мной связаться. Почему она поджидала меня возле дома? Почему не постучала?

– Эх, совсем замоталась! Даже не знаю. – Смотрю на часы. – Мне пора на электричку. Давай поговорим по дороге к станции.

Она пожимает плечами.

Зеленый человечек мигает, я иду через дорогу.

– Надолго приехала в Лондон? – спрашиваю я.

Она молчит. Сзади гудят. Перейдя на другую сторону, я оборачиваюсь и вижу застрявшую посреди дороги Онни. Мимо нее проносятся машины.

– Онни! – протягиваю руки, хватаю лишь воздух.

Ревет двигатель, мимо проносится мотоцикл.

Она ждет разрыва в потоке машин, перед ней резко останавливается автобус – и в три прыжка Онни добирается до тротуара.

– Ох! – облегченно вздыхаю я и крепко хватаю ее за скользкий рукав кожаной куртки. – Что случилось? Ты что-нибудь уронила?

– Нет. Я просто... Не знаю.

Она краснеет, хотя на лице ни одной эмоции.

– Слишком короткий зеленый, да?

– Я задумалась. – Онни отворачивается и едва не плачет.

Выдержав паузу, бросаю взгляд на часы. До электрички осталось совсем немного. Пытаюсь говорить спокойно:

– Мне правда пора! – Кладу руку девушке на плечо. Сквозь куртку проступает ключица. – Можешь зайти попозже?

Она отстраняется.

– Зря я вообще приехала!

– Ну что ты, совсем не зря! – Я улыбаюсь. – В любой другой день я бросила бы все дела, а сегодня у меня встреча. Ты ведь понимаешь? – Внезапно мне становится ее жаль. – Я действительно рада тебя видеть, и если могу чем-нибудь помочь – только скажи!

– Правда?

– Да. Ты в Лондоне до вечера? Давай встретимся после обеда, попьем кофе.

Она медленно моргает. Ярко-синие глаза покраснели от слез.

– Я не пью кофе. Мне нельзя. Он будто бы повышает мою нервозность. – Она презрительно пожимает плечами, несогласная с запретом.

– Тогда чаю! – жизнерадостно восклицаю я.

Онни кивает, закусив губу.

– Пройдись со мной немного, – предлагаю я. – Мне на станцию, да и тебе, наверное, туда же.

– Я приехала на метро. Ужасно далеко!

– Очень жаль! – Я снова смеюсь. – Лучше на электричке или на автобусе.

Мы приближаемся к парку, проходим мимо ряда викторианских домов. Онни несет рюкзачок цвета хаки, задевая меня по плечу на каждом шагу. Она молчит, плотно сжав губы. Взгляд мрачный. Я размышляю о том, какими неприветливыми кажутся порой подростки. Вроде бы кто-то говорил, что ей восемнадцать. Она выглядит гораздо моложе. Главное –

держаться с ней как ни в чем не бывало.

– Что новенького? – радостно спрашиваю я.

– Ничего.

– Что там с твоей стажировкой? Удалось убедить маму?

– Об этом я и хотела с вами поговорить.

Мы подходим к центральной дорожке, поворачиваем к кафе и теннисным кортам.

– Неужели?

– Она разрешит лишь в том случае, если я поселюсь у того, на кого можно положиться. Вот я и решила принять ваше предложение.

– Мое предложение?!

На площадке для игры в шары два воробья наскакивают на белку.

– Вы ведь сказали, что я могу снять у вас комнату...

Я мешкаю перед калиткой у футбольного поля. Снять комнату? Неужели я это предложила? Мне бы и в голову не пришло. Чужие в доме мне ни к чему. Особенно сейчас.

Пытаюсь придумать, как бы от нее избавиться, обворачиваюсь и вижу, что она стоит, облокотившись на забор. Худенькие плечи, тонкие запястья. Натягивает рукава до кончиков пальцев, горбится. Снова смотрю на часы. До поезда остается десять минут.

– Всего на пару недель! – уговаривает она.

– И когда начинается стажировка? – Я придерживаю для нее калитку.

Онни не спешит. А вдруг ее прислали меня отвлечь, чтобы я пропустила электричку и опоздала в Брайтон?

Она небрежно пожимает плечами:

– В понедельник, но я решила приехать сегодня.

– Я уверена...

– Вам удобнее в воскресенье? Или в понедельник? В первый день могу поехать прямо туда, после уже к вам.

Сую руки в карманы, калитка захлопывается.

– Вряд ли это хорошая идея. Я придумаю какой-нибудь другой вариант. Давай поговорим позднее.

Она смотрит в небо. Начинается дождь.

– Когда вернетесь?

– Сразу после обеда. Мы сейчас проходили мимо кафе, можем встретиться там в два часа.

Она с ужасом смотрит на зеленую лужайку, будто это покрытые льдом просторы Антарктики.

– Что же мне делать до двух?!

На Норткоут-роуд есть отличная библиотека, и я хочу посоветовать ей пойти и почитать книжку или купить газету, однако выражение ее лица меня останавливает. Не то чтобы оно враждебное или мрачное – девушка выглядит совершенно потерянной. Она в отчаянии. Несмотря на деньги и привилегированное положение, претензии и хамское поведение, она ничем не отличается от проблемных ребят в моей школе. Они тоже часто не знают, куда себя деть.

Говард дома один, заперт в кухне. Почему Зак дал девочке наш адрес? Наверное, тоже пожалел. Неожиданно для себя лезу в сумку за ключами.

– Иди ко мне домой. Раньше я прятала запасной ключ недалеко от входной двери, но он куда-то подевался. Бери мой. Можешь составить компанию моему псу. В кухне есть хлеб, в холодильнике несколько кусков пиццы. Извини, у меня немного не прибрано – не успела навести порядок. Не смущайся, будь как дома. Увидимся позже. Захочешь выйти – оставь ключи под цветочным горшком.

Она берет связку, небрежно вешает ее на средний палец, и мне тут же хочется выхватить ключи у нее из рук. Что я натворила?!

Она пожимает плечами, и неясно, сделает она так, как я сказала, или же по-своему.

– Клево, – говорит Онни.

Сквозь выпуклую крышу станции Брайтон проглядывают солнечные лучи, снаружи в тучах открываются просветы, в них видно голубое небо. Семья рассматривает карту. У входа в спортклуб «Фитнес-Ферст» подростки курят одну сигарету на всех.

Дом Пита и Нелл недалеко от станции, на уступе холма. Парадная дверь цвета морской волны выходит прямо на тротуар. Позвонив, я изрядно нервничаю. Зря приехала. Пустая затея.

В воздухе чувствуется запах озона. На крыше уселись и галдят белые чайки. Кто-то упражняется на флейте. Заку здесь не место. Слишком много света и четких линий. Ни одного темного угла, чтобы спрятаться.

– Живи настоящим, – говорил он. – Никогда не возвращайся.

Я готова повернуться и сбежать, и тут запыхавшаяся Нелл распахивает дверь. На плече у нее лежит младенец, темные волосы растрепаны, щечка на белом покрывальце раскраснелась.

– Ах! – непроизвольно восклицаю я. Порой я не могу смотреть на маленьких детей спокойно.

Нелл улыбается, прикладывает палец к губам и впускает меня в дом. С нашей последней встречи лицо у нее заметно округлилось, густые волосы

стали длиннее. Мы тихонько здороваемся, и я крадусь вслед за ней по узкому коридору, потом спускаюсь по ступенькам в кухню и изо всех сил прислушиваюсь.

Я озираюсь в поисках подтверждения своей догадки. В комнате не прибрано – в раковине грязная посуда, на стойке куча бумаг. Из кувшина на столе вываливаются разноцветные махровые тюльпаны. Мебель бледно-серая, одна стена выкрашена в сиренево-синий. Большая пробковая доска увешана всячими домашними мелочами: письма и телефонные номера, детские рисунки. Ни следа Зака – ни масляных красок, ни рулонов бумаги. Осматриваю спинки сосновых стульев в поисках случайно забытой плечевой сумки. Там висят только детские вещи и кухонные полотенца и еще мужская флисовая кофта на молнии. Зак ни за что бы не надел такую.

Скрестив ноги, на полу сидит маленький мальчик в комбинезоне и строит башню из кубиков «Лего».

– Бабах! – щебечет он, обрушив башню.

Нелл осторожно кладет младенца в кроватку-корзину на подоконнике. Снаружи – маленький садик, в который ведут несколько ступенек.

Разве можно прятать мужа от жены в доме, где живут твои дети?

– Лиззи! – поворачивается ко мне Нелл. – Мне так жаль Зака! Это ужасно! И все же я рада тебя видеть снова.

Она распахивает объятия. Я послушно иду к ней (переживших утрату все норовят обнять), но она стремительно отворачивается, чтобы повесить атласное покрывальце на спинку стула.

– Прелестный ребенок, – справившись со смущением, говорю я. – Мальчик или девочка?

Мы обе склоняемся над корзинкой.

– Девочка, – отвечает Нелл. – Глэдис.

– Глэдис. Обожаю несовременные имена. Молодцы, что выбрали такое редкое!

Нелл игнорирует мое замечание.

– Ей шесть недель, – шепчет она и поправляет одеяльце. На нем лежит маленький кулечок. Я гладжу ребенка по головке, трогаю ручку, и она вцепляется в мой палец. – У вас с Заком не было детей?

– Нет. – Возникает неловкое молчание.

– Кофе! – восклицает Нелл. – А потом поболтаем.

Она суетится с чайником, вынимает из шкафчика чашки, спрашивает, как я добиралась, извиняется, что не успела испечь торт, просит Пиджа достать «печеньки-вкусняшки» из банки со сладостями. «Да-да-да!» – твердит она, присматривая за сыном. Я наблюдаю за ней, ища хоть

малейший намек во взгляде или в уголке рта. Вряд ли она стала бы спрашивать, были ли у нас с Заком дети, если бы он находился в доме. И все же она ведет себя странно и слишком напряжена. Нелл явно что-то знает.

Наконец Нелл сдвигает в сторону лишние предметы, чтобы освободить место для чашек и блюдца с овсяным печеньем, и садится.

– Отлично! – устало восклицает она, смотрит на меня, потом быстро отводит взгляд. – Как мило, что ты нашла время нас навестить.

В прошлый раз она вовсе не казалась такой напыщенной. Тогда она больше походила на жительницу юго-восточной Англии, нежели аристократку из Блумсбери. Я давно заметила, что материнство многих заставляет вспомнить о своих корнях.

– Жаль, что мы не часто общались, – говорю я, сделав глоток. – Так славно пообедали вместе, а потом... Не знаю. Жизнь стала суматошная.

– И не говори! Хотя от Лондона до Брайтона совсем недалеко, выбраться к вам было нереально... Недели так и мелькали. Потом пошли дети, и свободного времени стало чертовски мало!

– Зак был не особо общительным, – я перевожу тему разговора. – Некоторые умеют дружить, у него же не получалось. Мне кажется, Заку не хватало встреч с близкими людьми. Не знаю, что ему мешало видеться с ними чаще. Возможно, гордость или застенчивость.

Нелл сдержанно смеется.

– Ладно, не застенчивость, – признаю я.

– Возможно, – повторяет она.

Что она пытается мне сказать?

– Похоже, он никогда не смешивал разные сферы своей жизни, – замечаю я, внимательно глядя на нее. – Работа, Корнуолл, детство, остров Уайт...

– Остров Уайт? – Она убирает руку, подпиравшую подбородок, и заправляет за ухо выбившуюся прядку волос.

– Он там вырос, – поясняю я.

– Я думала, что в Уэльсе.

– Нет, на острове Уайт. – Она что, специально меня путает? – Разве он тебе не рассказывал?

– Нет. – Нелл качает головой.

Насколько близко она его знала? Вспоминаю, как он клал голову мне на колени, и я перебирала его волосы. У невыносимого поведения Зака была ужасная подоплека: отец придирился к матери по любому поводу, будь то ее внешний вид или готовка, всячески измывался над ней. А Зак,

бедняга Зак, единственный ребенок в семье, отчаянно нуждался в похвале отца и поэтому просто наблюдал, не в силах вмешаться. Он пронес эти моменты через всю жизнь, они мучили его, и он изо всех сил пытался забыть. Разве я могла винить его за то, как он порой со мной обращался?

– Детство у него было то еще, – замечаю я.

– Да что ты? Насколько я знаю, его родители давно умерли. Они ведь были весьма состоятельными людьми?

– Большой дом – особняк Марчингтон. Гувернантки, престижная школа, яхт-клуб. И все это не стоит ничего, если за закрытыми дверями отец-алкоголик избивает мать, а она безропотно терпит.

– Не знала. – Нелл опирается коленями о край стола. – Наверное, он очень любил тебя, Лиззи, если смог тебе открыться. Мне так жаль, – неловко добавляет она, – ну, ты понимаешь. Для тебя это ужасная утрата!

– Спасибо за сочувствие.

Я вздыхаю, провожу пальцами по лицу. Она в замешательстве, поэтому ведет себя так странно. Я и забыла, какую неловкость испытывают некоторые при виде чужой утраты.

Снова вздыхаю. Внутри такая пустота, что хочется плакать.

– Вы с Питом тоже были ему дороги, – с трудом говорю я.

– Неужели? – Она замечает выпавший из букета розовый тюльпан, вынимает его, склоняет голову набок и раздумывает, куда бы его воткнуть.

– Кроме вас он не общался ни с кем из эдинбургских друзей. Я-то в университете не училась, просто окончила курсы библиотекарей. Я понимаю, насколько важны университетские друзья и…

– Вообще-то мы познакомились не в университете, – говорит Нелл, ставя розовый тюльпан рядом с оранжевым.

– Вот как? – Я подаюсь вперед. – Разве вы не изучали вместе изобразительное искусство? Я думала, что Зак с Питом были единственными взрослыми студентами на курсе.

– Пит – да. Мы с ним действительно учились вместе. Но не с Заком.

– Что же изучал Зак? – Кровь приливает к щекам. – Разве не изобразительное искусство? Какая у него была специальность?

Нелл смеется:

– Никакая! Он не учился ни в художественном колледже, ни в университете. Он вообще нигде не учился! – Она снова смеется, на этот раз презрительно.

Я отпиваю кофе.

– Ничего не понимаю! Он сказал, что вы познакомились в Эдинбурге.

– Да, в Эдинбурге, но не в Эдинбургском университете. Чувствуешь

разницу? Зак был продавцом в магазинчике для художников на Принсес-стрит. Назывался «У да Винчи». Перед выпускными экзаменами мы постоянно туда заглядывали, покупали угольные карандаши, бумагу, потом зависали в пабе. Словом, отвлекались от учебы как могли.

Шея горит, ногам становится холодно. Еще одна ложь. Вспоминаю автобиографическую заметку для брайтонской выставки «Свет на воде», которая так и не состоялась. В качестве места учебы Зак указал Эдинбургский колледж изящных искусств.

– Так где же он учился?

Она пристально смотрит на меня:

– Зак был неплохим художником, этого у него не отнять. Талантливый самоучка с художественным чутьем, но не более. Он не всегда рисовал то, чего хотели клиенты...

Свой голос кажется мне неестественно высоким и напряженным:

– Разве все вы не переехали в Брайтон после окончания учебы?

– Мы с Питом – да. Предварительно подыскали себе работу. Пит проходил стажировку в компании «Кумжа Медиа», там и устроился. Я приехала с ним и тоже не осталась без дела. А Зак нас здорово удивил. В Эдинбурге мы с ним болтали о том о сем, и в магазине он был очень услужлив. Судя по всему, некоторое время у него был роман с моей соседкой Марго. Он явно положил на нее глаз. Потом вдруг нагрянул к нам ни с того ни с сего. В Брайтон. Приехал автостопом в сентябре. Разыскал наш адрес... – Она умолкает, хмурится, морщит нос. – Не знаю, как ему это удалось. Когда мы пришли с работы, он ждал нас на пороге. Зак любил море, верно?

Нелл откидывается на стуле назад, чтобы проверить, как спит младенец.

– Да, – stoически отвечаю я и смотрю на свои руки, лежащие на столе. – Зак любил море.

– И тогда, – сообщает Нелл, вернувшись в прежнее положение, – он стал жить с нами. Мы с Питом снимали квартиру в Хоуве, вот только цена кусалась, и мы подыскивали третьего жильца. Так что Зак появился вовремя. Жили мы весело, он был тот еще кадр!

Нелл накрывает мою руку своей.

– Я была к нему очень привязана.

– Была?

Она пытается на что-то намекнуть. «Обаятельный», «тот еще кадр» – такие эпитеты учителя часто используют на родительских собраниях...

Она делает вид, что в этой фразе ее смущило лишь прошедшее время.

– Прости! – восклицает Нелл. – На самом деле я его почти не знала. И все же я рада, что он был счастлив. Ему с тобой повезло!

Она улыбается. Пидж выбирается из-за стола и просится в сад. Нелл отпирает заднюю дверь и велит не запачкаться, потому что скоро к нему придет друг. Он карабкается по ступенькам и усаживается на небольшом газоне. В руке совочек, ребенок роет землю в поисках червей. Благополучная, нормальная жизнь.

Делаю глубокий вдох:

– По телефону я сказала, что у меня есть пара вопросов. Тебе они могут показаться странными. После аварии Зака всплыли кое-какие нестыковки...

– Правда?

– К примеру, в Брайтоне он не жил с вами все время. Он снимал жилье или?..

– У нас он оставался месяца четыре. Потом съехался со своей девушкой. У нее была квартира рядом с торговым центром «Черчилль-сквер».

В груди щемит. Он сказал, что я первая женщина, с которой он живет вместе, что ближе меня у него никого не было. Солгал. Представляю, как он лежит в ее постели. В ее объятиях. Зарывается лицом ей в шею. Закусываю губу.

– Не знала.

Нелл ободряюще улыбается:

– Там он тоже надолго не задержался. Не больше года. Встретил тебя и...

От внезапной догадки у меня кружится голова.

– Ее, случайно, не Ханна звали?

– Шарлотта Рид.

Нелл отворачивается, чтобы проверить Пиджа, и я замечаю на ее лице то ли смущение, то ли чувство вины. Трудно сказать наверняка. Невербальные сигналы ее тела недвусмысленно говорят, что тема закрыта.

– Расскажи о ней.

– Она была милая. И молодая – гораздо моложе Зака. Занимала престижную должность в Сити. Из тех элегантно одетых девушек, что бегут на работу в кроссовках, а в сумке носят сменные туфли на шпильке. Мы с Питом виделись с ними довольно часто... – Она умолкает и прикусывает губу, чтобы не сказать лишнего. – Шарлотта пылинки с него сдувала. Мне она нравилась. Прелестная девушка. Ему с ней крупно повезло.

Нелл сметает со стола невидимые крошки.

Я делаю глоток кофе, чувствуя горечь, зажимаю чашку обеими руками.

– Что же случилось?

Нелл вздыхает:

– Она хотела за него замуж, он жениться не хотел. История старая как мир.

Она снова выглядывает в окно. Наверняка удивляется тому, как Зака угораздило выбрать меня, хотя у него была умница-красавица Шарлотта Рид. Чувствую себя виноватой, и в то же время мне радостно и горько. Я сбита с толку – ни одна из нас не говорит того, что хотела бы. Зака здесь нет, зря я приехала. Посреди счастливых будней этого дома я лишняя, словно заноза на гладкой поверхности.

В комнате неестественно тихо. Руки Пиджа двигаются, сюда не доносится ни звука. И вдруг у нас над головой раздается скрип, точнее, два разных скрипа.

На стеклянную дверь обрушивается водопад грязи. Пидж слишком сильно налег на совочек, и земля полетела во все стороны.

Нелл вскакивает, отбрасывая стул.

– Осторожнее там! – кричит она сквозь стекло.

– И что это было? – спрашиваю я.

– Маленький проказник, – восклицает она, то ли не поняв вопроса, то ли уходя от ответа.

Нелл убирает чашки со стола, я помогаю. Споласкиваю их под краном и прислушиваюсь, стараюсь уловить шум, поглядываю на потолок. Я слышала шаги. Там кто-то есть! Нелл спрашивает меня про мать, я коротко отвечаю, что после подтверждения диагноза ее физическое состояние стало быстро ухудшаться.

– А как твоя собака? – оживленно восклицает она, совсем как в нашу первую встречу. – У тебя вроде была собака?

Я ощущаю беспокойство. Приехав сюда, я ни разу не вспомнила о Говарде. Онни и ключи, висящие у нее на пальце. Пора возвращаться!

– Да. Пес стал для меня большим утешением. Глупо звучит, правда? Зак тоже его любил.

– Ничуть не глупо! – сочувственно восклицает Нелл.

Я встаю, она провожает меня до двери, обнимает и просит не пропадать.

– Непременно позвоню! – бодро обещаю я.

Дверь закрывается, я немного отхожу и останавливаюсь. Прислонившись к стене, смотрю на полоску моря над крышами домов. И

это все? И теперь мне остается лишь покорно вернуться в Лондон? Нелл пыталась поскорее меня выставить, точно знаю. Тому может быть куча причин, однако шаги я действительно слышала.

Судя по возне с замком, к двери подходит Пидж.

– А, – разочарованно протягивает он. – Я думал, пришел мой друг.

Я смотрю мимо него. В дверном проеме застыла удивленная Нелл, за ней у стола сидит мужчина.

Сердце замирает.

– Забыла что-нибудь?

Нелл идет ко мне, загораживая обзор, и вытирает руки о передник. Мужчина за ее спиной встает. Хочет спрятаться? Нет, подходит к кухонной двери. Я бессильно прислоняюсь к стене. Свет падает сзади, лица не видно. Я задерживаю дыхание, пока он не заговаривает.

Слова падают как пепел.

– Привет. Жаль, что разминулись. Я работал наверху, мне сегодня нездоровится и...

Нелл выглядит одновременно смущенной и сердитой.

– Помнишь Пита?

– Да, – отвечаю я. Ноги подкашиваются. Какая же я дура! – Рада встрече.

Нелл оправдывается. Рассказывает, что Питу нездоровится, он порывался сунуть голову в дверь и сказать «привет», но у него микробы, и он задремал. «Нездоровится», «сунуть», «задремать». Выбор таких слов – отличный способ сгладить неловкость.

– Работаю не покладая рук, – пожаловался Пит, поспешно отступая к лестнице. Он гораздо ниже Зака, волосы светло-каштановые, лицо круглое и пухлое. Ни впалых щек, ни складок вокруг рта. – Лиззи, я ужасно сочувствую твоей утрате!

Ему не терпится уйти. Представляю, о чем они говорили перед моим возвращением!

– Неужели мне обязательно с ней разговаривать? Лучше пересижу наверху.

– Ладно. С тебя причитается!

О боже! Я совсем их не виню. Мне тоже не хотелось бы вести беседы с вдовой старого друга. Нет, даже не друга, ведь она его «почти не знала». На меня обрушивается горькая правда. Зак не был их лучшим другом. Они когда-то общались, и, похоже, он им не особо нравился. Его здесь нет. И не было.

Пит исчезает на лестнице, шагая через две ступеньки.

– Ничего страшного, – негромко говорю ему вслед. – Бывает.

Поворачиваюсь к Нелл.

– Хорошо, что ты вернулась, – говорит она. – Я так переживала! Ты ведь не знала про Шарлотту, а тут я влезла со своими откровениями.

– Немного неожиданно, только и всего.

– Прости! – Она берет себя в руки, смотрит за плечо. – Ты ничего не забыла?

– Хм. Да. Нет. Но... – Я тут же теряюсь, потом вспоминаю. Шарлотта. Вот с кем надо поговорить! Возможно, она что-то знает или хотя бы посочувствует. – Вообще-то да. Ты не могла бы дать мне телефон Шарлотты? Если есть, конечно. Знаю, странная просьба, только для меня это очень важно.

Нелл меняется в лице.

– Извини, но нет, – говорит она. – Нет.

Я тут же отступаю.

– Разумеется! Это так бестактно с моей стороны! Не знаю, чем я думала. Вряд ли она захочет говорить со мной.

Нелл смотрит на меня в упор:

– Дело не в этом.

Мне становится холодно. От ее слов пробирает дрожь.

– Наверное, у тебя нет ее номера. Давно это было! К чему он тебе?

Нелл качает головой:

– Ты не понимаешь. Я не могу. – Она понижает голос, с опаской оглядываясь через плечо. Ее слова падают тихо и мягко, как снежинки, как крошечные кусочки льда. – Я не могу дать тебе номер Шарлотты, потому что она мертва.

Зак

Июль 2010

Скромная свадьба. К счастью, на большее Лиззи не претендовала. Вандсуортская мэрия, утро среды. Она и я, несколько ее близких друзей и родственников. Прости, Алфи, ты не будешь мальчиком, сопровождающим невесту (единственный неловкий момент). Увы, никто из моих однокашников приехать не смог (потому что никто их и не приглашал). Лиззи отнеслась с пониманием. «Все равно кроме тебя мне не нужен никто!» – сказал я, и она улыбнулась так, что у меня внутри все сжалось.

После церемонии мы отvedали шампанского и сэндвичей в ближайшем

пабе, сплавили гостей и отправились в кровать. Голая Лиззи в моих объятиях – наконец-то! Восхитительное вступление в брачные отношения, все-таки есть нечто особенное в положении законного мужа. Приятный сюрприз! Я сказал ей, что сегодня самый счастливый день в моей жизни. И это была не совсем ложь. Теперь я понимаю, что это совсем не ложь.

Старуха сейчас в «Буках», вместе со своими уродскими финтифлюшками. Я потихоньку занялся домом. Выкинул жуткий ковер, ободрал обои. Стены покрасил в клевый серо-голубой цвет – как у Пита с Нелл в Эдинбурге. Впереди ванная и кухня. Лиззи твердит, что надо дождаться получки, и все же я раскрутил ее на новый матрас – якобы старый был недостаточно жестким. На самом деле он так и кишел микробами, но этого я не стал ей говорить.

Да и работаетсь теперь лучше. В Уимблдоне я снял крохотную студию неподалеку от стадиона, где проводятся собачьи бега. Перестроенный склад, цокольный этаж, моя комната не больше коробки для обуви, естественного освещения нет. Аренда обходится дешево, вдобавок владелец сделал мне скидку – с условием, что я помогу смотрителю с кое-какими ремонтными работами. Нужно поменять стекла почти во всех окнах, хотя это не к спеху.

Мне нравится полумрак. Вкрутил еще одну лампочку: когда пишу, направляю на картину оба источника света. Работаю над серией под названием «Сломленные дни». Звучит паршиво? Написал и теперь сам вижу, что паршиво.

На студии полно сплетников, сующих нос не в свое дело: в конце коридора вязальщица – девица-панк из Словакии, парень моих лет, который фотошопит уродских лошадей, несущихся по волнам, пара трафаретных печатников, скульпторша. Во время обеда они слетаются в кухоньку и давятся лапшой быстрого приготовления. Хотели и меня затащить, поэтому постоянно приходится держать дверь на запоре. Включаю в плеере белый шум. По большей части никто и не знает, что я у себя.

Готовить Лиззи не умеет. Учу, как надо это делать по моему. Шаг за шагом веду ее к правильному питанию. При виде ее холодильника меня буквально выворачивает наизнанку – овощи в ящиках все вперемешку, морковь грязная, куча просроченных продуктов. Банка маринованных огурцов стоит чуть ли не со времен коронации! И за собой Лиззи особо не следит, она та еще неряха. Учу ее не покладая рук.

Однако все это не так уж и важно. В ее объятиях я закрываю глаза и чувствую себя почти счастливым. Счастье так близко, что я вот-вот до него дотянусь. Много лет мне не было так спокойно. Напряжение практически

спало. Резко снизил дозу, время от времени принимаю по половине таблетки, чтобы унять дрожь в коленях.

Никогда не думал, что рядом со мной будет такая женщина, как Лиззи. Вот значит, каково быть нормальным. Если так, то я не возражаю. Главное, что она не нагоняет на меня скуку.

С ней я чувствую себя в безопасности, она меня ценит и видит во мне только хорошее. Она никогда меня не предаст! На днях я сказал: «Только ты и я». Это слова из песни Джо Джексона. Она взяла меня за подбородок, посмотрела в глаза и закончила цитату: «Только ты и я против целого мира».

В городе лето. Высоко в синем небе пронзительно кричат стрижи. Над распустившимися розами кружат пчелы. Жаловаться не на что. Сижу в шезлонге посреди лужайки, рядом стакан превосходного «Гленгойла». (Надеюсь, чертова собака его не перевернет.) Лиззи копается в саду. Мне это даже нравится. Напоминает о матери, та тоже вечно возилась в земле. Лиззи высаживает цветы, купленные вчера в местном питомнике. Я думал, это будет скучно, однако меня неожиданно тронуло ее усердие и то, как она тщательно отбирала рассаду. В горшки решила посадить ярко-розовую герань, вдоль дорожек – цветущие белым декоративные растения. Вернувшись домой, мы занялись сексом. «Никак мною не насытишься?» – спросил я. Лиззи даже не обиделась. «Никак!» – воскликнула она и навалилась на меня сверху своим мягким голым телом.

Она пополнела, грудь и бедра налились, вокруг талии появился небольшой валик. Замужество пошло ей на пользу. Складка у губ уменьшилась – ведь ей уже не приходится ухаживать за матерью каждый день. Научил ее давать отпор сестре и не бросаться сломя голову на помощь, когда новорожденного нужно купать или когда Пегги хочется прилечь. Лиззи идет новая стрижка, если можно так выразиться. Обкорнад ее покороче, чтобы не жевала концы прядей. «Ты мог бы на этом зарабатывать, – заявила она. – Если захочешь найти прилич... ну, то есть другую работу». (Я решил не заострять на этом внимания.) Красится она ужасно, даже после тех денег, что мы выложили за косметику от Бобби Брауна. Сегодня она постаралась и накрасила губы красной помадой, которую выбрал я. Так и хочется их облизать!

Кричу, чтобы надела перчатки, весь маникюр испортит! Села на корточки и объявила: «Я же говорю, что мой маникюр – пустая трата времени! Я, конечно, ценю твою заботу. Ты добрый, очень добрый!» Подошла ко мне и хотела поцеловать, а я отстранился и сказал, что не люблю грязных рук. Она снова рассмеялась и заявила, что мне придется

подождать, пока она не закончит, потому что сейчас их мыть бесполезно.

Господи, да ее ничем не обидишь! Я знаю, что в людях она видит только хорошее, однако никак не ожидал, что она увидит его и во мне. Лиззи влияет на меня благотворно. Вот я это и признал! Оказывается, мне нужно было лишь встретить правильного человека, и все само по себе наладилось.

Я так разнежился, что того и гляди усну.

Лондон влияет на меня благотворно.

Лиззи влияет на меня благотворно.

Я был бы как в раю, если бы только Шарлотта перестала называнивать.

Пожалуй, не надо было спать с ней в ту ночь, после которой я съехал, хотя какого черта – тот раз был на дорожку!

Глава 10

Лиззи

Сидя в электричке, я смотрю в окно. Мимо проносится Хэссокс и Берджесс-Хилл, аэропорт Гэтвик, Ист-Крайдон. Мысли мелькают. Никак не могу согреться. Все время думаю о родителях той бедной девушки. Их горе иное, чем у меня. Я даже представить не могу какое.

Трагическая случайность, как выразилась Нелл, когда я спросила о подробностях.

– Никто не виноват, просто не повезло.

В тот день, когда мы вместе обедали, она рассказала об этом Заку.

– Почему же он ничего мне не сказал? – недоумеваю я. – Не понимаю.

Нелл пожала плечами:

– Вряд ли это сильно его тронуло.

Я знаю, что она не права. Еще как тронуло! Думаю, он очень переживал.

Жаль, что все подробности мне неизвестны. Однако хватает и половины. Почему я так раз волновалась? Я чувствую свою ответственность и причастность. Как хрупка жизнь!

На станции Клэпхем по ошибке сворачиваю в подземный переход. Если идти через мост, то выходит короче. Мысли путаются. Такое чувство, будто я что-то потеряла. Останавливаюсь посередине темного тоннеля, мимо спешат люди. Проверяю, на месте ли кошелек и телефон. Что еще? Ключи. Впадаю в панику, потом вспоминаю: Онни. Собака.

Скорее домой!

Выйдя со станции через нижний проход, между супермаркетом и цветочным лотком, я понимаю, что за мной следят. Спешу по Сент-Джонс-Хилл, мимо шашлычной и магазина ковров «Адмирал», на Южной Кольцевой сворачиваю влево, иду в обход многоэтажек у Спенсер-парк и чувствую покалывание в спине – будто разряды тока. Каждые несколько шагов оглядываюсь через плечо. На втором повороте замечаю рыжеволосого мужчину в черном блестящем пуховике. Он стоит возле мебельного магазина и изучает витрину. Это не Зак. Кого он отправил за мной следить? Неужели я узнала слишком много? Я пошатываюсь от голода. Наверное, просто показалось.

Добегаю до перекрестка на Тринити-роуд, перехожу на другую сторону и несусь к своему переулку. В крови бушует адреналин, я нажимаю на кнопку звонка. Как странно трезвонить в собственную дверь! Жду. Тишина. Заглядываю в окно – в гостиной никого нет. Снова звоню, потом стучу. Никто не открывает. Цветочный горшок! Я велела оставить ключ под ним, если будет выходить. Приподнимаю горшок. Оттуда свисают корни. Копошатся мокрицы. Ключа нет.

Встаю, заглядываю в щель почтового ящика. Через нее видно кухню. Задняя дверь на защелке. Пес не подходит, чтобы лизнуть меня в нос. Никто не встречает, никто не лает. Вдалеке шумит транспорт, раздаются гудки и вой полицейской сирены.

Тщетно пытаюсь сохранять спокойствие. Что же я наделала? Как можно было отдать ключи от дома девчонке, которую я едва знаю? Почему я решила, что она заслуживает доверия? Вероятно, она ушла насовсем, исчезла, забрав ключи и собаку. Ключ от машины на той же связке. Оглядываю улицу. «Микра» на месте. Хорошо хоть ее не взяла!

Дохожу до конца улицы, останавливаюсь на углу. Никто за мной не идет. Если мужчина в блестящем пуховике и следит за мной, то сейчас он выжидает и присматривается. Стою и слушаю. Сегодня в тюрьме тихо. С парковки для надзирателей задним ходом выезжает машина с пожилым водителем. У ворот охранник в форме разговаривает по мобильному, из кармана брюк свисает цепочка для ключей. Тучи сгущаются и темнеют, на землю падают крупные капли дождя.

Я поворачиваю налево, к улице, перпендикулярной моей. Хотя до дома еще полквартала, я все равно прислушиваюсь в надежде услышать лай Говарда, снувшегося в кустах. Ничего.

Иду дальше, пересекаю Магдален-роуд, потом по Лайфорд-роуд, мимо скаутского клуба, где мы с Пегги занимались в группе брауни^[6], мимо особняков поп-звезд и телеведущих. Перейдя на следующую улицу, замечаю машину, медленно двигающуюся вдоль обочины. Оглядываюсь через плечо. Красный «Форд». Он тормозит, я иду как ни в чем не бывало, и вдруг он резко газует. Внутри двое. Ускоряю шаг, потом пускаюсь бежать.

Тротуар пуст. В поле зрения никого. Мчусь сломя голову, мгновенно выдыхаюсь. Подбегаю к небольшому участку парка, выходящему к магистрали, ныряю за ближайшее дерево. Чуть дальше тупик. Красный «Форд» приближается. Доехав до конца тупика, останавливается. За рулем мужчина, на пассажирском сиденье пожилая женщина. Водитель оглядывается по сторонам, меня не замечает. Выезжает на середину дороги, двигатель глохнет. Потом снова заводится, машина рывком двигается с

места, исполняет разворот в три приема и скрывается из виду.

Парень учится водить, рядом сидит его мать. Прислоняюсь к дереву и вздыхаю с облегчением.

Сворачиваю на узкую тропинку, ведущую к магистрали. Небольшой островок зелени, брошенный на произвол судьбы – гнездышко из разросшихся деревьев и кустов ежевики, мусорные урны и укромные норы, в которых можно укрыться, сверху пышные кроны. Здесь тихо, только птички щебечут в ветвях. И больше никого.

Возвращаясь домой, твердо знаю, что застану там Онни. Дубль два. Позвоню, и она откроет. Придется ухватиться за дверной косяк, не то Говард събьет меня с ног. Должно быть, Онни выскочила за молоком. Чайник горячий. Она ест тосты. (Подростки их обожают.) Позволяю себе немного помечтать: на плите стоит обед, в кухне тепло и уютно, как было год или два назад, когда со мной жил Зак.

Все по-прежнему. Цветочный горшок валяется на боку. Бедняга! Обычно в нем растут анютины глазки или розовые цикламены. Сейчас там пусто, лишь голая земля. Крышка почтового ящика с ржавыми петлями открыта на дюйм – я пыталась заглянуть внутрь и не опустила ее. Стучу в дверь, никто не выходит.

Звоню в справочную Управления экономического развития. Меня соединяют с автоответчиком Виктории Мерфи, я называюсь и прошу ее перезвонить.

Сажусь на бордюр напротив дома, укрывшись от дождя под плющом, обнимаю колени, кладу на них подбородок и жду.

Потом я понимаю, что прошло менее часа – минут пятьдесят. По улице с непроницаемым лицом шагает Онни, за нею на поводке бредет Говард. Кожаная куртка застегнута, волосы аккуратно заплетены и заткнуты за воротник. Она словно не замечает дождя. Мне хочется накричать на нее и даже ударить.

Я сдерживаюсь.

– Ну, здравствуй, – говорю я. – И где вы двое пропадали?

Говард вырывается и несется ко мне, подпрыгивает и облизывает мое лицо.

Онни замирает посреди улицы. На щеках алеют пятна. Тушь потекла, на скуле фиолетовая полоса.

– Я вышла вас встречать, – говорит она. – Топала пешком до самой станции. Вы сказали, что вернетесь в два. Вас там не было! Похоже, вы опять прошли мимо меня.

Я осматриваю Говарда, провожу руками по мокрой шерсти. На спине пятно – видно, катался по земле. Пахнет тиной и чужими духами.

– Прости, – говорю я. – Решила вернуться другой дорогой.

– Неужели вы не подумали, что я могу выйти вас встречать?

– Нет, и в голову не пришло.

Иногда проблемные подростки в школе пытаются мне хамить, ведь я не учитель. Снова думаю о том, что Онни не способна контролировать свой тон: то ли она слишком избалована, то ли ее не долюбили, а может, и то и другое. Наверное, она копирует чужие интонации. Стараюсь быть терпимее. Сегодня мне трудно проявлять чуткость.

С трудом отстраняюсь от Говарда.

– Мои ключи у тебя?

– Ага.

Она протягивает связку, я отпираю дверь. Говард несется к своей миске и шумно лакает воду. Онни нерешительно топчется на пороге. Не глядя на нее, швыряю плащ на перила, иду на кухню к Говарду и решаю попросить ее уйти. Прячу голову в чистое кухонное полотенце, нарочно долго вытираю волосы, чтобы собраться с мыслями. Мне жаль девчушку. У нее явно большие проблемы, но в своем теперешнем состоянии я не смогу ей помочь. У меня нет ни сил, ни возможностей. Нужно как следует обдумать то, что я сегодня узнала.

– Ну? Вы довольны? – спрашивает она. – Вам как, нравится?

– Что именно?

Недоуменно выглядываю из-под полотенца. Она обводит кухню руками. Утренний беспорядок – лужицы пролитого молока, груда грязных мисок из-под хлопьев, детские рисунки, свернутый подгузник – исчезли. Все поверхности вычищены, сливная полка раковины пуста. Ведро и швабра стоят у стены. В воздухе остро пахнет антисептиком и лимоном. Кухонный стол, прежде заваленный бумагами, пуст.

– Как это мило с твоей стороны! – восклицаю я, испытывая смешанные чувства. – Ты убралась!

Она стоит с моим плащом в руках, стряхивает капли воды и оглядывается в поисках подходящего места, чтобы повесить его сушиться.

– Здесь было очень грязно.

– Как мило... Я поражена.

Она смотрит мне в глаза и задирает подбородок, словно пытаясь сократить расстояние между нами.

– Зак ненавидит беспорядок, – заявляет она. Свет падает так, что размазанная тушь на щеке кажется синяком. – Он говорит, что вы неряха.

Он попросил меня все убрать. Я сделала это ради него!

Стою на лестничной площадке, прислонившись спиной к стене. В рот будто мела насыпали, голова гудит. Онни хлопочет на кухне, стучит дверцами шкафчиков. Не знаю, что она там ищет. Я считала, что ее прислали меня отвлечь, только теперь уже не уверена. Неужели она и есть тот след, который я искала?

Правду она мне не скажет. Я пыталась расспросить ее, но девочка замкнулась.

– Когда он так сказал? – спросила я. – Что ты имеешь в виду? О чем ты вообще говоришь? Зачем ты здесь?

Она отшатнулась, села на стул и съежилась. Потом извинилась:

– Зря я это сказала. Осталась одна и напридумывала себе невесть чего. Не обращайте внимания, я всегда несу чушь! Не сердитесь.

Мне хотелось вытрясти из нее правду. Однако я напомнила себе, что она лишь подросток, причем довольно инфантильный.

– Я не сержусь, – заверила я. – Просто расскажи, как было. Когда он велел тебе прибраться в кухне?

– Давным-давно.

– И что ты сегодня себе напридумывала?

– Ничего.

– Ты только что сама об этом говорила. Ты видела его?

– Кого?

Я пристально на нее посмотрела.

– Ты ведь говорила... Ты придумала...

– Я уже давным-давно совсем одна, – пробормотала она.

Онни вжалась голову в плечи и начала пощипывать кожу вокруг пальцев.

Я сказала, что мне нужно отлучиться, и поднялась сюда, чтобы взять себя в руки.

Возможно, она не имела в виду ничего конкретного. Возможно, она таким странным образом хотела показать, как близко знала Зака, и тем самым оправдать свое неожиданное появление. Но чтобы называть меня неряхой?! Так обозвал меня Зак на корпоративе. Она говорила в настоящем времени. Вспоминаю охотничьи сапоги у вешалки в Сэнд-Мартине. И как Онни слонялась возле домика в Галлзе. Она за мной следила. Она явно что-то знает.

Задняя дверь хлопает. Иду в ванную, выглядываю в окно. Онни стоит под дождем. Без куртки. Нашла теннисный мячик и бросает его Говарду. Тот носится по кустам, земля летит во все стороны.

Она поднимает взгляд, бледное лицо блестит. Видит меня. Я распахиваю окно.

– Ты же простудишься насмерть! – кричу я.

Она ничего не отвечает, ее бьет дрожь. Господи, я довела ее до слез!

– Сейчас налью ванну.

Закрываю окно, наливаю ванну. Когда она наполняется, на пороге раздаются шаги. Я пробую воду и судорожно подбираю слова.

– Вот так! – говорю я. – Вроде достаточно горячая.

Онни снова молчит и раздевается. Грязная и мокрая насквозь туфелька ударяется о ванну. Девочка тяжело дышит.

– Полотенца возле двери, – сообщаю я и встаю. – Если что – я внизу.

Закрыв дверь, прислоняюсь к ней спиной. Она всего лишь ребенок, повторяю я себе. Об этом нельзя забывать!

В кухне звонит мой мобильник. Едва успеваю взять трубку.

– Это Виктория Мерфи, – звучит голос.

Я начинаю здороваться, она перебивает:

– Вы звонили? Понятия не имею, чем я могу вам помочь. – Голос напряженный, будто она говорит сквозь зубы. Вряд ли она меня помнит.

Я напоминаю, что я жена друга ее юности, Зака Хопкинса, та самая, которая задержала их с ланчем на прошлой неделе. Потом пускаюсь в объяснения. Ко мне приехала Онни. Теперь с ней все в порядке, хотя на некоторое время девочка исчезла, поэтому я запаниковала и мне очень жаль, что я напрасно ее потревожила...

Виктория молча слушает мою сбивчивую речь, просит повторить. Да, Зак дал Онни наш адрес, и она приехала ко мне в Лондон. Да, она ушла примерно на час, потом вернулась.

– Выражайтесь яснее: она у вас или нет?

Виктория напоминает мне нашу учительницу физики Джойс Поплин – на игровой площадке воплощение строгости, зато на уроке сама доброта. Слишком четкий ход мыслей, чтобы отвлекаться на любезности.

– Онни у меня.

– Значит, сейчас она у вас в доме? – отрывисто бросает Виктория.

Я поясняю, что она вымокла и сидит в горячей ванне. Собираюсь предложить ей приехать и забрать дочь, она снова меня перебивает. Громко и нараспев Виктория начинает ругать Онни: какая она бесцеремонная, какая она неисправимая, и деньгами-то их попрекает, и никогда не слушается, а они с мужем столько для нее сделали, в какие только чертовы школы не устраивали, и лекарства-то она наверняка взять забыла, и с врачами ведет себя отвратительно...

– Она славная девочка! – Неожиданно для себя я пытаюсь защитить ее от имени всех восемнадцатилетних девушек, которые провалили экзамены и обманули надежды амбициозных матерей.

– Мне нужно с ней поговорить! – твердо заявляет Виктория. – Передайте ей трубку.

Дверь ванной закрыта, я тихо стучу, прижав телефон к плечу, чтобы ничего не было слышно.

– Онни, – шепотом зову я.

– Входите.

Окно распахнуто. Сквозняк. На подоконнике блестят капли дождя, на полу лужи. Дерево склоняется прямо в комнату.

Я думала, что Онни уже вылезла и завернулась в полотенце или даже оделась. Однако одежда лежит на полу кучкой. Зак складывал свои вещи точно так же. Она все еще в ванне, худенькое тело кажется совсем белым. Наверное, никак не может согреться – руки прижаты к телу, кисти спрятаны под покрытыми пятнышками ногами.

– Твоя мама, – говорю я и протягиваю телефон.

Вода выплескивается из ванны. Онни качает головой:

– Да ну ее!

– Так нельзя! – говорю я одними губами.

Она пристально смотрит на меня, злобно морщит нос и тянется к трубке. На пол летят тучи брызг. Я быстро отворачиваюсь, успев заметить на запястьях багровые шрамы.

Зак

Сентябрь 2010

Начался новый учебный год, и я хочу, чтобы она бросила работу. Летом все было идеально. Мы прекрасно проводили время. Вкусная еда. Сад. Секс. Это и есть секрет счастья. Почему никто не напишет об этом в самоучителе «Как стать счастливым»?

Лиззи утверждает, что любит свою работу, потому что та дает ей общение с разными людьми – школьниками, родителями, учителями. Вряд ли это нормально. Ей должно вполне хватать меня. Пытаюсь это объяснить. Она без умолку болтает про новых учеников: какие, видите ли, они милые в форме, которая им велика, как они гордятся своими дневниками и пеналами. Разве они понимают ее так, как я? Ничуть. Скоро будут отсиживаться в библиотеке со своими телефонами да обжираться

конфетами. Знают, что она их не выдаст. Они ее просто используют, злоупотребляют ее добротой.

Вчера сказала, что волнуется за одного из стажеров, который учился по ускоренной программе. Он плакал, спрятавшись за стеллажами.

– Он? – воскликнул я.

– Да, он. Его зовут Энгус. Ему никогда не приходилось учить целый класс.

Я сказал: «Тебе не столько платят, чтобы ты еще и психиатром работала. Его зарплата наверняка выше твоей». Думал, обидится, а она лишь рассмеялась.

– Твоя правда, приятель! Хорошо, что я не делаю это за деньги!

– «Твоя правда, приятель»?! – повторил я. – Разве так говорят?

Весь вечер этот Энгус не шел у меня из головы, я прямо-таки изнемогал. Вспомнил Полли Мильтон, чья неверность закончилась плохо. Пришлось закусить губу, чтобы не предостеречь Лиззи. Как там французы называют оргазм? Маленькая смерть. В постели, когда она была готова кончить, я отстранился. Сидел на краю кровати и ждал, пока не почувствовал ее руку на плече. А после сразу же скрылся в ванной. Она ласково звала меня по имени, я ее проигнорировал. Передернул, пытаясь думать о других женщинах – вспомнил сексапильную вязальщицу со студии, – но постоянно видел лицо Лиззи, представлял, как она жмурится, когда целует меня, как влажные волосы падают на ее раскрасневшиеся щеки.

Вернувшись в постель, обнаружил, что она спит.

Даже не проснулась! Я же ворочался без сна, потому что так и не кончил. Посреди ночи позвонила Шарлотта, поставил мобильник на беззвучный. За завтраком Лиззи тихонько напевала, читая утреннюю газету, будто ничего не случилось. Внутри меня все клокотало: чертов Энгус распустил слюни как баба, и она кинулась его утешать, а на меня ноль внимания! Придумал вот что: сказал, что уезжаю в Галлз (этим летом я там почти не был), – она же вместо того, чтобы возмущаться или плакать, только и бросила: «Неплохая идея». Даже от чертовой газеты не оторвалась!

Щелкнул по ней пальцем, смял. Лиззи чуть опустила газету, посмотрела на меня. Я сказал, что она могла бы поехать со мной, если бы бросила работу, а она спросила:

– Как будем счета оплачивать?

– Мы могли бы продать дом.

– Дом мамин. Когда она умрет, он будет принадлежать и мне, и Пегги.

Я сдержался и сказал:

– Мы могли бы выращивать овощи-фрукты, придерживаться здорового образа жизни. Ребенка завести, наконец.

В тот момент я был настроен решительно.

– Могли бы, – кивнула Лиззи. Ее глаза загорелись, потом она поразмыслила и рассмеялась. – Ты вроде хотел новую машину. И мы даже начали на нее копить. Учи, на выручку с продажи овощей авто с откидным верхом не купишь!

– Я мог бы продать картину!

Она сложила газету и поднялась.

– Знаешь что? Пока мы не заработали наши миллионы, отправляйся-ка один. Надеюсь, поездка пойдет тебе на пользу.

Мы были женаты всего пару месяцев! Она должна увиваться за мной круглые сутки. Раньше она буквально ходила вокруг меня на цыпочках, исполняла любые капризы. Что произошло? Неужели дело в Энгусе?

Решил ее проверить.

– Возьми больничный на пару дней, – велел я. – Скажи, что простудилась.

Стоя на пороге, она лишь улыбнулась. Сообщила, что после работы задержится: сначала у нее собрание, оттуда поедет к матери.

Собака взвизгнула.

– Прости, Говард! – воскликнул я. – Я наступил тебе на лапу?

Ясное дело, она вернулась, чтобы проверить, в порядке ли он. Я притворился, что раскаиваюсь: упал на колени и как следует почесал ему пузо. Когда я поднялся, она обвила мою шею тонкими руками и воскликнула:

– Я тебя обожаю!

Я крепко обхватил ее за бедра.

– И я тебя!

– Не смогла бы жить без тебя!

Зарылся лицом ей в волосы, пнул собаку коленом. Я так крепко держал ее за бедра, что чувствовал тепло ее тела и даже пульс. Она едва вырвалась.

– И я бы не смог!

Дальше студии я не доехал. Белый шум. Дверь на запор. Тюбики краски выложены в нужном порядке, крышечки крепко завернуты. Бумажное полотенце, на котором они лежали, постоянно морщилось, я заменил его более сухим, и теперь все как надо. Ровно.

Розетка выдается из стены дальше, чем плинтус – примерно на дюйм.

Халтура! Стараюсь не смотреть и ничего не могу с собой поделать.

Вязальщица слышала, как я пришел. Встретилась со мной взглядом и удивилась. Обычно я не показываю своих эмоций.

Не надо было брать трубку. Я разозлился на Лиззи, вдобавок чертовски не выспался. Вот и потерял бдительность. Неужели теперь ничего нельзя поделать? Неужели всему конец? Все же наладилось... Проклятие, только что я был по-настоящему счастлив!

Нет. Никакой это не конец. Нужно лишь как следует все обдумать и найти способ, выбрать стратегию.

Шарлотта сделала УЗИ.

– У него маленькие ручки и ножки! – воскликнула она. – Зак, ты меня слышишь? Я пыталась до тебя дозвониться. Ты потрясен? Прости! Один шанс из миллиона! Я сначала и сама не верила. Зайдешь ко мне? Я взяла отпуск на неделю. Понимаю, ты хочешь побывать один, но если ты не намерен участвовать в жизни ребенка...

Участвовать в жизни ребенка?! Она что, издевается?

Едва мне удается вставить слово, как я спрашиваю, откуда взялась моя сперма, и она отвечает:

– Помнишь, как мы занимались любовью в последний раз?

Занимались любовью – ни хрена себе!

Я говорю, что надо избавиться от ребенка, она начинает плакать.

– Слишком поздно! Нам нужно поговорить. Когда приедешь?

Она думает, что я работаю в арт-группе в Кардиффе («такую возможность грех упустить»). Я хотел дождаться, когда она перестанет звонить, и написать ей. Тут бы и конец отношениям. Как говорится, кончен бал. На такой поворот я вовсе не рассчитывал...

– Вероятно, на выходных, – сказал я. – Отдохни как следует.

Я отлично импровизирую и приспосабливаюсь к обстоятельствам. Надо только голову включать.

Лиззи вернется поздно. После работы поедет к матери, потом «заглянет на минутку» к Пегги, чтобы искупать детей. Тогда хорошо, что словацкая вязальщица меня заметила. В час дня она отправится жевать свою чертову лапшу вместе с остальными, а я выскользну. Оконная рама в коридоре прогнила. Никто и не заметит, что я вообще выходил.

Все получилось гораздо проще, чем я предполагал. Стараюсь не грустить.

Даже не знаю, чем я думал раньше! Теперь-то все будет по-другому.

Вазэктомия без скальпеля проводится под местным наркозом. Врач нащупывает под кожей семявыводящий проток и закрепляет его скобкой. Потом делает небольшой прокол, растягивает ткани и перевязывает проток. Никаких скальпелей, никаких разрезов.

Сначала я прочел об этой процедуре на сайте Общественного здравоохранения. Никаких кровотечений и швов. В отличие от традиционной вазэктомии менее болезненно и реже приводит к осложнениям.

Не знаю, сделал ли доктор Харрис все как надо. Во время процедуры я не мог открыть глаза. Видимо, она не для таких слабонервных, как я.

Глава 11

Лиззи

Онни спускается по лестнице, громко топая. Удивительно, как такая стройная девочка умудряется так шуметь. Зак был довольно мускулист, однако двигался настолько бесшумно, что я не сразу могла определить, дома ли он. Появлялся неожиданно, когда я набирала смску, и если я испуганно подпрыгивала, считал это признаком совершенной провинности. Приходилось показывать ему набранное сообщение – «Смотри, отвечаю Пегги, она просит посидеть с детьми». Так у него проявлялась неуверенность в себе. Бесшумно ходить он научился еще в детстве. Тогда было больше шансов не попасть под горячую руку отца.

Шаги Онни звучат воинственно. Она явно пытается обратить на себя внимание.

– Вот и ты! – нарочито жизнерадостно восклицаю я, увидев ее на пороге кухни. – Голову помыла? Надо было позвать меня. Душ у меня с секретом, сама ни за что не догадаешься и волосы не промоешь.

– Я промыла.

– Неужели?

– Да. Вылезаешь из ванны, включаешь кран в раковине, чтобы насос качал через душ.

– Хм. – Я удивленно смотрю на нее. – Ловко.

Она пожимает плечами, отбрасывает мокрые волосы назад.

– И как ты додумалась? У вас дома та же система?

– Я не дура, ясно?

– Просто водопровод здесь с причудами. Я бы никогда не сообразила... Многим приходится объяснять.

Она чуть округляет глаза, и я с трудом заставляю себя прекратить расспросы. Поворачиваюсь к плите и говорю:

– Я тут кое-что приготовила. Аппетитные спагетти! Ну, то есть мне так кажется. – Болтаю без умолку, пытаясь скрыть волнение. – Моя мама так говорила. Спагетти у нее всегда были аппетитными, прогулка – чудной, ванна – хорошей и горячей. Вряд ли горячая ванна может быть ужасной, даже если ты спешишь.

– Как вам угодно, – говорит Онни. Запястья прикрыты рукавами. Она

смотрит в пол. – За мной едет мама. Я должна принимать антидепрессанты, а я забыла их дома.

Недавно я прочла статью о том, что нынешняя молодежь бунтует против существующего положения вещей (политика, родители) куда реже, однако их гнев обращается на самих себя. Отсюда и целый ряд психологических проблем: депрессия, членовредительство, самоубийство. Мне и думать не хочется про ее шрамы.

– Поешь – станет лучше.

– Я не голодная.

– Как хочешь.

Ставлю на стол тарелки. Спагетти под соусом карбонара – новое добавление к моему довольно скромному кулинарному репертуару. Зак ни за что не одобрил бы соседства ветчины и сливок в одном блюде.

Мы приступаем к еде. Немного погодя я говорю:

– Послушай, мне жаль, если я тебя расстроила. Ты отлично убралась на кухне. Прости за резкость, но твои слова про Зака завели меня... Ты сказала, что видела его, и я решила, что это было сегодня!..

Я смеюсь, признавая собственную глупость, при этом внимательно смотрю на нее.

Она поднимает голову.

– В смысле – его привидение?

– Может быть.

У меня щемит в груди. Она его не видела. Она даже не дрогнула. Не поняла, на что я намекаю.

Онни смотрит на меня и напряженно размышляет.

– Не следовало называть вас неряхой, – наконец говорит она. – Может, Зак использовал другое слово. Может, он сказал «неаккуратная».

Я улыбаюсь:

– Это куда лучше.

Она отводит взгляд, накручивает спагетти на вилку. И не улыбается мне в ответ.

– Забыли, – говорю я. – Прости, что веду себя как назойливая зануда, и все же не могла бы ты объяснить, как вышло, что Зак просил тебя убраться на кухне?

– Он не просил.

– Ты же сама так сказала!

Она смотрит исподлобья, глаза словно подернуты пеленой.

– Это было давным-давно.

– Здесь или в Галлзе?

Она смотрит на меня, потом быстро отводит взгляд.

– Наверно, в Галлзе.

– Ясно, – вздыхаю я.

Теперь все более или менее понятно. Он готовил ее к экзаменам, может быть, она приходила к нему, он был на меня зол (как-то раз я опоздала на электричку) и пожаловался ей на беспорядок в доме. Нашел что сказать ребенку шестнадцати лет! Зак владел собой далеко не всегда.

– Вы часто общались? – спрашиваю я. – В смысле, сколько занятий у вас было?

Она пожимает плечами:

– Три или четыре. Пятерку на экзамене я так и не получила.

– Насколько тебе пригодились эти занятия?

– Он сказал, что у меня есть художественное чутье и я должна ему доверять.

Я киваю:

– Он был скончен на похвалу, так что можешь считать это комплиментом.

– Так я и делаю. – Она отодвигает почти нетронутую еду в сторону.

Мы встречаемся взглядами, и я понимаю, что Онни явно сдерживает свои эмоции. Между нами есть некая связь, нас объединяет чувство утраты. Ей было важно мнение Зака. Она понимала, насколько он талантлив. Пожалуй, это и все. Однако сперва следует кое в чем убедиться:

– Он занимался с тобой в Сэнд-Мартине или в Галлзе?

– В Галлзе, – отвечает она, не задумываясь.

– Просто... когда я была у вас в гостях в прошлое воскресенье, я видела возле вешалки охотничьи сапоги Зака. Никак не могу понять, откуда они там взялись.

На ее щеках расцветает слабый румянец. Онни надувает губы, округляет глаза и всем видом выражает недоумение:

– С чего вы взяли, что это его сапоги?

– Один сапог заклеен. Я сама его чинила. Не знаешь, откуда они у вас?

– Нет.

– А когда я встретила тебя утром в Галлзе, ты просто вышла прогуляться?

– Ага.

– А сегодня ты пришла ко мне, потому что...

– Мне было негде остановиться.

– Ясно.

Отодвигаю тарелку, кладу локти на стол, подпираю подбородок. Сплошные загадки и глупые отговорки. Я была права. Она здесь, чтобы

меня отвлечь. Расспрашивать ее бесполезно.

— Столько вопросов, — непринужденно замечаю я, — и за такое короткое время.

Она смеется.

— Ты, случайно, не знаешь некую Ханну? Вроде она живет в Корнуолле, — как бы между прочим говорю я.

— Ханну?

— Еще одна загадка, которую я пытаюсь разгадать. На обочине дороги, где разбился Зак, кто-то оставил цветы. Лилии. И записку от некой Ханны.

Онни таращится на меня, потом быстро встает и наливает себе стакан воды из-под крана. Выпивает залпом, оборачивается и говорит таким вежливым тоном, будто специально репетировала:

— Будет ли вам удобно, если я приеду на следующей неделе, как мы и договаривались?

Выбрасываю остатки еды, не глядя на нее.

— Онни! Вряд ли это хорошая идея. Момент сейчас крайне для меня неподходящий. Извини, придется тебе отказать.

— Вы же говорили, что я могу остановиться у вас!

— Не припоминаю такого.

Она отступает, чтобы я могла подойти к раковине. Двигается она немного странно, будто нехотя. Плюхается на стул и заявляет:

— А если я знаю, кто такая Ханна?

— Ты с ней знакома?

— Может быть.

Я тоже присаживаюсь.

— Знаешь или нет?

— Да. Нет. Знаю. Просто мы давно не виделись.

— Она твоя подруга?

— Не совсем. Зря я вообще про нее сказала.

— Бога ради, Онни! Говори!

Я повышаю голос. Она встает.

— Сперва мне нужно кое-что выяснить.

— Хотя бы скажи, кто она такая!

В дверь звонят. Я смотрю на Онни, она отводит взгляд. В дверь снова звонят.

На крыльце стоит Виктория Мерфи в черной куртке и джинсах, на локте висит большая черная кожаная сумка.

— Понятия не имею, что на нее нашло! — заявляет она таким тоном, будто это я во всем виновата.

– Простите, – бормочу я, – мне не следовало... – Понятия не имею, чего мне не следовало делать! – Извините.

– Она здесь? – устало спрашивает Виктория.

Заглядывает через мое плечо в дом. Ее волосы собраны в конский хвост, она поправляет его обеими руками. Щека подергивается – нервный тик. Женщина напряжена, как теннисистка перед подачей. На ней кроссовки на высокой платформе – такое чувство, будто она стоит на цыпочках и вот-вот оторвется от земли.

По тротуару ветер гонит крышку от мусорного бака. На крыльце падают капли дождя.

– Может, зайдете?

– Спасибо, не стоит. Мне нужно забрать дочь.

Возвращаюсь на кухню, Онни уже надевает кожаную куртку.

– Спасибо за ужин, – говорит она.

– Ты же ничего не ела.

– Не очень люблю яйца.

– Зак тоже не любил. Вышло немного суховато, да? Извини.

Она застегивает молнию и поднимает взгляд:

– Вы все время извиняетесь.

– Да. Зак часто ругал меня за это.

– А меня за то, что я постоянно «нукала». Он говорил, что это бессмысленное слово, из-за него я выгляжу бесполковой.

Наши взгляды снова встречаются.

– Зак бывал резок, – киваю я.

– Он считал, что речь человека отражает его умственные способности.

– Это не всегда так.

– Ты идешь? – пронзительно кричит Виктория.

– Онни, мне важно знать, кто такая Ханна. Прошу, скажи!

– Я вам позвоню.

Быстро записываю свой номер на клочке газеты, Онни сует его в задний карман джинсов.

– Какого черта?! – неожиданно вопит Виктория.

Выходим из кухни. Дверь распахнута, в холл летят брызги дождя. Виктория стоит посреди дорожки.

На улице газует красная малолитражка с черными стрелками на капоте, водитель давит на клаксон. Виктория делает неприличный жест и цедит сквозь зубы: «Да пошел ты!» Водитель опускает стекло и орет, дождь и ветер заглушают крики. Виктория бросила свой полноприводный седан посреди дороги, заблокировав проезд.

Меня она словно не замечает.

– Онни, поживее! – кричит она и поворачивается на каблуках.

Для посещения мамы уже слишком поздно. Оставшись одна, я чувствую себя усталой и выбитой из колеи. С улицы доносится бессвязный вой, грохот и треск, будто неодушевленные предметы ожидают и приходят в движение. Кусты в саду сгибаются под порывами ветра.

Велю себе расслабиться, поскольку прямо сейчас уже ничего не поделаешь.

Поднимаюсь в кабинет прибрать постель, которую вчера расстелила для детей Пегги, и застываю на пороге. Все убрано, подушки уложены в ряд, белье лежит аккуратной стопкой.

Книжные полки тоже выглядят иначе. Захожу в комнату. В этом году я не особо себя утруждала. Просто совала книги куда попало, не придерживаясь требований Зака. Кто-то выровнял корешки переплетов. Присмотревшись, обнаруживаю, что книги снова расставлены в алфавитном порядке.

Падаю на стул. На столе тоже прибрано: ручки лежат параллельно друг другу, клочки бумаги сложены стопкой. Строго по центру – ноутбук Зака.

Это дело рук Онни, или я права, и он действительно был здесь? Она его видела? Что-то ее насторожило, я знаю точно.

Если он был здесь, то почему не забрал ноутбук? Даже вилку в розетку воткнул, может, чтобы напомнить мне? Что я должна на нем найти? Поднимаю крышку. Запрос пароля. Пишу: «Чего ты от меня хочешь?»

«Неверный пароль».

Захлопываю крышку, отталкиваю ноутбук.

Под столом стоит ящик с фотографиями. Зак не любил фотографироваться. Стеснялся позировать. Отец часто бил его за то, что он не улыбался. И все же несколько раз мне удалось его заснять: на обрыве в Корнуолле, ветер развевает волосы, он смеется и тянется к фотоаппарату; в парке, где он сидит на коленях, обняв собаку. Мой любимый снимок сделан в день свадьбы, на ступенях Вандсуортской ратуши. Зак в костюме, в котором был в день нашей первой встречи. Он склоняется, кладет голову мне на плечо. Я смеюсь, едва не опрокидываясь под его весом, он усмехается – улыбка широкая и настоящая, глаза искрятся неподдельным счастьем. Он сказал, что это был самый счастливый день в его жизни.

Опускаюсь на колени и роюсь в ящике. Словно если я найду этот снимок, то получу доказательство: он меня любил, мы были счастливы, он мучает меня не просто так.

Вываливаю содержимое на пол, тщательно перебираю фотографии, однако мой любимый снимок исчез.

Зак

Ноябрь 2010

Расслабляться нельзя! Такие, как я, на это просто не способны. Мы бродим вдоль пределов, которые ограничивают поведение других людей, но на волю вырваться не можем.

Я принимал ванну и услышал, как Лиззи разговаривает по телефону. В ее голосе чувствовались игривые нотки. Сперва я решил, что звонит Энгус. Мерзкий стажеришка! Потом выяснилось, что у меня другая проблема. Это был не ее, а мой мобильник. Оставил его на кухонном столе, и она ответила. В последнее время я позволял ей слишком многое.

Сказала, что звонил Пит. Он и Нелл сейчас на вокзале Виктория (приезжали в Лондон на вечеринку) и позвонили мне наобум. Лиззи пригласила их к нам. Дала наш адрес.

– К нам?!

– На ланч, – кивнула она. – Думала, ты обрадуешься. Очень жаль, что они не смогли прийти к нам на свадьбу. Я так хочу познакомиться! Обещала за ними заехать.

Она была в модельных джинсах и в обтягивающей белой тенниске в синюю полоску, которые я купил ей в новом модном магазине на Норткоут-роуд. Носит всего несколько недель, а колени уже вытерты, на топе россыпь мелких дырочек. Лиззи проследила за моим взглядом.

– Знаю, – сказала она, опустив голову. – Понятия не имею, как это я умудрилась! Ну не дура ли?

– Да, – ответил я, глядя ей в глаза. – Знаешь, сколько времени я потратил на то, чтобы выбрать для тебя топ, как долго прикидывал, что именно тебе подойдет?

– Извини! – сказала она.

– Ты в курсе, во сколько он обошелся?

Однако она не стала передо мной стелиться, как я ожидал. Задрала подбородок и нагло заявила:

– Разумеется, ведь я заплатила за него сама! Если не хочешь, чтобы Пит и Нелл приходили к нам домой, так и скажи. Я пойму. Не обязательно принимать их дома, можем посидеть в итальянском ресторанчике. Только не устраивай скорую на пустом месте!

Она застигла меня врасплох.

– Терпеть не могу, когда отвечают на мои звонки! Мне надо...

– Прекрати, – твердо заявила она. – Я все поняла. А теперь возьми себя в руки и перезвони друзьям.

Как ни странно, едва мы вошли в ресторан, я успокоился. Похоже, я сумею выкрутиться из любой ситуации. Люди не настолько любопытны, как кажется. В большинстве случаев даже не утруждается вспомнить элементарные вещи. Лиззи-то мигом врубилась, что я не приглашал Нелл с Питом на свадьбу.

– Что, уже окольцевали тебя? – воскликнул Пит, хлопая меня по спине. – Ну ты и горазд скрытничать, приятель!

Услышав это, Лиззи едва заметно мне подмигнула, будто так и надо.

Нелл, маленькая ройденская^[7] снобка в хипповских шмотках, разглядывала ее с головы до ног. И все же умница Лиззи ее покорила. Она довольно остроумна, хотя на первый взгляд и не скажешь. Вспоминала про свою учебу, про курьезные моменты в работе библиотекаря: у ее коллеги случился нервный срыв, и он смыл все заполненные бланки требований в унитаз; в одной из вандсвортских библиотек есть секретный отдел, который выдает книги только по специальным разрешениям. Еще рассказывала про свою мать и что ее здоровье заметно улучшилось с тех пор, как она стала получать надлежащий уход в «Буках».

– И это благодаря Заку! – улыбнулась она.

Хотя о здоровье ее матери я думал в последнюю очередь, я рад, что Лиззи счастлива.

Нелл боролась с любопытством, сколько могла, и наконец спросила:

– Когда же вы познакомились?

– Год... – начала Лиззи, но я не дал ей договорить.

– Сперва мы были просто друзьями. Наши отношения развивались довольно долго.

Лиззи улыбнулась – решила, что под «друзьями» я имею в виду ее излишнюю скромность и забочусь о том, чтобы никто не узнал про наше знакомство через Интернет.

– Зак, когда же ты уехал из Брайтона? – спросила Нелл.

– Приятель, ты исчез так внезапно! – попенял Пит.

Я извинился и взял Лиззи за руку. Им я сказал, что уехал в мае, что было ложью. Вообще-то в конце июня, но Лиззи считала, что я жил в Галлзе, так что... Короче, прокатило. Признался, что у меня были кое-какие заботы, поэтому... Я пристально посмотрел обоим в глаза, надеясь, что они не станут упоминать Шарлотту.

Нелл повернулась к Лиззи и спросила с той непосредственностью, с которой женщины говорят о чужих репродуктивных способностях, не собираемся ли мы завести детей. Примечательно, что Лиззи густо покраснела. Она отчаянно пытается забеременеть. Постоянно покупает специальные тесты на овуляцию.

Нелл продолжала упорствовать:

– А вот я надеюсь, что беременна! Со временем мы подгадали, да и боли внизу живота появились, на менструацию вроде непохоже... В общем, пока не знаю, тест еще не делала.

Мы с Питом обменялись понимающими взглядами типа: ох уж эти женщины!

Оба пытались вести себя как ни в чем не бывало, но я не мог не разглядеть в этом притворства: у Пита дрожали руки, у Нелл лихорадочно блестели глаза. Они не просто так нагрянули к своему старому приятелю Заку Хопкинсу. У них была своя цель. Я бы даже сказал – миссия.

Выждали, пока Лиззи отлучится в туалет (она называла его «уборной»), Нелл с Питом снисходительно переглянулись.

– Мне очень жаль, – начала Нелл. – Не знаю, слышал ли ты печальную новость. Решили рассказать тебе лично. Не хотела заводить об этом речь в присутствии твоей милой жены – кстати, она просто прелесть! – однако...

Я тупо повторял: «Мертвa? Шарлотта – мертвa?» Решил сделать вид, что ничего не знал. Вообще-то мне уже звонил Джим. Нервничал из-за колес (диазепам и ксанакс), боялся, что следы приведут к нему. Не оставил ли я таблетки в ее квартире?

– Извини, приятель. – Питу становилось все более не по себе.

– Как это случилось? Она покончила с собой? Ее была психика неустойчива.

Джиму я задал тот же вопрос. Он выразился более жестко: «Ага, на всю голову больная!»

– Трагическая случайность, – ответила Нелл, смакуя каждое слово. – Поскользнулась на собственной лестнице. Помнишь, какая она была крутая? И дорожка на ступеньках постоянно ерзала! Помнишь, когда ты в прошлом году ее прибивал, я сказала, что она опасная? Вдобавок она напилась. Полиция выяснила, что она приняла несколько таблеток. Это не самоубийство. Записки не оставила. Вся квартира усыпана скомкаными бумажными платками, будто у нее был сильный насморк или она много плакала...

– Поверить не могу, – повторял я как заведенный. – Поверить не могу! Когда?

– Вроде в прошлом месяце, – сказала Нелл. – Хотела тебе позвонить, потом мы решили, что лучше будет сообщить лично.

Ясное дело: она не могла пропустить такое развлечение!

– Спасибо вам!

Интересно, почему они не упомянули про ее беременность? Неужели не знают?

– Когда вы видели ее в последний раз? – спросил я.

– Давно. – Нелл покачала головой. – Мне очень стыдно! Она так расстраивалась, когда ты пропал, но что я могла ей сказать?..

Никому ни до кого нет дела! Каждый сам за себя. Нелл не поддержала Шарлотту, когда та в этом так нуждалась. С ней стало напряжно, и она тут же ее слила.

– Поверить не могу, – повторил я.

– Поверить во что?

Лиззи вернулась незаметно.

Я усадил ее на колени.

– Поверить не могу, как долго я их не видел! Обещаю исправиться.

Она обняла меня за шею, опустила подбородок мне на макушку и тихо прошептала:

– Как думаешь? Наберемся мы смелости, чтобы пригласить Пита с Нелл к нам на кофе?

– Вряд ли они успеют, – громко ответил я.

– Кстати... – вспомнила Лиззи. – Мы покрасили стены! Теперь они серо-голубые, как было у вас в Эдинбурге! Заку очень нравилось, поэтому и мы сделали так же. Спасибо за идею!

Такие моменты возникают неизбежно, привязывают твои щиколотки к стулу, заставляют пульс бешено биться. И как я мог проговориться?

Пит хмурится:

– Светло-серые? Как же, помню-помню, «гаснущий свет» – дорогущая краска от «Фэрроу энд Болл». Н-да, вкусы у меня тогда были не по средствам, зато с претензией на эстетство. – Он задумался. – Зак, разве ты был в нашей квартире в Эдинбурге? По-моему, во время того ремонта мы и знакомы-то не были.

– Должно быть, ты сам мне о нем рассказал, дружище.

– Пит становится страшным занудой, когда речь заходит о его любимых цветах, – пояснила Нелл для Лиззи. – В нем говорит художник-оформитель.

– Нелл, это вовсе не выпендреж! Для меня очень важно качество краски и ее кроющая способность.

Кажется, пронесло. Как и с моим неофициальным визитом в их квартиру в Лейте. Меня интересовала их соседка. Как там ее звали? Марго? На Нелл с Питом я тогда почти не обращал внимания. Мне запомнилось чувство силы, которое я испытал, проникнув в чужой дом. Послюнив палец, попробовал крошки с кухонного стола, зарылся лицом в смятое постельное белье, изучил противозачаточный колпачок Нелл, лежавший в ящике. Банки с краской стояли прямо в недокрашенном холле. Мазнул по дверному косяку, чтобы оценить цвет, и смотрел, как капли падают на пол.

Такое же чувство испытываешь, прыгая солдатиком в пролив Солент. В крови кипит адреналин, напор воздуха бьет в грудь, ударяешься о воду и выныриваешь на поверхность. Ни с чем не сравнится! Вся прелесть в риске. Подводные камни, нежданные мели – чуть не рассчитаешь, и можно шею сломать.

Глава 12

Лиззи

Во время ночной грозы сад сильно пострадал. Утром пятницы стою и смотрю на усыпанную ветками и мусором лужайку. Яблоню позади навеса крепко потрепало, ветви свисают до земли, будто сломанные руки. Надо бы привести все в порядок. Еще год назад я сразу бы кинулась заниматься садом, но я изменилась и теперь просто отворачиваюсь от окна, решив оставить все как есть.

Последние три дня каникул коротаю в одиночестве. Если ты вдова, то по выходным становится особенно тяжело. Обычно люди проводят их со своей семьей и близкими. Я стараюсь никому не навязываться. Утром в субботу сижу за кухонным столом и размышляю, насколько все было бы иначе, заведи мы с Заком ребенка.

Навещаю маму, присматриваю за детишками Пегги. Покупаю в супермаркете еду, заставляю себя поесть. Обычная рутина. Вот только теперь я постоянно гадаю, где искать Зака и как выманить его наружу. Субботним утром я слоняюсь по холлу, распахнув входную дверь, и громко разговариваю по телефону с корнуоллскими агентами по недвижимости. Мне говорят, что дела на рынке идут вяло. Не могу ли я подождать до весны?

Я подхожу к порогу.

– Вряд ли, – отвечаю я. – Хочу поскорее продать домик в Галлзе. Может, с аукциона? Цена особого значения не имеет.

Также вызываю местного риелтора, чтобы оценить мамин дом. В свое время мне пришлось заложить его для оплаты ее пребывания в «Буках». Средства понемногу исчерпываются. Пегги и так дала мне достаточно времени, пора решать этот вопрос.

Стою снаружи рядом со свежевыбранным агентом в костюме, обсуждаю метраж дома и размеры участка. Он фотографирует мобильным телефоном.

– А покупать будете? – спрашивает он.

– Нет, – отвечаю я. – Собираюсь снимать. Причем недолго. Пока не перееду куда-нибудь еще.

Вечером аккуратно накладываю румяна, крашу губы и достаю любимые вещи Зака: джинсы в обтяжку и атласный топ, который я зашила

тонкой ниткой. Вспоминаю тот день, когда я их надела впервые – полгода со дня свадьбы. Мы ужинали в ресторане высоко над рекой, на южном берегу Темзы, огни Лондона мерцали у нас под ногами. Мы смеялись над пафосным меню – еда выложена слоями, ингредиентов указано чересчур много (свежий лук порей, белый соус), а их там и не разглядишь (крошечный кусочек, капелька). Муж заказал шампанское. В такси по дороге домой я положила голову ему на плечо и чувствовала в волосах его дыхание. Я была счастлива как никогда!

Теперь я стою в спальне на цыпочках и смотрю в окно на изуродованный стихией сад.

Пытаюсь ни о чем особо не задумываться, тело само знает, что ему делать. Не ощущаю его присутствия, в голове ни единой мысли. Просто стою и жду часы напролет. Иногда накатывает слабость и чувство самосохранения. Хочется стиснуть руки, сжаться в комок, спрятаться. А иногда хочется сломать стену, вырваться наружу, раскинуть руки и закричать в небо.

Я боюсь того, что может случиться, и в то же время расстраиваюсь, что ничего не происходит.

Непонятно, то ли он хочет меня любить, то ли убить.

В воскресенье вывожу пса на прогулку, потом иду через лабиринт улочек к парку, что находится чуть южнее. Оба зеленых массива сильно пострадали от бури, по некоторым дорожкам не пройти. Славная пешая прогулка длиной пять миль. Домой приходим промокшие насеквоздь, с сырьими ногами. Говард сворачивается калачиком в своей корзинке, я сажусь за кухонный стол. В комнате не прибрано. Возле раковины стопка газет. На полу стоит открытая шкатулка для шитья. И молоко в холодильник убрать забыла.

Проверяю мобильник.

Онни не звонила.

Достаю из-под кровати свой ноутбук, выхожу в сеть. На «Фейсбуке» ищу Онни Мерфи. На фото она выглядит как типичная девочка-подросток: губы надуты, волосы растрепаны и падают на глаза. Ее настройки конфиденциальности не позволяют мне посмотреть ни хронику, ни список друзей. Сжимаю пальцы. Пожалуй, не стоит ее обнадеживать. Онни не место в моей жизни. Вряд ли Ханна имеет какое-то отношение к Заку, но я хочу знать наверняка. Нажимаю «добавить в друзья».

«Запрос в друзья отправлен».

В углу экрана одно уведомление. Нажимаю.

Сообщение от Фреда Лоуса. Он написал: «Здравствуй, незнакомка». И

оставил свой телефонный номер.

Откидываюсь на спинку стула.

Фред Лоус, мой бывший шеф. Школьный приятель Зака. Мы не виделись несколько лет. Наше общение прервалось само по себе: я устроилась работать в школу, он переехал в Дарем, чтобы занять должность в университетской библиотеке. Зак встречаться с ним не рвался, да и меня не поощрял. Он был такой ревнивый! Глупо, конечно. Причем он видел угрозу в самых наименее вероятных людях. Взять Роба: стоило мужу Пегги, который всегда называл меня «старая дева-библиотекарь», похвалить мою новую стрижку, как Зак решил, что он хочет со мной переспать. «Этот грязный ублюдок глаз с тебя не сводит!» – заявил он по дороге домой. Я рассмеялась и велела ему не глупить; оттаял только после того, как я полночи целовала его, пытаясь разубедить. Вероятно, мне следовало задуматься и встать в позу.

Трубку берет маленький ребенок. Раздается грохот и громкий крик:

– Папа! – пищит он. – Па-пааа!

Слушая топот маленьких ножек, выхожу в сад. Ветер будто стих, хотя верхушки деревьев яростно мотаются из стороны в сторону.

– Здравствуйте, прошу прощения за задержку. Фред Лоус. – Он всегда отличался церемонностью.

– Здравствуй, Фред Лоус! – Мой голос не настолько изменился, чтобы Фред его не узнал.

– Лиззи!!!

Мы раза по три спрашиваем друг друга, как дела, потом, наконец, справляемся с неловкостью, вызванной долгим перерывом в общении, и я восклицаю: «У тебя ребенок!», он рассказывает про Пенни и как он познакомился с нею в библиотеке года три назад. Заикается он не в пример меньше. Она была аспиранткой, чуть младше его. У них все прекрасно. Так и вижу, как он поднимает указательный палец. Благодаря Заку я теперь воспринимаю этот жест как пафосный, хотя раньше он казался мне милым. Я и забыла, как чувствовала себя в присутствии Фреда – молодой, полной надежд и ощущения того, что все в моих руках.

– Фред, я так рада слышать твой голос! – восклицаю я.

– Я надеялся, что ты приедешь к нам на свадьбу! Мы послали приглашение, да, видно, ехать было далеко, так что...

Приглашение?!

– Неужели? К сожалению, я его не получила.

– Чертова почта Великобритании! Надо было продублировать по телефону. Хотя вроде бы я звонил и даже сообщение оставил.

– Эх, Фред! Не было никакого сообщения.

В кустах калины раздается шорох. Говард ест траву. Поднимает голову, тревожно смотрит. Ветер крепчает, я мигом замерзаю.

– Если бы я знала, непременно бы приехала! Ужасно жаль!

– Вот облом!

Я смеюсь. Я и забыла, как забавно мой друг ругается.

– Ты до сих пор говоришь «блин» и «облом»? Ты же стал папой!

– Теперь я ругаюсь очень тихо!

Снова смеюсь. Говард ныряет в калину, чтобы выяснить источник шороха.

– Дети есть, Лиззи?

– Нет. – Это звучит как-то совсем нехорошо, поэтому я уточняю: – Пока нет.

– Можно полюбопытствовать? Ты встретила хорошего мужчину?

– Ах, Фред... – Склоняюсь к садовому столику, вожу пальцем по каплям дождя на металлической поверхности и объясняю, что я вышла замуж (свадьба была очень скромной), а затем он попал в аварию и... Фред пытается выразить сочувствие, я его перебиваю, потому что хочу покончить с этим поскорее. Меня бьет легкая дрожь. – Дело в том, что ты вроде был с ним знаком в детстве.

– Ах, Лиззи! Прости! Я не знал. Как, говоришь, его звали?

– Зак. Зак Хопкинс.

Пауза.

– Джек?

– Зак.

– Да-да-да. Конечно, я понял, о ком ты.

Облегченно перевожу дух:

– Ну, хорошо.

– Он жил в деревне. Мир тесен.

Я жду, что Фред назовет его «хорошим парнем», уже в утвердительной форме, только он молчит.

– Думаю, у него было трудное детство, – добавляю я. – Его отец постоянно обижал мать.

– Неужели? – Голос Фреда звучит как-то странно. – Мы не были знакомы близко. Так, встречались иногда.

– Знаю, вопрос неожиданный, но имя Ханна о чем-нибудь тебе говорит?

– Ханна? – Он раздумывает. – Я не был знаком с его друзьями.

– А с кем-нибудь из одноклассников ты поддерживаешь отношения? –

спрашиваю я. – Ну, с кем-нибудь, кто знает... Или кому стоит сообщить о... Не знаю.

– Нет. Вряд ли.

Голос Фреда звучит холодно, распространяться на эту тему он не хочет. Я дрожу. По небу несутся рваные тучи. Провожу ребром ладони по столу, смахиваю капли на землю. Возвращаюсь в дом. Прибираю в кухне, пока мы с Фредом болтаем, пытаясь преодолеть неловкость, договариваемся общаться почше и не теряться. Вешаю трубку.

После, в порыве раскаяния, я навожу в доме порядок. Газеты складываю в сумку, чтобы сдать на переработку, закрываю шкатулку для шитья. Споласкиваю тарелки, вынимаю продукты из холодильника. Тщательно его мою, протирая все уголки. Зак терпеть не мог запах скисшего молока – говорил, что он пропитывает все и вся, проникает в поры кожи. Морковь укладываю ровными рядами.

Зак

Март 2011

Сегодня она снова вернется поздно. Начал пить еще днем.

Слежу за ней почти каждый день: как она идет в школу, как поднимает шторы в библиотеке, как выводит детей на прогулку во время ланча. Прячусь среди деревьев в парке. Мне нравится знать, где она и что делает, нравится хранить в памяти ее лицо и улыбку.

Она вызывает у меня такое же чувство, как и Полли. Думаю, она меня обманывает. Не верю я, что отношения с тем практикантом Энгусом чисто дружеские. Я заметил, как она смеется с ним, с этим рыжим патлатым придурком с розовыми щечками. «Он же совсем ребенок», – твердит она. Считает себя умнее меня, надеется усыпить мою бдительность. В школе столько отдельных помещений, столько закрытых дверей! Ничего не могу с собой поделать: так и вижу, как он прижимает ее к стене и она обхватывает ногами его бедра. Попадется мне – точно убью! А пока держу ухо востро. До сих пор она проходила все проверки. Вчера она действительно подвозила домой того мальчишку из Эрлсфилда, что ходит в школу в шлепанцах, и встречалась в Ватерлоо со смазливой девицей из «Пуффина»^[8]. Один промах, и я за себя не ручаюсь! Это игра, и думаю, что она ей нравится.

Сегодня она поедет к Пегги укладывать детей. Какого черта тут помогать? Суешь их по кроватям, швыряешь по бутылке молока и все!

Прятался за их понтовыми лавровыми деревцами, заглядывал в окна цокольного этажа. Пегги сидела на кухне, листала журнал. Лиззи читала младенцам, лежа на диване, обняв обоих. Свет падал на ее лицо, и в нем было столько любви и заботы, что у меня дух захватило. И чего она нашла в этих вонючих малявках? Понятия не имею. Что до Пегги, то она запустила себя до безобразия. Ясное дело, при встрече говорю, что она выглядит великолепно, настоящая «аппетитная мамочка», и щиплю за талию (если нахожу).

На выходных отправился с Робом выпить в Найтингейл (или в Гейл, как он его фамильярно называет), девочек оставили на хозяйстве. Что за мерзкий тип! Он явно положил глаз на Лиззи. Пытается со мной подружиться, чтобы я не заметил, как он к ней клеится. Хранить верность жене – выше его сил. За пинтой «Джона Смита» признался, что на школьной вечеринке зажигал с одной мамашкой. Я его поздравил, назвав кобелем, он так и расцвел. Буквально! Посмотрелся в зеркало над баром, пригладил брови. Знал бы он, как я его презираю! Я бы даже посочувствовал Пегги, не зная я, что она вышла за него замуж из-за денег. Супружеская измена – полная безвкусица. Отсутствие воображения и заурядность некоторых не перестают меня изумлять.

Спрашиваю себя, как подать это Лиззи и когда лучше сбросить бомбу. Ясное дело, она тут же позвонит сестричке. Они все друг другу рассказывают, как твердит Пегги. Вечная борьба за власть. Каждая шутка, каждое объятие свидетельствуют о том, что Пегги ей дороже, чем я. А я, в свою очередь, недвусмысленно даю понять, что будь у меня шанс – непременно выбрал бы ее, все мои игривые комментарии и случайные касания только на это и намекают. Ведь она появилась на свет первой, поэтому и у всех мужчин должна быть на первом месте. Пегги и в голову не приходит, что я скорее выколю себе глаза, чем променяю Лиззи на нее. Забавно наблюдать за ней. Думает, что все в ее власти. Даже не представляет, насколько это не соответствует действительности.

Откровение Роба – ценная информация. Теперь мне есть чем исцелить бесчисленные крошечные укусы от высокомерной Пегги. Я ее уничтожу! Лиззи, конечно, тоже придется несладко. Эти сведения пока придержу. Воспользуюсь ими, когда настанет время. Главное – терпение. Стоит поджечь фитиль слишком рано, и ты уже в эпицентре и вряд ли насладишься фейерверком.

В доме чисто, я только что проверил. Убрано и внизу, и наверху. Пыль вытерта, розетки выровнены. Поставил ее книги в алфавитном порядке. Несколько месяцев назад случилась катастрофа: она выкрасила входную

дверь, не посоветовавшись со мной. Красная! Теперь все как надо. Плакала от разочарования. «Сдаюсь, – говорит. – Ни на что я не гожусь! Решай сам. У меня паршивый вкус».

Проблема не в ее вкусе. Проблема в цвете. Меня он бесит! Прожигает нас kvозь, нервирует неимоверно. Битва за чайник продолжается. Ей нравится, когда он стоит ближе к раковине, но тогда пар портит новую краску. Я его передвигаю. Она ставит обратно. Она так шутит. Наверное. Вряд ли она настолько глупа. Последнее слово должно быть за мной.

Скоро она вернется. Мы с псом ждем, он положил голову мне на ногу. Знает, что я его ненавижу. Самому не по себе от того, как сильно ко мне некоторые привязываются. Его жизнь целиком в моих руках. Я тут кое-что разузнал. Самый простой способ – куриные кости. Осколок может застрять в горле, в пищеводе или во внутренних органах. Прокол в кишечном тракте приведет к перитониту, смерть практически неизбежна. Либо лекарства. Если понадобится, выкрою из собственных запасов.

Глажу пса по шее. Она его любит (как ни неприятно мне это признавать), поэтому в данный момент он в безопасности.

Принимаю слишком много ксанакса, пытаюсь снизить дозу с помощью трамадола, купленного через Интернет.

Мне нужно что-нибудь такое, что успокоит нервы и замедлит пульс. Пока не нашел.

Утром встал первым. Люблю просматривать почту до того, как это сделает Лиззи. Сегодня: плотный белый конверт, адресованный ей. Распечатал в ванной, закрывшись на задвижку. Приглашение на свадьбу. Мистер Фредерик Персиваль Лоус и мисс Пенелопа Оливия де Бовуар. Ну-ну! Кто бы подумал, что на него кто-нибудь позарится? Кладу в сумку, забираю с собой. Дорогая бумага и претенциозный шрифт заставляют меня стиснуть зубы. В студии иду в кухню, обливаю открытку кипятком и счищаю буквы металлической мочалкой для посуды.

Глава 13

Лиззи

По другую сторону железнодорожного моста возвышается средняя школа Уэндл, некогда переделанная из кондитерской фабрики, – огромное здание из светло-желтого кирпича. Соседний новый корпус для шестиклассников еще закрыт строительными лесами. В отличие от Вандсуортской тюрьмы, в черных стенах которой заключено зло, школьный фасад со светящимися окнами кажется воплощением надежды.

Утром в понедельник мы с Говардом идем в школу. Нас об��жает непрерывный поток детей в школьной форме на велосипедах и скутерах. В каком-то смысле я тоже в форме – сапоги и колготки, юбка разумной длины, – но кто бы знал, чего мне стоило собраться и выйти из дома!.. Чувствую себя растерянной, включаться в рабочую рутину неохота. Надо было позвонить и сказать, что заболела. Я бы так и сделала, не взъими я столько отгулов в течение года.

В нашей школе учительской как таковой нет, потому что кредо учебного заведения гласит: никаких границ между учениками и учителями. Зато внизу, между кабинетом рисования и уборной, есть маленькая кухонька, где часто собираются учителя. Я пытаюсь проскользнуть мимо, надеясь, что никого не встречу, и тут меня окликает Джейн.

Я замираю.

– Кофе будешь? – спрашивает она.

– Ну, не знаю…

– Пошли!

Она тянет меня в кухню, там стоит Сэм Уэлхем, прислонившись к стойке. Мы чуть смущенно здороваемся, он возится с Говардом. Джейн включает электрический чайник и споласкивает чашки.

Спрашиваю, как прошли ее выходные (она ездила в Солфорд навестить родню со стороны мужа), потом подруга пересказывает сюжет фильма, на который ходила в кино – отличный триллер про нерадивого пилота. Сэм потягивается, барабанит пальцами по груди и спрашивает:

– Лиззи, не желаешь тоже на него сходить?

За спиной Сэма Джейн делает большие глаза, приказывая мне принять приглашение. Господи, ведь это просто фильм, словно говорит она, я же не

прошу тебя выходить замуж!.. Мне становится так тревожно, что я не знаю куда деваться. Лицо горит. Холодильник начинает вибрировать.

– Вряд ли, – бормочу я. – Я не любитель кино.

– Ничего страшного. – Сэм усмехается. – Как-нибудь в другой раз.

Я знаю, что он хороший человек. Глядя на его морщинистое лицо, коротко стриженные волосы и добрые карие глаза, невольно вспоминаешь актеров из комедийных сериалов семидесятых. Совершенно беззаботный и ничуть не опасный персонаж. Пригласи он меня пару недель назад, может, и пошла бы. Однако теперь об этом и речи нет.

Бросаю недопитый кофе и спешу наверх. На полпути встречаю Сандру, директора школы. Громко стуча каблуками, она спускается мне навстречу.

– Лиззи! Я хотела написать тебе по электронке, но раз уж ты здесь... Комитет по стандартам в сфере образования присыпает к нам проверку, так что, – она кивает на Говарда, – подержи собаку дома недельку-другую, ладно?

– Конечно!

Говард виляет хвостом и оставляет след на свежеокрашенной белой стене коридора.

– Сегодня пусть остается, – добавляет она через плечо. – Раньше завтра они не придут. Должны уведомить за день.

Поднимаюсь наверх, стараясь сохранять спокойствие. Я могла бы оставить Говарда дома, но меня не будет слишком долго. Повезло, что его вообще разрешили приводить в школу. Все вышло случайно: психолог, работающий с особыми детьми, у которых проблемы с адаптацией и с концентрацией внимания, как-то заметил, что общение с Говардом их успокаивает. Напряженно размышляю. Пожалуй, попрошу Пегги. Позвоню ей, как только представится возможность.

Без учеников школа кажется пустой и чистой. Они вот-вот появятся, заполнят коридоры гомоном и криками, мальчики повыше будут подпрыгивать и стучать ладонями по потолку, делая вид, что они вовсе не бегают. Отпираю дверь библиотеки, захожу в темное помещение. Чтобы включить свет и раздвинуть шторы, требуется время. За окном серый пустой парк – раскисшая истоптанная лужайка, окруженная высокими деревьями. Внимательно вглядываюсь в тени между кустов. Никого.

Возле письменного стола большая коробка с книгами, которые нужно проштамповывать, снабдить метками и внести в каталог. Сажусь и смотрю на них – моя работа, обычная рутинна, привычная последовательность действий – их можно выполнять, особо не вникая. Говард устраивается в

своей корзинке в углу. В эти выходные ему немного нездоровилось, однако, будь он бодр, все равно лежал бы тихо.

До звонка и прихода учеников успеваю позвонить Пегги и оставить сообщение на автоответчике. Потом занимаюсь своими прямыми обязанностями. Открываю ящик, просматриваю новые книги. Пытаюсь ввести упрощенную систему каталогизации (классификация Дьюи, которую применяют в большинстве британских библиотек, слишком сложна для детей, особенно если они еще не изучали десятичные дроби). Разбираю новые поступления, просматриваю электронную почту. Недовольная мать пишет, что я напрасно выдала ее дочери книгу с картинками, потому что «хотя ей всего двенадцать, по читательским предпочтениям ее возраст составляет шестнадцать с половиной лет». Речь идет о книге Патрика Несса «Голос монстра». Это роман о болезни и смерти, о горе и чувстве утраты с замечательными готическими иллюстрациями Джима Кея. Похоже, до книжки девочка еще не доросла. Начинаю писать ответ в этом ключе, потом извиняюсь и обещаю порекомендовать ее дочери что-нибудь другое. У родителей из среднего класса претензии возникают постоянно, и в большинстве случаев достаточно просто извиниться.

Перед обеденным перерывом собирается мой кружок чтения. Мы изучаем «Книжного вора» Маркуса Зузака. Конор снова без носков, карманы школьного пиджака порваны.

В обед начинает моросить мелкий унылый дождь, загоняющий учеников в арки и под козырьки зданий. Ко мне подходит ватага семиклассниц и предлагает помочь в библиотеке. На следующий год они будут приклеивать жвачку к обложкам и тайком обмениваться смсками, сидя в отделе книг по обществознанию, а пока с удовольствием помогают. Элли и Грейс Сэмюэлс тоже часть компании, они нерешительно мнутся у стола. Элли протягивает сверток, завернутый в бумагу с синими птичками.

– Мама просила вам передать.

Аккуратно открываю. Книга «Жизнь после утраты», с прикрепленной на форзаце запиской: «Надеюсь, это вам хоть немного поможет! С наилучшими пожеланиями, Сью».

Благодарю девочек и обещаю вечером написать их маме письмо.

– Вы так добры! – говорю я, размышляя о том, как часто прямой обязанностью человека, перенесшего утрату, является улучшение самооценки многочисленных утешителей.

Оставшись одна, пролистываю книгу и изумляюсь, насколько я изменилась с тех пор, как в прошлом году Пегги подарила мне такую же.

Тогда каждая глава бесила меня нескованно – откуда знать автору, что чувствую я? Даже шрифт казался мне исполненным лицемерия.

Теперь содержание книги не имеет ко мне ни малейшего отношения, будто это путеводитель по стране, которой нет и в помине, которая существует лишь в воображении автора.

– У тебя найдется время, чтобы заглянуть с нами в паб?

Джейн ждет меня возле входа.

– Вряд ли. – Открываю сумку, показываю ей содержимое. – Мне нужно зашить пиджак Конора Бейкера.

– Зашьешь потом! – Она решительно забирает поводок Говарда и берет меня под руку.

– Нет. Честно, у меня совсем нет времени!

– Есть. Уверена, что есть. Ну же! Пэт бросил муж, ее надо подбодрить. Коллективная солидарность!

Она смотрит выжидательно и пресекает все мои протесты:

– Зря ты отказалась Сэму! Прошел целый год, нельзя же прятаться вечно!

У меня внутри все переворачивается, я буквально каменею. Она понятия не имеет, что я узнала на этой неделе и от чего я прячусь или чего ищу! Я не рассказала подруге ни про поездку в Брайтон, ни про визит Онни. Напрасно она пытается свести меня с Сэном. В моем мире это невозможно!

– Десять минут, – настаивает она. – Что тебе стоит?

Джейн моя подруга. Мы знакомы очень давно. И Зака она любила. «Счастливые времена, – неожиданно думаю я, – тогда все было легко и просто».

– Ладно, десять минут – не дольше!

«Птица и куст» – еще одно неофициальное место сбора учителей, старинный паб, уцелевший после глобальной перестройки района. Деревянные стулья, ковры со спиральным рисунком, вязкий запах кухонного масла и пролитого пива. Давненько я сюда не заглядывала, хотя учителя из Уэндла собираются тут почти каждый вечер.

Во главе стола восседает Пэт со стаканом пива в руках.

– Лиззи! – кричит она. – Думаешь, тебе пришлось нелегко? Твой муж тебя хотя бы не бросил! И не удрал с девицей вдвоем моложе тебя!

– Ты права, Пэт, – отвечаю я. – По крайней мере, этого он не сделал.

Сажусь на первый попавшийся стул. Мой сосед откашливается, я

поворачиваюсь и вижу Сэма.

– Смерть или развод, – шепчет он. – Непростой выбор. Тебе явно повезло больше, чем ей!

– Видимо, да.

Джейн ушла за напитками, и я ломаю голову, не зная, о чем с ним говорить. Раз уж пришла, стоит хотя бы попытаться. Вспоминаю, что Сэм живет рядом с тутингским парком, и рассказываю про свою прогулку с Говардом. Обсуждаем вчерашнюю бурю, оба ведем себя исключительно подружески и стараемся не затягивать паузы. На Стратхэм-Хай-роуд упало дерево, автобусы пришлось пустить в объезд. С крыши дома, где живет Сэм, сорвало черепицу, но это не беда, потому что новый сосед неплохо управляет лестницей. Я рассказываю, что мой сад тоже сильно пострадал.

Подходит Джейн с бокалами и бутылкой вина, садится рядом со мной. Пока на том конце стола утешают Пэт, мы обсуждаем каникулы. Джейн выкладывает Сэму и Пенни, учительнице английского, про мою встречу с *bête noire*^[9] – Аланом Мерфи. Я рассказываю про Сэнд-Мартин и про правую руку Мерфи – скользкого типа в обуви с мягкой подошвой, про пародийное дружелюбие самого Мерфи. Джейн вспоминает его речь о значимости для образования трех «эф»: факты, факты и только факты! Присутствующие возмущенно шипят.

– А Виктория Мерфи, его женушка! – добавляет Пенни. – Вы читали ее рубрику в журнале «Спектейтор»? Превозносила святость брака, нажимала на то, что супруги должны быть разнополыми, иначе это уже мерзость! Заявила, что дети должны расти в нормальной семье, в которой каждый родитель исполняет характерную для его пола роль. Да она фашистка!

– Только потому, что я взрослая женщина с устоявшимися взглядами! – врывается в нашу беседу голос Пенни. – Видите ли, он не смог с этим мириться!

Опускаю голову. Что плохого в том, чтобы ненадолго отвлечься и ни о чем не думать?

В заднем кармане звонит телефон. Пегги. Отодвигаюсь назад, чтобы лучше ее слышать. У нее выдался безумный денек, и нет, завтра она не сможет взять Говарда. В обед к ней придут гости, и она «уверена на сто десять процентов», что у их маленькой дочки аллергия на собак.

– Ничего не поделаешь, – говорю я. – Не страшно. Спасибо, что перезвонила.

– Твоя сестра – эгоистка! Могла бы хоть раз помочь! – Моего стула

кто-то касается, и я слышу Зака так отчетливо, будто он склонился надо мной. – И это после всего, что ты для нее делаешь!

Он всегда за меня заступался. По сути, он защищал, то есть защищает, мои интересы. Как я смею расслабиться без него, как я могла об этом забыть?

Допиваю бокал, хватаю сумку и поводок Говарда.

Вспоминаю, как Зак ждал меня у паба в последний раз, когда я здесь бывала.

– Хотел сделать тебе сюрприз, – сказал он. – Долго тебя не было. Чем ты там занималась?

– Просто выпивала.

– Сколько ты выпила?

В голосе беспокойство, граничащее с паникой. Он терпеть не мог, когда другие люди пьют. И я это знала. Зака преследовала мысль о том, что выпивка сделала с его отцом.

– Немного. Жаль, что ты не вошел! Посидел бы с нами.

– Не хотел портить тебе вечер.

Я его поцеловала.

– Ничего бы ты не испортил! В следующий раз, когда выберемся в паб, пойдем с нами!

– Или лучше так, – сказал он, целуя меня в ответ, – в следующий раз с ними не ходи!

Прощаюсь со всеми присутствующими. Целую Пэт, она обхватывает меня руками, уговаривая остаться. Я вырываюсь. Хочу поскорее выбраться на воздух. Болит живот, как при пищевом отравлении. Как я посмела сидеть тут? Мое предательство меня убивает! Зак решит, что мне все равно.

Дождь еще идет, с неба непрерывным потоком льется вода – очень типично для лондонских пригородов. Тент над пабом протекает. Как-то раз в похожий вечер Зак подкрался ко мне на Болингброк-Гроув и прижал к фонарному столбу. Сунул руки под свитер, принял расстегивать бюстгальтер. Я пыталась его оттолкнуть, а он грубо сжимал мои соски, впился губами в шею. Неожиданно для меня самой шок и гнев переросли в нечто противоположное. Я ответила на поцелуй, сунула пальцы в его волосы и с наслаждением впитывала обнаженной кожей капли дождя.

Хотя признаться в этом нелегко, его одержимость была мне приятна. Неистовая потребность обладать мною возбуждала несказанно. Я о нем мечтала! Ревность Зака... Благодаря ей я чувствовала себя любимой и желанной.

– Скверная сегодня погода, – раздается голос возле моего плеча. –

Промокнешь насовсем.

Оборачиваюсь. Рядом стоит Сэм. На меня накатывает гнев. Должно быть, вышел сразу за мной. Он смущенно смеется. Он так близко, что я чувствую запах мыла, карандашной стружки и алкоголя.

– Ничего, – сдержанно отвечаю я. – Промокнуть я не боюсь.

– Ладно тебе! У меня есть зонт, пойдем вместе. Давай помогу с твоими причиндалами.

– Хорошо.

– Что у тебя там? Одежда из химчистки?

– Э-э... – Я смущаюсь. – Пиджак Конора Бейкера, взяла подшить.

– Пойдем, нам ведь по пути.

Уже второй раз за вечер меня берут под руку против моей воли. Я не виновата. Не хочу здесь находиться и не знаю, как изменить ситуацию. Прячу голову под зонтом так, чтобы не было видно лица. Все эти люди – Сэм, Джейн, Пэт – меня задерживают. Я испытываю ужасную, болезненную потребность поскорее вырваться из положения, в которое угодила против своей воли. Уж такая я есть, Зак не раз говорил, что я должна с этим бороться. Я плыву по течению. Делаю, что мне скажут, а не то, что хочу сама. «Умей за себя постоять!» – настаивал он. Может, он и теперь ждет от меня то-го же?

– Бедная Пэт, – замечает Сэм, перешагивая через лужу. – Похоже, сейчас она проходит стадию неуместной откровенности.

– Да, – коротко отвечаю я.

– Будто она утратила все общественные и эмоциональные ориентиры. Помню, сам прошел через это, когда расстался с женой. Постоянно вываливал свои горести на едва знакомых людей. Разбитое сердце так болит, что ни о чем другом и не думается. Вдобавок забываешь, что подробности никому не интересны, даже близким друзьям.

Тихо спрашиваю, давно ли он в разводе.

– Четыре года, нет, уже пять.

– Хороший признак, – киваю я.

Оглядываюсь через плечо. Тротуар сверкает. За нами никто не идет.

– В каком смысле?

– Ты не помнишь точно.

– Оптимистичный подход.

Мы доходим до Болингброк-Гроув. Парковая тропинка поблескивает в свете фонарей. Стратхэм, где живет Сэм, в другой стороне, и я надеюсь, что теперь каждый пойдет своей дорогой, однако он все еще держит меня за руку, сжимая пальцы чуть выше локтя. Ведет меня через улицу. Говорю,

что нет нужды провожать меня дальше, осталось совсем недалеко, но он настаивает на том, чтобы доставить меня домой «в целости и сохранности».

В парке темно и ветрено. Понятия не имею, сколько мы просидели в пабе. Смотрю на часы. Восемь. Как долго! Сложно сказать, то ли дождь до сих пор идет, то ли вода капает с мокрых деревьев. Нервно оглядываюсь. Футбольные ворота на опустевшем поле возвышаются как часовые. Мимо нас проходит женщина с черным лабрадором. Впереди едут двое ребят на велосипедах. Сэм заполняет паузы, старается меня смешить. Рассказывает историю про шестиклассника, который в начале каждого урока прилепляет жвачку за ухо – «про запас, сэр». Высовывается из-под зонтика, чтобы изобразить царственную походку директрисы.

– Промокнешь, – говорю я.

Он проводит рукой по макушке.

– Хорошо иметь мало волос! Сохнут моментально.

– Чтобы сохранить укладку, утке пришлось выработать весьма специфичную походку. У тебя ее нет, так что птичку вряд ли порадует подобное сравнение.

Он смеется.

По другую сторону железной дороги мы сталкиваемся с мужчинами в деловых костюмах и женщинами на каблуках, возвращающимися с работы из центра. Они движутся волнами, как машины на светофорах. Всматриваюсь в каждое лицо. Дождь стих – мелкие капли видно лишь в оранжевом свете фонарей.

На углу Дорлкоут-роуд останавливаемся на светофоре. Хотя Говард все еще без поводка, от меня он не отходит, ложится и кладет голову мне на ноги.

– Эй, приятель, ты в порядке? – спрашивает Сэм, нагибается и похлопывает его по шее. – Что-то он на себя не похож.

– Да уж. Наверное, съел что-нибудь не то. Надо поскорее отвести его домой.

– Послушай. – Сэм снова берет меня за руку. – Извини, если поставил тебя в неловкое положение. Джейн совсем на меня насыла. Если ты не любишь кино в принципе...

Отворачиваюсь, борясь с желанием выдернуть руку. Зак дразнил меня, постоянно называя «путешественницей». Когда я собиралась в супермаркет на другом берегу реки, он спрашивал: «И только-то? Разве наша путешественница не отважится сегодня рвануть в Хэммерсмит?»

– Не подумай, что я к тебе пристаю. Захочешь как-нибудь выбраться и

выпить по рюмочке – хорошо, не захочешь – тоже хорошо. Ты мне нравишься, но я вовсе не озабоченный юнец. Ну, то есть...

Ничего не могу с собой поделать! У него такое потешное выражение лица, одновременно обнадеженное и самокритичное. Смеюсь.

– Возьми зонтик!

– Спасибо, не надо.

Мы спорим с минуту. Он не слишком настаивает, поэтому я одерживаю верх и ухожу без зонта. На углу оборачиваюсь помахать рукой, чтобы сгладить неловкость, но Сэм уже ушел.

Дома темно.

Захожу, включаю свет в холле. Воплощение классики, как выразился Зак, купивший этот светильник. Он в форме артишока и отбрасывает на стену тени, похожие на ладошки. Ставлю сумку на пол, беру почту – каталог аудиопродукции марки «Боуз» для Зака.

Вдруг наверху раздается звук смыва унитаза.

Скрипит дверь ванной. На лестничную площадку падает квадрат света.

Говард лает. Раз. Другой. Шерсть на загривке встала дыбом.

Очертания фигуры. По перилам движется тень. Приближается. Верхние ступеньки содрогаются под тяжестью шагов.

У меня перехватывает дыхание. Перед глазами все плывет.

– Вот вы и дома, – говорит Онни.

Она спускается по лестнице, держась за перила.

– Не думала, что вы вернетесь так поздно!

Смотрю на нее во все глаза. Девчушка в рваных джинсах и футболке с длинными рукавами. Босиком.

– Онни! – едва выговариваю я. – Как ты вошла в дом?

– На прошлой неделе вы давали мне ключи, вот я и сделала дубликат.

– Дубликат?!

– Вы ведь не возражаете? – улыбается она и кусает губу.

– Дубликат?! – Я настолько поражена и встревожена, что повторяю как заведенная. Внутри холод.

– Решила, что пригодится. Так, на всякий случай. – Она помогает мне снять плащ, складывает его. – И правильно, потому что вы сильно задержались. Я ждала вас гораздо раньше.

– Не знала, что ты приедешь, – говорю я, отшатываясь от нее. – Ждала твоего звонка. Мы ведь ни о чем не договорились! Такие вещи не делаются без спроса. Это слишком бесцеремонно!

– Да? – Она пятится и заливается краской. – Вот блин, простите! Мама

всегда дает дубликат ключей строителям, уборщикам и тем, кто работает в саду. Надо было сказать вам на той неделе, но за мной приехала мама, и все вылетело из головы! Запасной ключ вы потеряли, вот я и сделала вам дубликат. Я просто хотела помочь!

– Ясно.

Она вешает мой плащ на перила.

– Значит, все в порядке или вы еще сердитесь?

Я слабо улыбаюсь, осторожно прохожу мимо нее на кухню. Даю Говарду воду и еду, но он лишь нюхает и с тихим ворчанием сворачивается клубком на своей подстилке. Пытаюсь вспомнить последний разговор с Онни. Хотя все как в тумане, я уверена, что ее не приглашала. Может, я недостаточно ясно выразилась. Зак мне об этом твердил не раз. Я плохо выражаю свои мысли. И поэтому об меня постоянно вытирают ноги.

– Послушай, – говорю я, – ты не можешь оставаться. Извини, если зря обнадежила. Время для меня сейчас совсем не подходящее.

– Как же так?! – Она подходит близко. Веки густо накрашены, белки ярко выделяются на темном фоне. Из-за макияжа глаза кажутся огромными, хотя, возможно, дело в том, что в них стоят слезы. – Ведь вы обещали!

– Не помню такого.

– Вы добавили меня в друзья на «Фейсбуке»!

– Зря, наверное... Прости.

Она морщит нос, беспомощно взмахивает руками.

– Я же сказала маме, что останусь у вас! Это единственное условие, при котором я смогу попасть в «Шелби пинк»!

Онни смотрит на свои ладони, и я гадаю, не отводит ли она взгляд потому, что лжет. Все так сложно! Если бы не желание узнать про Ханну, я мигом отправила бы ее собирать вещи. Провожу руками по волосам, мысленно одергиваю себя.

– Давай выпьем чаю, – предлагаю я. – Раз уж ты здесь.

Поворачиваюсь включить чайник. На месте его нет. Я привыкла ставить чайник ближе к полке. Он передвинут к розетке возле холодильника – Заку так нравилось больше. При виде этого меня пробирает дрожь.

– Ты передвинула чайник!

– Нет.

– Да! – Я указываю пальцем.

Онни проскальзывает за стол.

– Разве он не стоял там раньше?

– Нет.

Она чуть хмурится:

– Ну, может, и передвинула машинально. Возле холодильника ведь удобнее?

– В отличие от меня тебе виднее, – язвительно отвечаю я и тут же об этом жалею. Издаю смущенный смешок. – Зак говорил, что я вечно ставлю мебель и все предметы не туда, куда нужно. Говорил, что у меня нет чувства стиля.

Девчушка сидит, сложив руки перед собой. Будто ждет, пока я приму решение.

– Это ты расставила мои книги в алфавитном порядке? – внезапно спрашиваю я.

– Да, – отвечает она, глядя мне в глаза. – Вы не против? Или это слишком бесцеремонно?

Она куда язвительней, чем я думала, или же куда более обидчива. Зак тоже был таким. Как-то раз я сказала, что он вечно все выдумывает. Он сразу прицепился к моим словам. Перед этим обвинением померкла даже бесспорность моего проступка – флирт с коллегой. «Я выдумываю?!» – воскликнул он, когда я отвернулась. «И это я тоже выдумываю?!» – спросил он, смахивая щелчками мои слезы.

Кусаю губу. Должно быть, вспомнилось из-за чайника.

– Нет, это было очень мило с твоей стороны, – отвечаю я.

Завариваю чай, изучаю содержимое холодильника, двигаюсь по кухне как можно медленнее, чтобы потянуть время. Нахожу хлеб и сыр, кладу на тарелку, ставлю на стол. Наливаю две чашки чаю.

– Сколько вам лет? – неожиданно спрашивает Онни.

– Сорок один.

– Вы старше Зака?

– Нет.

– Он выглядел моложе вас. – Она внимательно изучает мои черты лица. – Разве вам он не казался моложе?

– Нет. – Нагибаюсь и глажу собаку.

– Когда вы встретились, то уже были слишком старой, чтобы заводить детей?

– Нет, – снова отвечаю я и выпрямляюсь. Надеюсь, она не видит, как сильно я покраснела. – Есть хочешь?

– Не очень.

– Девочки должны хорошо питаться, – говорю я и сажусь напротив. Вряд ли она грубит специально. Хотя она бестактная и невоспитанная,

вероятно, она просто пытается поддержать беседу. Отрезаю два куска хлеба, один кладу на тарелку перед ней. – Расскажи мне про «Шелби пинк».

Онни отбрасывает упавшие на лицо волосы.

– К ним на стажировку много кто хочет попасть. Представляете, из сотен желающих выбрали именно меня! Мне никогда так не везло, с тех пор как...

– С тех пор как что?

Она отводит взгляд.

– С тех пор как меня отчислили из того дурацкого пансиона в Швейцарии.

– Ну, тогда тебе повезло! – Пододвигаю к ней сыр. – Можешь собой гордиться.

Она будто не слышит. К чаю не притрагивается.

– Родителям моим скажите! Я для них одна большая неудача! Их интересует только Том, мой брат. Он учится в Оксфорде. А меня даже в Челтенхэмский женский колледж не взяли! И в школе не была ни в одной спортивной команде. Разок сыграла в спектакле, так предки даже не удосужились прийти посмотреть!

Выговорившись, Онни глубоко вздыхает и массирует указательным пальцем точку между бровями – будто маленький ребенок, который пытается стереть грязь.

– Они очень занятые люди, – говорю я. – Работа и все такое. Однако это вовсе не значит, что они тобой не гордятся.

Онни закатывает глаза.

– Они считают, что я тупая! У меня дислексия, поэтому я вечно проваливаю экзамены. Зато на водительские права сдала с первого раза – и теорию, и практику! Я не дура.

– Еще тебя взяли на стажировку!

Она складывает руки и смотрит на меня умоляюще.

– Можно мне остаться? Хотя бы сегодня? Пожалуйста!

Отламываю кусочек хлеба, кладу сыр. Ем. Сегодня я разрешу ей остаться, по-другому вряд ли выйдет. Уже поздно, идет дождь, и я не узнала ничего про Ханну. Онни выглядит жалкой и не приспособленной к жизни, она то наскакивает, то заискивает. Я не смогу оттолкнуть ее так же, как и все остальные.

– Сегодня оставайся, – говорю я.

Я думала, что она подпрыгнет или крикнет ура – выразит как-нибудь свою радость. Вместо этого она продолжает пристально меня разглядывать.

– Ладно, – кивает она. – Хорошо.
Для приличия выдерживаю паузу.
– Ты связалась с Ханной? – спрашиваю я. – Она сможет поговорить со мной?

Онни отводит взгляд.

– Нет еще. Попозже. Найду ее номер и спрошу. Завтра подойдет?

Я разглядываю ее не менее тщательно, чем она меня.

– Откуда она знает Зака?

Онни потягивается:

– По Корнуоллу.

– А где с ней познакомилась ты?

– Жили по соседству.

– Они дружили? Она твоя ровесница или старше?

– Примерно моих лет.

Выдавливаю улыбку:

– Больше ничего не расскажешь?

Она медленно закрывает, потом открывает глаза. Думаю о сердце на записке Ханны, о том, что у нее была с Заком интрижка. Онни поочередно хрустит пальцами на обеих руках.

– Извини, если смущила тебя расспросами, – говорю я.

– Вы были верны Заку? – тихо спрашивает она.

Внутри все сжимается и переворачивается.

– Да. Конечно!

– Потому что вы его любили?

– Да. – Она таким образом пытается сказать мне, что он меня не любил?

Она склоняет голову и произносит:

– Так что за мужчина был с вами сегодня?

Я смотрю на нее недоуменно:

– Какой мужчина?

– Тот, с которым вышли по парку. Я вас видела!

Я смеюсь:

– Это мой коллега. После работы мы все пошли в паб.

– Значит, он не ваш новый бойфренд?

– Сэм Уэлхем? Нет, конечно! Всего лишь проводил меня до дома. Он живет за углом...

Встаю, убираю тарелки и чашки, выплескиваю остывший чай в раковину. Руки слегка дрожат – намеки про Ханну и расспросы про Сэма несколько выбили меня из колеи. Проливаю чай на пол.

Онни встает, открывает ящик, в котором лежит рулон кухонных полотенец. Отрывает два куска, кладет руки мне на плечи, отодвигает меня в сторону. Наклоняется, вытирает лужицу и сует полотенца обратно в шкафчик.

– Ему не понравилось бы, что вы встречаетесь с другими мужчинами.

– Он бы хотел, чтобы я была счастлива!

Онни открывает бачок, бросает в него мокре полотенце. Мусора много, она вынимает полный мешок и завязывает. Ставит его возле задней двери, потом открывает ящик, в котором лежат чистые мешки (как у нее ловко все стало получаться и как быстро она освоилась в чужом доме), достает один и вставляет в бак. Лицо скрыто упавшими волосами. Отбросив их, Онни плотно сжимает губы.

– Он не хочет, чтобы вы были счастливы. Только не без него! Вы же его знаете.

Зак

Май 2011

Я в Корнуолле. Лиззи обещала приехать ко мне в пятницу. Она сказала: «Одиночество пойдет тебе на пользу». Что она имела в виду? Ее слова не идут у меня из головы. Одиночество? Или она имела в виду, что побывать без меня – только на пользу ей? Размышляю над ее фразой и так и эдак, все пытаюсь понять.

Вечно она твердит, что Галлз – идеальное для меня место, как здорово, что у меня есть где писать и где никто мне не мешает. Какая ирония! Наконец-то я нашел женщину, которую не прочь привезти туда, а она ехать не хочет.

Погода теплая. Над морем висит дымка. Пишу в гараже, заперев дверь и опустив горизонтальные жалюзи. Внутрь проникали полосы света, поэтому я купил в деревне липкую ленту и залепил щели. Закончил пять небольших картин. Абстракции. Голубая фталоцианиновая. Печная сажа. Цинковые белила. «Это же серия! – воскликнула Лиззи, когда я позвонил. – Ты должен продать их вместе».

Кулон познакомил меня со старым школьным приятелем, Джоном Харви, у которого арт-галерея в Бристоле. Взял мою визитку. В сентябре он устраивает большую выставку под названием «Свет на воде» и по пути заехал взглянуть на картины. Раскурили косячок, и он заявил, что если мне «не особо увлекаться темными тонами и добавить цвета», то он будет

«серьезно заинтересован» в моих работах. «Более чем», – сказал он. То ли не следит за речью, то ли и впрямь говорит серьезно.

По вечерам я спускаюсь в «Голубую лагуну». Кулон ездил отдыхать в Камбоджу, привез целый чемодан рецептурных колес. «Аптеки там – что твои кондитерские». Выиграл у него в покер несколько таблеток оксикодона^[10], который он выменял на диазепам^[11]. У него появился выход на адерал^[12] – у каких-то американских студентов в Ньюки. Вот бы здорово! На адерале я могу работать ночь напролет! Сказал, что с нашей прошлой встречи я стал куда спокойнее. «Семейная жизнь пошла тебе на пользу».

Вчера нетвердой походкой к нашему столику подошла какая-то девица и уселась без приглашения. Сказала: «Я тебя знаю», и я долго вспоминал, откуда мы знакомы. Онни – дочь Виктории и Мерфи, та бедолага с пляжа. За последний год она здорово изменилась. Тогда она была вся в прыщах и в печали. Сейчас ярко красит глаза, на голове модные дреды. Выглядит лет на двадцать пять, хотя вряд ли ей больше шестнадцати. Мне стало ее жаль. Сказала, что ее выгнали из Бедейлс за сетевое хулиганство и распитие спиртного, а мамочка и папочка с позором услали ее в Корнуолл. Двуличные твари! Мог бы я рассказать ей пару историй про эту Аппетитную Тори, как называли ее парни из яхт-клуба, и что бывало с ней от пары бокалов шампанского. Бедная телочка! Представляю, каково ей живется взаперти с гувернанткой-иностраницей в качестве тюремного надзирателя – неудивительно, что она прикладывается к бутылке не подетски.

На ногах она не держалась, так что я подвез ее до дома. Хотя я и сам здорово перебрал, я опустил откидной верх и насладился гонкой по проселочным дорогам. Как сказал агент по продаже автомобилей, гоняй на ней как итальянец. То газ, то сцепление, мелькают придорожные кусты, на крутом повороте едва не слетел в кювет – в общем, сплошное развлечение. Онни – производное от Анна, говорит она. Ирландцы произносят его Айна. Языческая богиня лета, любви и плодородия. Какого черта! Так вот, этой Айне позволили вернуться в школу для сдачи выпускных экзаменов, которые «я так и так завалю, сдавать их – только время тратить».

Когда мы подъехали, гувернантка печатала на ноуте, не обращая ни малейшего внимания на состояние своей подопечной – пьяной да еще в сопровождении незнакомца. Я потянулся и открыл дверцу. Айна и с места не сдвинулась, самозабвенно вещая про свои дурацкие экзамены («Естествознание – предмет сдвоенный, а не раздвоенный, шутка, ха-ха!»).

Единственное, до чего ей есть дело, – живопись. Сказал, что чем больше будет работать, тем лучше оценку получит. «Не слушай тех, кто твердит про врожденный талант, – посоветовал я, умалчивая про свою давнюю обиду, – это все полная чушь».

– Думаешь, тогда я сдам? – спросила она. – Папа говорит, что я не справлюсь.

– Справишься!

Бросилась обниматься. Буквально кинулась мне на шею, обслонявила.

Едва вырвался, пообещав помочь с портфолио – это был единственный способ выставить ее из машины.

Допоздна работал над наброском Лиззи, стирал и рисовал заново глаза, пытался сделать как надо.

Позвонила Лиззи. Спросила, нельзя ли ей приехать в субботу. Хочет посидеть с детьми Пегги и навестить мать. Я не против?

Выдержал паузу, чтобы она прочувствовала.

– Ты меня слышишь? – встревожилась она.

Последние несколько дней я только и ждал, чтобы увидеть ее, прикоснуться к ней. Считал минуты до нашей встречи. Узнав о задержке, едва не врезал кулаком по стене.

– Лучше приезжай, как договаривались, – наконец выдавил я.

– Тебе одиноко? – спросила она.

Одиночка?! В компании Кулона и адерала, не говоря уже о часах, проведенных с Айне. Проблема не в одиночестве, проблема в том, что одного меня Лиззи недостаточно. Решила меня кинуть, как и остальные. Думал, она другая. Все еще надеюсь.

В последний момент вспомнил про ее цикл.

– Сегодня же одиннадцатый день! – воскликнул я. – Самое время для зачатия. Не стоит пропускать овуляцию!

Она вздохнула и согласилась приехать в пятницу.

– Мы ведь с тобой счастливы, – добавила она.

Это был скорее вопрос, чем утверждение. Сказал ей, что не хочу заморачиваться с докторами, с бесконечными анализами – что будет, то будет.

– Мы даже не догадываемся, насколько мы с тобой можем быть счастливы, – говорю я, – надо лишь постараться.

Онни снова провела весь день у меня, явилась без приглашения с яичником красок и альбомом для набросков. Тема ее проекта – сила, так что я подал ей пару идей, велел сосредоточиться на образах физической моци,

грубой силы, работе мышц и сделать коллаж, чтобы получить представление об особенностях техники. Она дала мне телефон своей матери, поскольку та просила позвонить и обсудить ее успехи. Оставил Онни трудиться над проектом и вышел в сад.

Судя по тону, Вик не очень-то рада, что ее маленькое сокровище путается с такими типами, как ваш покорный слуга.

– Заплачу за пару занятий, не больше. Закончите – пусть сразу идет домой, у нее много других дел.

Когда два часа истекли, Онни уходить не захотела. Пытался вернуться к работе, а она шлялась по студии, трогала мои вещи.

– Почему бы нам не зайти в дом? Хочу посмотреть, как ты живешь!

Сказал, что ничего не выйдет. Работал над морским пейзажем – одна горизонтальная линия над другой, – когда почувствовал на плече ее подбородок, влажные губы касались изгиба шеи, грудь прижалась к моей спине.

В кармане зазвонил мобильник: Виктория решила выяснить, куда подевалась ее драгоценная дочь.

– Ну же, отстань! – воскликнул я, отодвигая ее локтями. – Я счастлив в браке!

Нетипичное для меня самообладание. Лиззи должна понимать, на какие жертвы я иду ради нее!

Она опоздала на электричку. Задержалась. Энгус? Или еще кто, о ком я не знаю? Шутка! При мысли о том, как к ней прикасается другой мужчина, у меня в животе возникает пульсирующая боль.

Села в следующую электричку. Приехала за пару минут до полуночи. Метался по перрону, пока она не прибыла. Бежала ко мне навстречу, тащила за собой эту шавку, обвила меня руками. Учусь скрывать свои эмоции. Всю дорогу до Галлза я улыбался и разговаривал как ни в чем не бывало.

– Устала, дорогая? – спросил я. – Тяжелая неделя?

А самому хотелось схватить ее руками за шею. Вспомнил Полли.

На последнем подъеме уснула, как ребенок. Долго сидел с выключенным мотором возле домика, смотрел на нее. На колготках под коленками катышки. Над верхней губой легкий пушок. Черные ресницы на фоне голубых век.

Над нами визгливо вскрикнула сипуха. Неожиданно вспомнил стих, что учил еще в школе. Должно быть, общение с Онни навеяло. Помню, как готовился к сдаче экзамена по английскому. «О, если б мог сейчас я

умереть! Счастливее я никогда не буду»^[13].

Завтра сберище в большом доме – «просто коктейли», как выразилась Виктория. Не то что вечеринки, которые она закатывала прежде.

Хочу, чтобы Лиззи ни о чем не знала. Ни про Онни, ни про вечеринку. Она должна остаться в стороне от этого, иначе все, над чем я так упорно трудился, пойдет прахом!

Глава 14

Лиззи

Стелю постель на диване в кабинете, потом говорю Онни, что устала и собираюсь лечь пораньше. Сажусь на краешек кровати и чиню пиджак Конора, стараюсь успокоиться, методично протыкая иглой ткань. Слушаю, как Онни бродит по дому. В ванной она задерживается надолго. Стонут трубы, бежит вода, затем ее голос раздается в кухне – разговаривает с Говардом. Из кабинета доносятся скрипты и шорохи, наконец девчушка затихает. Судя по тому, что за дверью моей спальни стало темнее, свет она погасила.

Он бы не хотел, чтобы я была счастлива – только не без него. Онни права. Я и сама знаю. Мне пришлось научиться не смеяться во время разговоров по телефону, когда он находился в пределах слышимости. Когда Пегги вспоминала наше детство, поездки на море или на ярмарку, он замолкал надолго. Я быстро меняла тему или уводила ее подальше от темноволосых мальчишек, катавших нас на каруселях, на дешевые, но вкусные хот-доги, которые мы ели по дороге домой. Как правило, все было тщетно: когда мы оставались одни, он долго меня допрашивал. «Так что, эта пасхальная ярмарка проводилась каждый год? И парни всегда были одни и те же? Они тебя кадрили? Ты с ними целовалась?» Я пыталась обратить все в шутку и успокоить Зака. В детстве ему не хватало радости, поэтому он так не уверен в себе. В его плохом настроении виновата я! Со мной он всегда должен чувствовать себя любимым и защищенным. Я неправлялась.

Вряд ли он вернется, и мы начнем все сначала. Об этом стоит помнить! Он никогда не забудет то, что произошло между нами. Мне нужно знать, что он замышляет. Я хочу, чтобы ожидание закончилось.

За окном облака мчатся, сбиваются в кучи.

Ночью мобильный звонит дважды. Номер не определяется. Когда я отвечаю, звонящий бросает трубку.

На часах уже восемь. Я проснулась раньше, потом неожиданно для самой себя снова уснула. Отбрасываю одеяло. В доме тихо. Вдруг Онни уже встала и ушла, решив меня не будить? Однако в кабинете темно, на

диване кто-то спит. Подхожу, спотыкаюсь о ворох одежды на полу, трясу ее за плечо. Она ворчит, отмахивается от меня.

– Уйди! – бормочет она.

Распахиваю шторы, в комнату льется тусклый свет. На столе пустая кружка, рядом с нею – открытый ноутбук Зака.

Барабаню по клавиатуре. Экран загорается: панорама мыса Степпер и запрос пароля. Онни даже не пошевелилась. Лежит ко мне лицом, глаза закрыты. Мои пальцы легонько бегают по клавишам. Быстро пробую два варианта.

Сэнд-Мартин.

Онни.

Неверный пароль.

Онни потягивается, зевает. Тут же захлопываю крышку.

– Пора вставать! – говорю я, забирая кружку.

– Никуда не пойду! – ворчит она в полудреме. – Вы меня не заставите!

– Это тебе не школа! – смеюсь я. – Это «Шелби пинк»! Ну же, вставай!

Иду одеваться. На завтрак времени не осталось, поэтому по-быстрому завариваю чай и выпускаю Говарда в сад. Шатаясь, он выходит за дверь, задирает ногу над цветочным горшком и возвращается. Неуклюже врезается в стол, потом падает на подстилку. Еда в миске нетронута.

Опускаюсь на колени и гляжу на пса. Бедняга! Совсем я его запустила. Не до него мне было в последнее время. Поднимаю его голову и смотрю в глаза. Симптомы те же: апатия, неуверенная походка, потеря аппетита. В прошлый раз анализ крови ничего не показал. Убеждаю себя, что в этот раз тоже ничего серьезного. Как говорит наш ветеринар, собаки – большие ипохондрики. И все же я прикидываю, когда смогу отвести его к врачу.

Онни заходит в кухню в бриджах и в той же футболке с длинными рукавами, в которой спала. Волосы растрепаны, лицо помятое.

– Еще не оделась? – восклицаю я.

Она кладет телефон на стол.

– Вряд ли я сегодня пойду.

– Почему? Я думала, тебе очень хотелось пройти эту стажировку.

– Ну, стажировка как стажировка.

– Ты ведь говорила, что это отличный шанс, к тому же тебя выбрали из тысячи кандидатов!

– Мне не по себе. Там со мной никто даже не разговаривает!

– Понимаю. – Встаю, улыбаюсь как можно более сочувственно. – На новом месте мне тоже бывает неловко. Не знаешь, где что находится, постоянно спрашиваешь обо всем. Кажется, что все на тебя смотрят, и ты

пытаяешься сделать вид, что страшно занята: перекладываешь вещи на рабочем столе, сутишься.

– Я даже не знаю, что мне делать! – Она поднимает руки. – Мне, вроде как, нужно обзвонить всех поставщиков, чтобы найти образец кружева, который гармонирует с какой-то штукой по системе «Пантон». С пайетками или вроде того. А я даже не понимаю, о чем речь! Приходится все записывать и потом зачитывать.

Я смеюсь.

– К тому же мне ничего не заплатят!

– Зато получишь опыт. – Надеваю плащ, проверяю, взяла ли бумажник и ключи. – Работа бывает скучной, если ты занимаешься нелюбимым делом, и даже в этом случае ты все равно несешь ответственность перед другими людьми.

– Или ты работаешь на себя, как Зак! Он не отвечал ни за кого. Он был свободен!

– Только денег при этом не зарабатывал.

– Разве это важно?

– Важно, если хочешь жить в реальном мире. Он постоянно твердил про свою независимость, однако одно дело – рассуждать об этом, и совсем другое – применять на практике. Я к тому, что если тебе выпадает шанс получить опыт, то нельзя от него так просто отказываться!

Она трет тыльную сторону ладони кончиками пальцев, будто это самое важное из ее дел, и игнорирует мои слова.

– В любом случае, – говорю я с порога, – мне пора выходить, иначе опоздаю на работу. – Забегаю наверх за починенным пиджаком Конора, спускаюсь вниз. Я хотела выйти вместе с Онни, но она так и стоит в кухне. – Уходя, пожалуйста, запри дверь, ключ брось в щель почтового ящика. И вот еще что.

Она отрывается от руки.

– Прошу, перезвони мне сразу, как поговоришь с Ханной.

– Ладно.

Уже в коридоре я слышу ее слова:

– Пожалуй, мне лучше уйти и исчезнуть навсегда. Никто даже не заметит!

Я колеблюсь. Хочется сорвать раздражение и крикнуть: «Вперед, Онни! Попробуй, если сможешь!» Однако я сдерживаюсь. Кладу сумку и пиджак Конора на пол в холле, возвращаюсь в комнату. Она сидит, повесив голову, и ритмично пинает ножки стола – дошкольник в теле подростка. Опускаюсь на корточки, обнимаю ее.

– Не глупи! Подумай, как расстроятся твои родители и друзья, если не будут знать, где ты!

– Нет у меня друзей! – Она пытается отодвинуться. – Родители даже не заметят. Говорю же, дома всем плевать, чем я занимаюсь!

– Не говори так, – ласково бормочу я. – Наверняка они о тебе беспокоятся.

Она невесело смеется.

– Хоть кто-нибудь позвонил, пока я здесь? – Поднимает телефон, снова бросает. – Им на меня наплевать! – Поворачивается ко мне, глазки прищурены, губы горестно искривлены. – Все, до чего им есть дело – чтобы я их не опозорила, пока они выделяются перед прессой! В любое другое время отец не желает иметь со мной ничего общего!

– Уверена, что это не так, – говорю я.

– С чего вы взяли? Вы вообще ничего обо мне не знаете! И не хотите, чтобы я у вас жила! Да и с чего бы? Вы меня ненавидите, и я вас не виню.

– Почему я должна тебя ненавидеть? Не глупи! Хватит уже! – Я трогаю ее за плечо, приглаживаю растрепанные волосы, вынимаю перышко. – Ну вот.

– Почему вы ко мне так добры?

– Я не добра, просто... – склоняюсь, заглядываю ей в глаза, – я думаю, что тебе следует взять себя в руки и отправиться в «Шелби пинк». Сегодня ты будешь чувствовать себя более уверенной, все получится.

– Я не смогу! – Она трет глаза. – Я уже расстроилась.

На меня накатывает тоска.

– Ну и ладно, тогда посмотри телевизор или встретись с подругой.

По телу собаки пробегает судорога. Трогаю нос – сухой.

– Тоже чувствуешь себя неважно, – тихо говорю я и встаю. – Онни, к сожалению, мне пора идти. Я и так опаздываю. У меня куча дел, в обед придется вести собаку к ветеринару... – Делаю бодрую гримасу. – Удачи тебе!

– Я знаю! – восклицает она.

Я уже у двери.

– Знаешь что?

– Я присмотрю за Говардом! Буду за ним ухаживать. Если хотите, отведу его к ветеринару.

– Нет, правда, не стоит.

Говард лежит в странной позе: голова опущена, ребра ходят ходуном. Перевожу взгляд на Онни. Плакать она перестала.

– Идите на работу! Я о нем позабочусь, – говорит она с готовностью. –

Как только ему станет лучше, сразу вернусь в «Шелби пинк». Пожалуйста, позвольте мне за ним присмотреть!

– Он съел что-то не то, – говорю я.

– А если нет? Вдруг дело серьезное? Дайте мне номер ветеринара, я разберусь.

Не знаю, то ли меня беспокоит Говард, то ли мне жаль Онни, однако неожиданно для себя я соглашаюсь.

В школе что-то случилось. Понимаю это сразу. Центральная дверь закрыта, секретарша Мишель разговаривает в вестибюле с каким-то юношей и не улыбается мне, когда я прохожу мимо. Из кухни доносятся приглушенные голоса. Джейн и Пэт застыли у холодильника. Пэт прикрывает рот рукой. Глаза у Джейн красные и припухшие.

– Уже слышала? – спрашивает Джейн при виде меня.

– Нет. А что?

– Сэм.

Мне становится тревожно.

– Что с Сэмом?

Пэт склоняется вперед:

– Он в больнице. Ему здорово не повезло.

– Что с ним случилось?

– На него напали, – отвечает Джейн. – Сильно избили, повредили голову. Он без сознания.

– В больнице Святого Георгия, – добавляет Пэт. – С ним его бывшая жена, она и позвонила вчера Сандре.

– Дело серьезное?

– Да, думаю, что да, – кивает Джейн снова и снова, будто пытаясь себя успокоить. – Мишель звонила утром, он так и не пришел в сознание.

В груди нарастает страшное предчувствие.

– Когда?

– Сразу после того, как он вышел из паба, – говорит Пэт. – Его нашли в парке, по другую сторону моста, рядом с прудом. Уходя, он сказал, что собирается прямо домой, но...

– Он отправился меня провожать, – говорю я. – Шел дождь. У него был зонтик. Я сказала, что обойдусь...

Джейн смотрит на меня во все глаза.

– Расскажи полиции! – восклицает Пэт. – Возможно, ты последняя, кто его видел.

Зак

Июнь 2011

В тот вечер она плавала в бухте, которая образуется только при отливе.

На обратном пути из залива Дэймер мы шли вдоль утеса и столкнулись с Викторией и Мерфи. При мысли о том, что они упомянут «занятия» с Онни, меня охватила паника. Зря беспокоился! Виктория еще в юности считала всех, кроме себя, заурядными, а туристов – бездельниками, поэтому смотрела на Лиззи свысока и ограничилась обменом любезностями.

– Жаль, что вы не смогли прийти к нам на днях, – сказала она.

– Мы неплохо повеселились, – по-свойски добавил Мерфи.

– Приятные ребята, – заметила Лиззи, когда они ушли, и как ни в чем не бывало потащила меня по тропинке к морю.

Внизу было тихо и безветренно, она сбросила одежду и с визгом ринулась в прибрежную пену. К бедрам липли водоросли. Она ушла под воду, как дельфин, и вынырнула, отфыркиваясь. Бледная кожа, копна мокрых волос. Я поразился, до чего же ее внешность проста и все же запала мне в сердце. Если она переспит с другим, я ее убью. И его тоже.

Глава 15

Лиззи

Я наверху, в библиотеке, стою возле бокового окна и смотрю на серый парк и красные крыши Южного Лондона. Прислоняюсь лбом к холодному стеклу. Чувство вины распускает свои щупальца. Я сжимаюсь от страха, к которому примешивается нечто такое, от чего мне хочется биться головой о стекло, прикусив губу, пока из нее не брызнет кровь.

Я выманиваю Зака из подполья, заставляю действовать. Вроде срабатывает, хотя и ценой здоровья Сэма.

В коридоре раздается голос инспектора Морроу.

– Ох уж эти ступеньки! – ворчит она. – Если тут работаешь, то и в спортзал ходить ни к чему.

– Для коленей – смерть, – отвечает Мишель.

Сегодня Морроу в форме: галстук с узором «гусиная лапка», шляпакотелок с лентой с шахматным рисунком, под подбородком микрофон радиции. И только когда школьники встают и выходят из библиотеки, я замечаю рядом с ней высокого и угрюмого мужчину в джинсах и поношенной куртке. Инспектор Периваль, ее шеф. Он прислонился к дальней стене и скрестил руки на груди. Затем входит, кивает мне, но не садится. Подходит к шкафу с беллетристикой от А до К, делает вид, будто разглядывает книги, склонив голову набок и задумчиво подперев подбородок рукой.

Мишель предлагает им чай, кофе или воду, и Морроу, чья новая стрижка убрана в аккуратный хвост с помощью синей матерчатой резинки для волос и нескольких заколок-невидимок, отвечает:

– Хорошо, неси.

Периваль, все еще стоя к ней спиной, молчит, Мишель ждет (забыла, как его зовут, и не знает, как к нему обратиться), затем кривится и стремглав уносится прочь.

Морроу уже приходилось здесь бывать – наутро после того, как вломились ко мне в дом, однако она нерешительно мнется и заводит светскую беседу о виде из окна:

– Это «Кристалл палас»? Вот это да! Здорово похож на Эйфелеву башню.

Сегодня она держится чуть нахальнее, словно пытается показать, что мне не следует бояться присутствия ее шефа. Мы ждем возвращения Мишель, чтобы не отвлекаться потом, мне же хочется поскорее перейти к делу. Зака нужно остановить, пока он не натворил что-нибудь еще. Или прежде, чем что-нибудь натворю я.

Мишель толкает дверь подносом, я складываю книги в стопку, чтобы освободить место на столе.

– Печеньки! – объявляет она.

Морроу садится за стол и берет угощение.

– Ах, невозможно отказаться! – восклицает она.

Периваль тихо закрывает за Мишель дверь, садится с нами, перевернув стул спинкой вперед и положив на нее подбородок. Подобные жесты присущи тому, кто любит контролировать ситуацию или кому настолько скучно, что он готов на все ради хорошей встряски. Нижние швы на его джинсах растрепались, каблуки коричневых кожаных ботинок стерты с одной стороны.

– Ну что ж, – вздыхает он. Для него это рутинная проверка, с которой надо поскорее покончить. Он приглаживает свои редеющие волосы. – Инспектор Морроу говорит, что вчера вы последней видели Сэма Уэлхема.

Я объясняю, как все было. Он записывает. Брови у него густые, в волосах перхоть. Стараюсь придерживаться фактов. Упоминаю все относящиеся к делу подробности: погоду, поток пассажиров с электрички, несколько минут, проведенных на углу Дорлкоут–роуд.

– Мы говорили про моего пса, которому нездоровится. Потом спорили про зонтик. Сэм хотел, чтобы его взяла я.

– И вы взяли? – спрашивает Морроу.

– Нет. Ведь это его зонт. Я сказала, что ему он нужнее, чем мне. До моего дома было недалеко.

Периваль листает блокнот, зачитывает вопросы монотонно:

– По пути вы кого-нибудь встретили? Кто-нибудь вел себя подозрительно? За вами никто не шел?

– Только пассажиры электрички. Вроде бы никто из них особо не выделялся.

– При расставании мистер Уэлхем сказал, куда он направляется?

– Я полагаю, домой.

– Вы не в курсе, было у него при себе что-нибудь ценное?

– Нет. Только телефон. И бумажник, наверное. Их украл?

– Нет, – отвечает инспектор. – Ни телефон, ни бумажник не взяли.

Либо мы что-то упускаем, либо на него напали не с целью ограбления. Он

стал случайной жертвой хулиганства.

– Случайной жертвой? – восклицаю я.

Периваль не торопится с ответом, прищуривается и почти как ни в чем не бывало спрашивает:

– Вы хорошо знакомы с мистером Уэлхемом?

– Н-нет, не очень, – запинаюсь я. – Он пришел к нам в начале учебного года.

Периваль обхватывает спинку стула и разводит локти, будто водитель, налегающий на руль.

– Вам известно, почему кто-нибудь мог желать ему зла?

Бросаю взгляд на Морроу. Лучше бы она пришла одна. Момент решающий. Ей я могла бы рассказать все. Сердце бьется как сумасшедшее. Перевожу взгляд на Периваля. Вид у него такой самоуверенный, такой бесцеремонный.

– Нет, – неуверенно говорю я.

– Ясно. – Он встает, закручивает вращающийся стул и ставит его на место. – Думаю, на этом все, Морроу.

Она тоже встает, стряхивает крошки с губ. Периваль опускает руки по швам, пятки вместе носки врозь, кивает мне чуть более официально, чем прежде – прощается будто придворный, и выходит в коридор. Там он начинает громко разговаривать по мобильному.

Мой второй шанс. Времени мало! Если скажу ей сейчас, она поймает Зака до того, как он еще что-нибудь натворит.

– Он забавный, – тихо замечает Морроу. – Я бы с удовольствием пообщалась с его женой, чтобы узнать, как она с ним справляется. Кстати, ты-то как – в порядке?

– Не совсем, – отвечаю я. Горло перехватило, трудно дышать. Я едва не плачу. Произнести это вслух практически невозможно. – Мне нужно поговорить с тобой о Заке. Думаю, это он устроил. Я...

Она меняется в лице и тут же берет себя в руки.

Периваль все еще разговаривает по телефону. Громко хлопает дверь – Джойс Поплин из соседнего класса шумно выражает свое неодобрение. Звонок на урок вот-вот прозвенит.

– Устроил что? – спрашивает Морроу, сочувственно наморщив нос и чуть склонив голову.

Я молчу. Руки в карманах крепко сжаты.

– Мне стало известно, что его предыдущая девушка мертва. Погибла сразу после того, как они расстались. Несчастный случай.

– Что с ней произошло?

- К сожалению, не знаю.
- Как ее звали? – Морроу присаживается на краешек стола.
- Шарлотта Рид. Она жила в Брайтоне.
- Ясно. Инспектор Морроу! – Перивейл заглядывает в дверь. – Позвольте напомнить, что нас ждут в больнице.
- Что-нибудь случилось?

Периваль бросает на меня тяжелый взгляд, сам не свой от нетерпения. Проигнорировав мой вопрос, обращается к Морроу:

- Как-нибудь сегодня, желательно на этой неделе. Или у вас другие планы?
- Я вся в вашем распоряжении, – отвечает она и встает. – Есть подвижки?

– Звонил врач. Мы можем снять показания.

Я не сразу понимаю, что он имеет в виду.

– Сэм пришел в себя?

– Видимо, да, – отвечает Перивейл.

От облегчения у меня подкашиваются ноги. Опускаюсь на стул. Лучше промолчать. Надо доиграть свою роль до конца!

Это единственный выход.

Периваль смотрит на меня и трет щеки ладонью, оттопырив большой палец.

– ЧПОК, – внезапно говорит он.

– Что?!

– Ч: чем крепче держишь сумку и мобильный, тем лучше. П: подозреваете, что за вами следят, перейдите через дорогу, потом еще раз, и если подозрения подтвердились – идите в людное место. О: освещенные и оживленные улицы, никаких темных проулков и парков. К: кричите «пожар», а не «на помощь». В случае нападения это куда более эффективно.

– А, понятно. Спасибо!

– Это на тот случай, если вы снова решите прогуляться по темным улицам или паркам.

– Запомню ваши советы, спасибо.

Морроу выходит следом за ним, и полицейские направляются к лестнице.

Зак

Август 2011

Все было напрасно.

Не арт-галерея, а магазинчик с плакатами, вдобавок на задворках Бристоля, между обувным и кондитерской. Джон Харви, дружок Кулона, даже забыл, что мы с ним договаривались. Медленно просмотрел мои холсты, потирая подбородок и кивая с умным видом.

– Интересно, смело, оригинально, – поведал он. – Видно, вы можете многое сказать в живописи, но...

У таких, как он, всегда есть «но». Он не имеет ни малейшего представления о живописи! Не способен на прорыв. Говорит, его клиентам нужно не это. Слишком темно. Он готов рискнуть, «но...». Будь у него свободные средства, «но...».

Я молча стоял и наблюдал, как он извивается. Паук на булавке! Мелкий и тощий, бедра узкие, борода клоками. Джинсы и библейские сандалии. Я поразмыслил и понял: он не может себе позволить мои картины. Дурачил меня с самого начала, на пару с Кулоном. Мой кулак врезался в его челюсть прежде, чем я успел взять себя в руки. Он лежал на полу, держась за лицо, сквозь пальцы текла кровь. Я склонился над ним и сказал прямо на ухо:

– Если увижу твою рожу еще раз, ударю так, что до тебя мгновенно дойдет значение слов «слишком темно»!

Сразу поехал в Лондон. Единственное, что мне было нужно – Лиззи, держать ее в своих объятиях. Однако дом был пуст, не считая пса. Я пинал его до тех пор, пока он не заскулил и не спрятался под столом. Потом набрал ее номер раз десять, не меньше. Наконец она взяла трубку. Сказала, что еще в школе, ведь она мне якобы говорила, неужели я не помню? Ушла помогать шестиклассникам, которые хотели посоветоваться насчет поступления в колледж. Сразу рванул туда. Входная дверь была заперта, я стучал и стучал, никто так и не открыл. Сел на тротуар и стал ждать.

Когда она, наконец, сбежала по ступенькам в своих «приличных» туфлях и увидела меня, то покраснела до корней волос. Признаю, она быстро овладела собой. Бросилась ко мне, обвила меня своими тоненькими ручками, расцеловала мои разбитые костяшки. Сказал ей, что прищемил дверцей машины. Объяснил, как все было (по крайней мере, первую часть), она сказала, что мне не в чем себя винить, что я гениален, «чрезвычайно одарен», а тот парень – филистер. Ей не хватило ума скрыть то, что она думала на самом деле. Я в ее глазах прочел все.

Это уже слишком – разочарование, угасание веры в меня. Она должна была меня спасти! Я выбрал именно ее. Она для меня – все! А ее и дома-то

не было, когда я вернулся! Учеников подвести она не может, зато со мною это проделывает регулярно. Пора ей усвоить, как сильно она во мне нуждается. Вариантов нет. Я – ее единственный. В конце концов, она поймет. Нужно лишь продумать, как ей это доказать.

Зря я дал Онни свой адрес. Минутная слабость. Хотя эта грязная потаскушка все равно бы выследила меня.

Ей на руку сыграли две вещи. Во-первых, утром Лиззи не было дома – ее матери стало хуже, во-вторых, я находился внутри, когда она постучала. На этой неделе поработать так и не удалось: какая там работа после Бристоля! По правде говоря, я выбросил кучу картин, засунул их прямо в мусорку позади стадиона для собачьих бегов. Болтался по дому, стараясь не встречаться с псом, и тут на пороге появилась Онни – вся в слезах и от злости слова не могла сказать.

– Результаты! – наконец проговорила она, задыхаясь от рыданий.

Я не сразу понял, о чем она. Пришли результаты выпускных экзаменов. Три кола, две двойки, тройка и четверка.

– Что по изобразительному искусству? – спросил я.

Она вытерла нос о мое плечо и практически повисла на мне.

– Тройка. Прости! Четверка – за религиоведение. Бог его знает, как мне это удалось.

Я отпихнул ее.

– Иди учиться на викария!

Честное слово, я так выложился для этого экзамена! Какого черта! Мы столько работали над набросками по проекту «Сила». Тройка. И какой после этого вывод о моем таланте?

Она умоляла пустить ее в дом. Я был сыт по горло одиночеством и понятия не имел, когда соизволит вернуться Лиззи, поэтому махнул рукой и впустил ее.

Приготовил ей кофе. В кухне было чисто – я только что убрал оставшийся после Лиззи бардак. Рассказал Онни, какая неряха у меня жена и какой это для меня крест.

– Ненавижу беспорядок! – сказала она.

– Я тоже.

Собака путалась под ногами, я вытолкнул ее в сад и захлопнул дверь.

– Грязная тварь, – пробормотал я себе под нос.

– Ненавижу собак! – заявила Онни.

– Я тоже!

– Понятия не имею, зачем люди их заводят.

– Я тоже!

Мы рассмеялись.

Зазвонил мобильник – Лиззи. Повезла мать в больницу. Сидят там, ждут результатов анализов. Она не представляет, когда вернется. Одно предательство за другим. Если бы она прислушалась ко мне, если бы почувствовала, что нужна мне, и поехала прямиком домой – все было бы в порядке.

– Ты справишься? – спросила она. – Найдется, что-нибудь поесть?

Всю неделю разговаривает со мной как с ребенком. Не нужна мне ее жалость!

Что ж, простите, если не устоял перед Онни. Она сама на меня вешалась, все девчонки в ее возрасте такие. Стоило мне на нее взглянуть – томные глаза, изгиб юных губ, – и она кинулась сбрасывать одежду, разворачивать себя как подарок. Мы занялись этим прямо там, на полу в гостиной, потом поднялись наверх, в супружескую спальню. Упругая кожа, незнакомые формы. Вблизи выяснилось, что вокруг носа у нее мелкие прыщики. Волосы крашеные, поэтому на ощупь будто мочалка. Она лежала как бревно, ждала, пока я покажу ей, что делать дальше – слишком юная.

Стало ли мне легче? Маленькая победа. Все время думал о Лиззи, представлял ее лицо, ее нежные руки. Нет, легче мне не стало. Я был сам себе отвратителен и страшился того, что она заставила меня сделать. Люди заблуждаются. Не всегда месть бывает сладкой.

Глава 16

Лиззи

Открываю входную дверь, в доме тихо и пахнет полиролью. В лучах светильника в холле кружатся пылинки. Ни звуков музыки, ни телевизора. Ни клацанья когтей Говарда по полу.

Увидев меня на пороге кухни, он поднимает голову, но не встает.

Сажусь на корточки, гляжу его. В обед я созванивалась с Онни, и она сказала, что ему лучше. Она водила его к ветеринару, и он ничего не нашел. «Похоже, вы правы – съел что-нибудь не то». Однако сейчас пес дышит тяжело, взгляд мутный. Он поднимает переднюю лапу, чтобы я могла почесать ему живот.

– Эх, бедняга! Нездоровится? – В шерсти на подбородке попадаются седые волоски. Сколько ему лет – девять, десять? Это не возраст. – Ты еще не старый! – Он опускает голову на край корзинки, я чешу ему баки. – Мы тебя подлечим!

– Что бы вы делали без своей собаки?

Надо мной стоит Онни. Голос у нее глухой, тон странный.

– Господи, как ты меня напугала!

– Я дремала в гостиной. Услышала, как вы разговариваете, и проснулась.

На ней свитер, из-под которого торчат голые ноги, рукава натянуты до самых пальцев. Она проводит лицом по плечу, на бледно-голубой шерсти вышита маленькая эмблема – фазан.

– Ты надела свитер Зака!

Если прижать его к лицу, почувствуешь легкий запах «Аква ди Парма». Закрой глаза и представишь тепло кожи Зака. Сейчас аромат сильнее.

– Вы не против? – спрашивает она голоском маленькой девочки. – Надеюсь, что нет. Я замерзла.

Мне хочется сорвать с нее свитер, стянуть через голову.

– Ну что ты, грязя, – отвечаю я деланно бодрым голосом. – К сожалению, отопление включается дважды в день. Представляю, как тут стало холодно. Бедняга!

– Я переключила на постоянный режим, – отвечает она.

– Вот как! Удалось найти регулятор?

– Да, в вашем шкафу.

До меня доходит не сразу: панель управления спрятана в глубине полки и закрыта одеждой. Чтобы ее найти, пришлось бы обыскать весь дом. Вспоминаю про Говарда.

– Ветеринар и правда считает, что он поправится? Сейчас он выглядит неважко.

– Господи, да все с ним нормально! Ветеринар сказал, что это ерунда. На обратном пути мы прогулялись. Думаю, он просто устал.

– К какому доктору вы ходили?

Она пожимает плечами:

– Я не запомнила.

– Мужчина или женщина?

– Мужчина.

Внимательно смотрю на нее, потом перевожу взгляд на Говарда.

– Даже номер моей кредитки не спросили?

– Нет. Говорю же, мы там были буквально несколько секунд.

– Ясно. Спасибо.

Говард лижет бок снова и снова, видно, он его беспокоит. Я почти уверена, что она лжет. Если обвиню ее открыто, а она говорит правду, то выставлю себя не в лучшем виде. Сначала проверю. Позвоню ветеринару и выясню. Встаю и потягиваюсь как ни в чем не бывало.

Онни вроде бы ничего не замечает. Сидит на стойке и болтает ногами.

– Люди так носятся со своими питомцами... никогда не смогу их понять! – непринужденно восклицает она. – В прошлом ноябре в Корнуолле умер один такой. Прыгнул в реку, чтобы спасти свою собаку. Собака выжила, он утонул.

– Пожалуй, я сделала бы то же самое. Залезла бы на скалу, прыгнула в реку. В момент опасности нет времени на раздумья.

– Жаль, что у вас нет детей, – говорит Онни, натягивая свитер Зака на колени. – Вы были бы хорошей мамой. Обидно, что вам ею не стать.

Отворачиваюсь, пытаясь быть выше ее невольной бес tactности, протягиваю руку к чайнику. Он пуст. Онни снова передвинула его обратно к холодильнику. Нажимаю кнопку «включить».

– Сегодня я снова наводила порядок! – сообщает девчушка и вытягивает ящик со столовыми приборами с такой силой, что содержимое громко брякает. – Опля!

Меня захлестывает волна негодования. Если она занималась уборкой и не водила собаку к ветеринару, то она не просто неисправима, она – чокнутая!

– И это еще не все! Идите за мной!

Онни несется в коридор, театрально раскинув руки. Я иду следом, она распахивает дверь в гостиную.

– Я тут занялась фэншуй!

Оглядываю комнату. Мебель передвинута. Диван теперь не у окна, а у стены напротив камина. Стол вернулся к эркерному окну, на нем лампа.

– Где мой ковер?

– Простите! Пролила на него кофе, пыталась отчистить, стало только хуже. Я его скатала и сунула за диван. Зато отполированный паркет такой славный! Вам нравится, что я сделала, или я снова проявила бесцеремонность? Ведь так гораздо лучше, признайте!

Свитер Зака сполз с ее плеча. Ошеломленно смотрю на гладкую кожу и очертившиеся под нею мышцы.

Ощущаю странное покалывание в лодыжках.

Уже на лестничной площадке слышу голос Онни.

– Погодите! – кричит она. – Это сюрприз!

– Минуточку.

Дверь в спальню закрыта, я распахиваю ее и снова захлопываю. Прислоняюсь к ней спиной. Старый знакомый аромат – «Аква ди Парма». Ничуть не выветрившийся, сильный и резкий запах, распыляли недавно. Сегодня Зак вряд ли заходил в спальню. А вот Онни тут была. Пришла поискать терморегулятор, надела свитер Зака и надушилась его лосьоном после бритья. Вспоминаю ее вопросы, ее попытки проникнуть в дом и то, как хорошо она знает привычки Зака. В глубине души раздается тревожный звон – страшное подозрение, о котором не хочется и думать.

Бросаюсь к шкафу, открываю. Моя половина в привычном беспорядке, зато в вещах Зака основательно покопались. Рубашки развесаны по цветам, джинсы висят отдельно от костюмов. На полках аккуратными стопками лежат свитера, футболки и нижнее белье, носки свернуты попарно. Подставка внизу тщательно протерта, и вся обувь – коричневые замшевые ботинки, поношенные кроссовки и кеды, запомнившие форму его ступней, – стоит ровно, почищенная кремом.

Она трогала его вещи, одежду, которая касалась его тела! Раскладывала ее, гладила... Снимаю джинсы с вешалки, швыряю на пол. Расстегиваю перламутровые пуговицы рубашки от Пола Сmita, прижимаю ткань к лицу. Вспоминаю, что Онни говорила про Зака, как хорошо знала его характер. Он держал репетиторство втайне от меня. Зачем, если только ему не было что скрывать?

Сажусь на кровать и жду, когда перестанет кружиться голова.

Спускаюсь обратно в кухню. Онни неподвижно сидит у стола, колени прижаты к подбородку. Увидев меня, поворачивает лицо. В ее глазах надежда или беззащитность? Не знаю.

– Спасибо за уборку, – говорю я. – Однако мне крайне неприятно, что ты трогала мои вещи и вещи Зака.

Она отводит взгляд.

– Я только хотела помочь.

– Нельзя так нагло вторгаться в чужую жизнь!

Онни чешет ладонь, опустив голову.

– Ну, уж извините, – говорит она без тени раскаяния.

Сейчас я попрошу ее уйти. Никакие извинения не помогут. Через несколько минут ее уже тут не будет, я останусь одна. И не придется мириться с ее странностями. Я перестану казаться себе неадекватной, ничего не буду подозревать, ни на кого не буду злиться. Приняв решение, чувствуя себя гораздо лучше и увереннее:

– Скажи-ка мне вот что: при чем здесь Ханна? Она твоя подруга? Или ты лжешь, что ее знаешь?

Она заливаются краской:

– Нет.

– Нет – что? – Я не нападаю, говорю твердо и четко. При этом вижу себя как бы со стороны: ноги широко расставлены, руки сложены на груди.

– Нет, я не лгу. – Она по-прежнему на меня не смотрит, лишь смахивает что-то со щек. – В любом случае, – добавляет она срывающимся голосом, – я хотела как лучше!

– О чем ты?

Онни поднимает голову. Синие глаза наполнены слезами. Их-то она и вытирала.

– Об уборке. Мне хотелось сделать это для вас, чтобы загладить вину.

– Вину за что?

Она протягивает ко мне руки, видит, как я меняюсь в лице, и обхватывает ими голову.

– Я так по нему скучаю! – Голос ее дрожит. – Поверить не могу, что его здесь нет!

Я стою неподвижно.

– Зак был для тебя не только репетитором? – спрашиваю я, с трудом выговаривая слова.

Она не отвечает.

– Не только другом? – Я все еще пытаюсь убедить себя. Просто она была в него влюблена, вот и все. Зациклилась на нем, была им очарована –

так уж он действовал на людей. Со мной было то же самое. Он никогда бы этим не воспользовался, даже будучи в самом дрянном расположении духа. Нет! Она и сейчас слишком юная. На момент гибели Зака она была совсем ребенком.

Онни втягивает голову в плечи и смотрит на меня из-под ресниц совсем другим взглядом. На ее лице появляется недетское выражение, которое мне нестерпимо хочется стереть.

– Он был таким обаятельным, – помедлив, говорю я. – К тому же гораздо старше тебя.

– Неважно!

Она отвечает слишком быстро. Голова опущена, лица не видно. Внутри все переворачивается от гнева. Плечи пронзают острые боли, будто на них навалился кто-то тяжелый. Мне кажется, что я упаду в обморок. Зак и Онни. Да как он мог?

– У нас была связь.

– Какая такая связь? Ты имеешь в виду секс?

Она издает неловкий смешок, будто я ее шокировала. Как эта бессердечная хамка посмела сунуться ко мне на кухню со своими ничтожными жалобами на нелюбовь родителей, и это при том, что она спала с моим мужем?! Спала с моим мужем!

– Ладно. – Внешне я совершенно спокойна. Она и понятия не имеет, что я чувствую на самом деле. – Так я и думала. Когда это началось?

Она говорит голосом маленькой девочки. Если она пытается меня разжалобить, ей это не удастся.

– В тот день, когда я узнала результаты своих выпускных экзаменов. В августе 2011-го.

– И где вы этим занимались?

– В смысле?

– Где вы трахались?

Она морщится, выпятив нижнюю губу.

– Значит, здесь, в моем доме?

Она кивает. Я отвлеченно думаю, что это многое объясняет: она прекрасно знает, как работает водопровод, где находится панель управления отоплением, где лежат кухонные полотенца.

– Ясно. И сколько это продолжалось?

– Мы были вместе всего несколько раз. Он порвал со мной из-за вас. Сказал, что любит. Честное слово!

– И сколько раз вы виделись после этого? – произношу я, не в силах скрыть горечь.

– В каком смысле? Мы не виделись вовсе. – Она хмурится и качает головой.

Я встаю. Зря я проговорилась!

– В каком смысле? – повторяет Онни. – Почему вы держите в шкафу его вещи? Вы говорите о нем в настоящем времени, будто он до сих пор здесь живет.

Говард поднимается на ноги, поворачивается и со стоном плюхается обратно в корзину.

– Ты водила Говарда к ветеринару? – спрашиваю я. – Или солгала мне?

Она закрывает лицо и глядит на меня сквозь пальцы.

– Черт побери, Онни!

Она снова плачет, на сей раз тише, не отрывая ладоней от лица.

– Я все порчу! – говорит она. – Поэтому меня никто не любит.

Не хочу затягивать сцену. Еще немного, и я начну ее жалеть. Я слишком расстроена. Места для других эмоций не осталось. Как она посмела? Как посмел он? Он забрасывал меня обвинениями, беспрестанно подозревал, а сам в это время мне изменял! Я же была ему верна.

Ломаю руки, губы дрожат. Онни за мной наблюдает. Сжалась от испуга, словно не знает, чего от меня ожидать. По юным тощим ногам бегут мурashki. И мне становится ее жаль. Ничего не могу с собой поделать. Она не виновата. От нее ничего не зависело. Она была во власти Зака. Он притягивал ее к себе до тех пор, пока ей ничего иного не оставалось. Единственное, о чем она могла думать, – он. Онни его любила. Была одержима им так же, как и я. Кроме меня, лишь она знает, каково это. Делаю два шага и неловко ее обнимаю.

Она что-то бормочет, я не разбираю слов.

– Что ты сказала?

Она поднимает голову, обхватывает меня руками.

– Иногда я режу себе вены. Эмоции накатывают, и по-другому мне с ними не справиться. После смерти Зака стало совсем худо.

Я беру ее за запястья и осматриваю красные полосы.

– Тебе нужно обратиться за помощью!

– Уже обратилась. Последний доктор выписал антидепрессанты, но они особо не действуют. Единственное, что делают мои родители, – оплачивают все это.

– Ну, тогда ты должна помочь себе сама. Выясни, чего ты хочешь добиться в жизни, иди к своей цели! Ты молодая и талантливая, «Шелби пинк» выбрала тебя из сотен кандидатов!

Она кладет голову на стол.

– Вы очень добрая!

– Не думаю.

– Теперь вы все знаете, и я больше не смогу у вас оставаться?

Мне хочет закричать изо всех сил «Нет, конечно, нет!». Сдерживаюсь. Киваю.

Онни встает, поднимается наверх за вещами. Жду ее у порога, она спускается по лестнице, держа свой рюкзак обеими руками.

– Ладно, – говорю я. – Дорогу на станцию знаешь?

– Ага.

– С тобой все будет хорошо?

– Ага.

Перед тем как уйти, она снова делает тот странный жест: быстро трет указательным пальцем кожу между бровями. Кладу руку ей на плечо.

– Мне очень жаль, – говорю я.

– Вы о чем?

– О Заке и о вреде, который он тебе причинил.

Она поворачивает ко мне свое кукольное лицико.

– Я хотела понять, что он в вас нашел. Потому и пришла.

– Поняла? – спрашиваю я, но она уже вышла на улицу. Если у нее и был для меня ответ, я его так и не услышала.

Ночью, лежа в постели, думаю вовсе не о том, о чем надо. Ее волосы на его лице, его руки на ее теле. Нравилось ли ей то, что он с ней делал? Его глубокие, жадные поцелуи? Доводил ли он ее до того предела, где желание перемешивается со страхом?

В глубине души я всегда знала. За неделю до Рождества, вернувшись из школы, я обнаружила в раковине два стакана для виски. Помню, как стояла и смотрела на них. По коже бежали мурашки. Кран тек, вода разбрзгивалась. Весь месяц Зак вел себя странно, руки мыл чаще, чем обычно. Стал налегать на выпивку. Под его подушкой я постоянно находила таблетки. Перестал отвечать на мои звонки в течение дня.

Зак сидел за столом и лихорадочно печатал на ноутбуке – заметки для картины, как сказал он.

– Ты с кем-то встречаешься? – спросила я.

Он накинулся на меня с ответными обвинениями, заявил, что у меня паранойя, что это свидетельство моей вины.

– С кем ты трахаешься? – заорал он.

Я устыдилась своих подозрений.

Зря он мне не сказал. Тогда еще не было слишком поздно. Испытывай

он хоть малейшие угрызения совести – я бы тут же его простила. И свою вину тоже признала бы, ведь это я перестала как следует о нем заботиться.

Я бы сразу легла с ним в постель. В его руках я была беззащитна. Стоило ему ко мне прикоснуться, и я теряла над собой контроль.

Ну, теперь я знаю. Хотел ли он, чтобы я все выяснила? Онни сказала, что он расстался с ней из-за меня. А потом я сообщила ему, что ухожу в никуда. Его мне стало недостаточно либо он не был тем самым. Мне обидно, и в то же время я чувствую свою вину. Теперь он отомщен. Правда должна была всплыть.

Крючок на шторе соскочил, через щель виднеется окно. Встаю с постели, становлюсь на стул, чтобы прицепить его на место, вытягиваю руки и смотрю на сад и дома за ним.

Зак

Октябрь 2011

Онни говорит, что я «лучшее, что случилось с ней в жизни». Предполагается, что она готовится к пересдаче в колледже Эшер, и никто не следит, там она или нет. Заходит ко мне на студию почти каждый день. Нельзя сказать, что она сильно мешает. Я не работаю уже несколько недель. Самый обычный секс – очень даже неплохо. Что меня бесит, так это дурацкие стереотипы!

Я – «мужчина ее мечты».

Пытаюсь с этим покончить. Лиззи догадывается. Я мечусь в панике и ярости. Если бы она поняла! Если бы только перестала флиртовать с кем попало. Знаю я, чем она занимается в этой своей школе – несется туда вся из себя озабоченная… В Корнуолле мы были бы счастливы. Если я буду чувствовать себя с ней в безопасности, то никакая Онни не понадобится. Я стану лучшим мужчиной на свете – красивым, добрым, сексуальным. Другие люди все портят! Нам нужно уехать. Обеденные свидания с Онни – целиком на совести Лиззи. Она не желает увольняться с работы. И мать тоже не бросит. Что за чушь! Старуха не в себе, особенно после пневмонии. Даже собственных дочерей не узнает. И еще ее сестра – бедняжка снова беременна. Да сколько чертовых детей им нужно?!

Лиззи мечтает о ребенке. Мы «пытаемся». Заставляю себя изображать интерес, сосредоточенно изучаю тесты на овуляцию, самому же хочется схватить ее за плечи и как следует встрихнуть. «Почему тебе не достаточно меня? – спросил бы я. – Зачем тебе ребенок, ведь у нас и так все есть?!»

Разумеется, ничего подобного я не сделаю. Она должна сама прийти к такому выводу – это проверка ее любви. Сказал ей, что пусть все идет своим чередом. Жду, когда она осознает свои ошибки и поймет, что счастье – в ее руках. И все наладится. Если она забеременеет, это тоже станет своего рода доказательством. И кое-кто заплатит! Если она не прекратит, не примет нашу жизнь такой, как она есть, это станет доказательством ее отчуждения.

От пса придется избавиться. Она не понимает, какая это обуза, сколько внимания он требует. Употребление смеси темазепама и валиума приводит к летальному исходу. (Я проверил в «Гугле».) Тупая шавка наворачивает жратву, ни на что не обращая внимания. Пока пес просто сонный и немного шатается, но у моей смеси кумулятивный эффект, к тому же она не выявляется при анализах. Лучше так, чем несчастный случай со смертельным исходом. Лиззи будет медленно привыкать жить без него и сама не заметит, как он уйдет из ее жизни.

Только что звонила Онни.

– Для тебя я готова на все, – заявила она. – Только скажи!

Глава 17

Лиззи

На следующий день я сажаю Говарда в машину и везу к ветеринару. В приемной он кажется активным. Под рекламными плакатами лакомства «Мини-косточка» и набитыми мятой игрушечными мышами «Веселая киска» тянут собаки, кошки сидят в переносках. После тяжелой ночи я чувствую себя здесь как в мультишной версии реального мира.

Ветеринар не знает, что с Говардом не так. Берет кровь на анализ, делает витаминный укол и советует давать ему больше жидкости. Должно быть, какой-то вирус или съел что-то не то. Ласково треплет его за уши.

– Мы, ветеринары, называем эту болезнь «помойный гастроэнтерит».

Отвожу собаку домой, в школу опаздываю, но никто вроде не замечает. Комиссии еще не было, в воздухе чувствуется ожидание. В кухне болтают поменьше. Большинство учителей заняты наведением порядка в классах и доработкой поурочных планов. Мишель собирает деньги на подарок Сэму, которого уже перевели из реанимации в обычную палату. Заказали цветы, пустили по кругу открытку.

В обед покупаю в столовой сэндвич и ставлю стул у окна библиотеки. Старая привычка. Зак иногда ждал меня снаружи, под деревом. Идет занятие по кикбоксингу: женщины в лайкре выстроились в ряд и машут ногами. В сторону детской площадки движется нестройная цепочка маленьких девочек в хлопчатобумажных сарафанчиках – местная ясельная группа. Вдалеке, в сени яворов, прогуливается влюбленная парочка. До сих пор не могу поверить, что жизнь вокруг меня продолжается.

Из школы ухожу пораньше, по пути домой навещаю маму. Она капризничает и отказывается от еды. Нелегкое дело – убедить ее попробовать запеканку из мяса с картофелем. Она трижды спрашивает, кто я такая. «У меня есть дочь, – говорит она, презрительно качая головой, – и это не ты!»

Медсестра говорит, что в понедельник заходила Пегги.

– Она привозила твою милую внучку, – напоминаю я. – Как ее зовут?

Мама застенчиво улыбается и не отвечает.

– Хлоя, – говорю я. – Ее зовут Хлоя, верно? А двух старших – Алфи и

Гасси.

Она никак не реагирует, и меня это сильно огорчает. Она хочет посмотреть телевизор, я медленно веду ее в комнату и включаю маленький аппарат, который мы ей купили. Идет шоу «Бессмысленно», и она охотно глядит на экран. До болезни она терпеть не могла викторины. Представляю, как Айрис Мердок смотрела «Телепузиков» в доме престарелых. Глажу маму по голове, наливаю чашку черного чая и ненавязчиво ставлю перед ней.

Хожу по комнате, останавливаюсь возле полки. Сколько фарфоровых домиков здесь должно стоять? Было шесть – одного не хватало, я помню. Теперь их только четыре. Маленький белый шестиугольный домик с поросшим мхом садом и крышей в форме зонтика тоже пропал. Опустившись на колени, шарю руками по полу, одергиваю шторы и осматриваю подоконник на случай, если его поставили туда. Домика нет.

Зак терпеть не мог эти домики. Он считал, что они слишком искусственные. Я объяснила, что мне они напоминают о детстве, он же заявил, что тоска по прошлому – слабость, которую я должна в себе уничтожить. Что он хочет мне сказать, убирая их один за другим?

Снова осматриваю полку на случай, если он завалился за книги – подборку романов Джорджетт Хейер, которую мама так любила, когда еще могла читать.

Домика нет нигде.

Зак

Ноябрь 2011

Голова болит постоянно. Снова не сплю. Увеличил дозировку. Ничего не помогает. Меня трясет, я на грани срыва. Перепады настроения участились. Не могу ни на чем сосредоточиться. Похоже, это из-за темазепама. Те колеса от Кулона – я в них здорово сомневаюсь. Когда берусь за кисть, рука дрожит. Сил нет. Глаз дергается. Представляю, как кладу краски на холст, но едва доходит до дела – страх ошибки меня буквально парализует. Поэтому просто сижу, либо мечусь по комнате, либо сношаюсь с Онни.

– Как там твоя картина? – спросила вчера ночью Лиззи таким тоном, как говорят: «Как там ваш несчастный умирающий ребенок? Все еще на диализе?» Спросила, склонив голову набок. Раньше она умоляла показать картины, взять ее на студию. Раньше она считала меня гением, титаном.

Теперь она утратила веру в мой дар. Она понятия не имеет, что происходит в моей жизни.

Она с кем-то встречается? Постоянно упоминает Пэт и Энгуса. С Энгусом я разобрался. Кто такой этот чертов Пэт?

Пока она в школе, я копаюсь в ее ноутбуке. В истории просмотров в браузере ничего. Никаких компрометирующих писем. Может, она завела еще один ящик на работе? Открываю всю ее почту и регулярно обыскиваю сумку. Улик нет. Она слишком умна.

Вчера вернулась домой поздно. Внутри поднялась горячая волна, будто из моей глотки пытаясь вылезти змея. Я сделал вид, что ничего не случилось, пусть сама догадается, чем она меня расстроила. За ужином она взяла тарелку и ушла в другую комнату.

Досчитал до шестидесяти, пошел следом.

Лиззи сидела за столом в гостиной – в эркере, куда я его передвинул. Тарелка была пуста. Собака разлеглась у ее ног.

Спросил, что она делает. Она улыбнулась и ответила, что видит, как сильно меня раздражает, как я морщусь каждый раз, когда она жует, есть еще тише у нее не получается, поэтому она отправилась в другую комнату.

Она загнала меня в ловушку, она меня перехитрила! Слова полились сплошным потоком. Я сказал ей, что она меня позорит, что она нисколько за собой не следит. Другие жены не флиртуют со всеми подряд на глазах у мужа. Они бреют ноги, делают эпиляцию воском, пользуются косметикой. У многих женщин на студиях – накладные ресницы. У нее на щеке – родинка, и если она думает, что выщипала из нее все волоски, то сильно ошибается – вокруг нее целая чаща волос!

– Кто такой Пэт? – крикнул я. – Скажи мне, кто это!

– Ты пьян, – ответила она. – Когда ты начал сегодня? Сколько уже выпил?

Я разразился бранью. Подумаешь, немного перебрал! Да и кто бы в подобной ситуации посмел винить меня? Ни один мужик бы не выдержал! Разве удивительно, что я у нее первый настоящий любовник? Она же совсем за собой не следит! Какой она будет матерью? Она сидела молча. На стол упала слеза, она вытерла ее рукавом кардигана.

Новый кашемировый кардиган, который я купил сам! Бледно-зеленого цвета, что так идет к ее глазам. Она меня не уважает, если так безобразно относится к моим подаркам! Принялся расставлять на каминной полке фотографии в рамках, вытер пыль с телевизора. Нож и вилку она бросила как попало, не под тем углом. Положил правильно. Посмотрел на нее. Она пыталась перестать плакать. Склонился, чтобы погладить ее по лицу,

вместо этого изо всех сил ушипнул за нос.

Позже она пришла, села на край кровати, не хотела меня касаться. В конце концов все-таки легла. Пыталась заговорить, но я не дал. Закрыл ей рот поцелуями, раздел, пообещал никогда так больше не делать. Мое детство. Мое прошлое. Мы созданы друг для друга. Только она и я. Особая связь. Так, как мы понимаем друг друга, нас никто никогда не поймет.

– Не покидай меня, – шептал я ей на ухо. – Если ты от меня уйдешь, то даже не представляешь, что я сделаю!

Внизу лаял запертый на кухне пес.

Глава 18

Лиззи

Пустой дом – одновременно облегчение и разочарование. Если Онни стала помехой для Зака, то теперь он должен появиться. Либо я обнаружу у порога осколки глиняной посуды. Либо будет еще одно разбитое окно. Еще одна мертвая птица. Еще один знак.

Ничего.

Пес встречает меня у двери. Наконец-то ему полегчало настолько, что он смог встать. Когда я его гладжу, он виляет хвостом, потом ходит за мной по дому. Сначала проверяю гостиную. Все так же, как и при Онни. Стараюсь, как могу, чтобы от ее уборки и следа не осталось. Передвигаю мебель, бросаю диванные подушки на пол. Сшибаю стул. Стелю обратно уродский красный ковер. Пятен от кофе нет; видно, он ей просто не понравился.

В кухне ставлю чайник обратно под полку, где мне удобно. Наливаю себе вина, иду в кабинет. Онни там приберется, но нет. Постель грудой валяется на полу, подушки сверху. Белье бросаю в стирку, диван складываю. Закончив, сажусь за стол с бокалом в руках, собираюсь попробовать подобрать пароль к компьютеру Зака.

Глазам своим не верю! Стол пуст.

Ищу на полу, на полках. Заглядываю в каждый ящик.

Неужели я сошла с ума? Неужели мне кажется? Сначала фарфоровый домик, теперь ноутбук. Неужели у меня опять провалы в памяти? Обыскиваю спальню, смотрю под кроватью, на первом этаже, на втором. Снова заглядываю под стол.

Ноутбук был включен в розетку в стене.

Он приходил и забрал ноут?

Мысли заполняют мою голову. И тут я вспоминаю, как уходила Онни – прижав к груди набитый вещами рюкзак.

Хватаю телефон, набираю ее. Голосовая почта. Оставляю сообщение.

– Я знаю, что ноутбук Зака забрала ты! Верни его сейчас же!

Вешаю трубку, руки дрожат.

Раздается шум. Поднимаю голову. Входная дверь. Не звонят – стучат. Грохочет почтовый ящик.

Бегу вниз.

В нескольких футах от двери стоит инспектор Периваль: ноги на ширине плеч, руки в карманах джинсов.

– Мисс Картер? Я вам не помешал?

– Нет.

Он заправляет за уши редеющие пряди волос. По обе стороны рта у него глубокие морщины. Будто их прочертили ручкой. Похожи на шрамы.

Распахиваю дверь. Он заходит, пригнув голову. Протягиваю руки за курткой, он сбрасывает ее движением плеч. От нее пахнет холодным воздухом, сыростью и какими-то химикатами. Как можно медленнее вешаю куртку на перила. Мы проходим в гостиную.

Поднимаю с пола подушки, кладу их обратно на диван, потом ставлю опрокинутый стул. Сажусь на него, жестом приглашаю инспектора располагаться за столом напротив меня.

Периваль садится, оглядывает комнату и смотрит на меня.

– Неплохой декор, – говорит он. – Довольно аскетично.

– Да.

– Интересный цвет. – Он гладит стену. – Подумываю о ремонте. Как он называется? Серовато-белый? Бледно-серый?

– Серо-голубой под названием «гаснущий свет».

Инспектор опускает уголки рта в насмешливом удивлении.

– Надо запомнить!

– Вы живете неподалеку? В смысле, вы просто мимо проходили?

– Неподалеку, – кивает он. – В Баттерси. По другую сторону от станции Клэпхем. Если быть точным, в Уинстенли.

– Я жила там в детстве, – говорю я.

– Надо же! Меня уверили, что район развит. – Он складывает руки, будто в молитве. – Извините, если потревожил. Ничего такого, просто кое-какая мелочь не дает мне покоя.

Мелочь?

– Вчера вы просили Морроу узнать подробности смерти одной молодой женщины. Шарлотты Рид.

– Да. Вы знаете, что с ней произошло? Вроде бы несчастный случай. Автомобильная авария?

– Не спешите. – Он проводит пальцами по столешнице, трижды стучит по дереву. Поднимает взгляд к потолку. – Двадцать пятое декабря 2011 года. Рождество. Воскресенье. В полицию поступил вызов по поводу нарушения общественного порядка. Сосед услышал громкий шум и крики. Когда инспектор Эванс прибыл на место, данная женщина вроде бы упала с

лестницы.

– Так.

Сделав паузу, он говорит:

– Вот так.

– Вот так, – эхом повторяю я.

Инспектор обводит глазами комнату, стараясь не глядеть на меня. Я пытаюсь смотреть перед собой. Ему не удастся втянуть меня в свою игру. Я обещала Заку. Не стоит все усложнять.

Ночь, о которой он говорит... Это было только между ним и мною тогда, то же самое и сейчас: кроме нас это никого не касается.

– В этом году я побывал на самых разных курсах. Наказание за последнее дело: сработал недостаточно эффективно. Инстинкты меня подвели. – Он поднимает брови и выпячивает нижнюю губу. – Ох уж эти курсы! Прикладная криминология, огневая подготовка, работа с базами данных... Пустая трата времени! С другой стороны, короткая стажировка по работе с пострадавшими от насилия в семье (часть тренинга по гендерному равноправию) оказалась необыкновенно увлекательной. Когда я слышал про женщин, живущих в атмосфере постоянной жестокости и насилия, то всегда недоумевал: почему бы им просто не уйти? А вы?

– Чего?

– Не задумывались об этом?

– Вероятно, нет.

– Я скажу вам, почему они не могут уйти. Часто у них возникает иллюзия, что их отношения «особые». Их партнер сам мог в свое время быть жертвой насилия, поэтому женщина ищет ему оправдания и во всем винит себя.

– Понимаю.

– Также жертва боится неизбежного обострения ситуации. Ее затягивает прежде, чем она успевает понять, что произошло. Ей кажется, будто она заслуживает это, что она вступила с ним в сговор. Поначалу угроза, исходящая от агрессивного партнера, не всегда физическая. Она может быть психологической, эмоциональной, сексуальной...

– Похоже, стажировка пошла вам на пользу.

– Однако заканчивается все старой доброй физической расправой.

Мне хочется, чтобы он замолчал. Я больше не хочу его слушать. Улыбаюсь.

– Не понимаю, какое это имеет отношение ко мне.

– Не понимаете, – повторяет инспектор и медленно мигает. – Ладно.

– Вы закончили? – Я меняю положение, опускаю затекшие руки. С

улицы доносятся взрывы смеха. Гудит машина.

– Нет. – Он внимательно смотрит на меня. – Итак, Шарлотта Рид. Коронер пришел к выводу, что она поскользнулась. Неплотно закрепленная на лестнице дорожка. Точнее, циновка. Девушка жила на верхнем этаже. Ступеньки были крутые, она упала головой. Причина смерти – черепно-мозговая травма. К сожалению, в здании она была одна. Если бы соседи не уехали на праздники, ее нашли бы раньше...

Качаю головой.

– Кстати, она ждала ребенка, – небрежно добавляет он.

У меня нет слов. Хватаюсь за стол, чтобы не упасть.

– Не от Зака! – наконец говорю я. – Только не от Зака!

– Нет. Возможно, нет. В тот момент он уже не был ее партнером.

– Я не понимаю, к чему вы мне все это рассказываете!

Он откидывает голову назад и щурится. Потом вновь склоняется вперед и налегает на стол.

– Правильно ли я понял следующее: вы сказали Морроу, что считаете, будто ваш муж сымитировал собственную смерть и все еще жив?

Стараюсь говорить ровным тоном:

– Иногда мне так кажется.

– Вы его боитесь?

Боюсь! Слишком простое слово.

– Вряд ли это вас касается!

– Ладно. – Инспектор встает, небрежно потягивается. Я веду его в коридор, вручаю ему куртку. Он набрасывает ее на плечи, нащупывает застежку молнии. – Вам крупно повезло! Я имею в виду ваше удачное падение с лестницы.

– Видимо, да.

У двери он оборачивается:

– Приношу свои извинения. Думал, что помогу вам избавиться от парочки призраков, вот и все.

Зак

Декабрь 2011

Плохой ли я человек? В прошлом я наделал ошибок. Никогда не хотел причинить вред ни Полли, ни Шарлотте. Верил, что могу начать все сначала и стать другим. Вероятно, уже поздно. Я слишком много думаю. Мысли так и роятся, и я уже не знаю, что реально, а что нет. Вот бы

отключить чертов мозг!

Прошлое Рождество провели в Галлзе. Теперь понимаю, что тогда мне пришлось настоять на своем. Увез ее в свою «святая святых». Наверное, она уже тогда с кем-то встречалась. В этом году согласился остаться в Лондоне. Каким же я могу быть хорошим, добрым, разумным – не верится! Настоял на том, что обойдемся без Пегги и Роба. Сказал, что будем только вдвоем. Ведь это особое время. Год выдался для нас непростой. Ее попытки забеременеть, мои трудности с работой и так далее. Нарядимся в пижамы, зажжем камин, затаимся и прекратим всяческие связи с внешним миром! Повесим на дверь большой замок!

Согласилась она неохотно. Отправилась на прогулку с Джейн и псом – небось всю дорогу будут перемывать мне косточки. Душепитательный телефонный разговор с беременной Пег. Обещание прийти на всенощную в канун Рождества и выпить вместе глинтвейна на День подарков. «Ты не против?» – поинтересовалась она, наконец повесив трубку. О, я ей подыграю! Я пойду. Буду улыбаться. Повожусь с детьми («Это дядя Зак!», «Дядя Зак поиграет с нами в футбол!», «Спросите у дяди Зака»). Обниму Пегги в холле, улыбнусь ей, наслажусь ее томным взглядом. С Робом поговорю о регби. Сделаю вид, что мне не плевать на них всех. Лиззи заплатит за это позже. Перестану с ней разговаривать. Лишу ее «услуг сексуального характера» (это нужно говорить, крепко сжав губы). Будет умолять на коленях. Поймет, что меня надо заслужить.

Рождественское утро.

Открыл глаза, а она уже встала и одевается. Сказала, что ведет собаку на прогулку, предложила пойти вместе. Ну уж нет! Попытался затащить ее обратно в постель, она вырвалась.

Я вполне мог удариться в амбицию, но все-таки Рождество. Пока она гуляла, сварил кофе и накрыл на стол. Поджарил гренки в масле, сверху положил кусочки копченого лосося. К ее возвращению завтрак был готов. Она удивилась и обрадовалась. Беспокоилась о собаке. Говард стал такой «тихий». Я сказал, что ей просто кажется, пес в полном порядке. Развязал ее платок, помог снять пальто, пододвинул ей стул. Открыл шампанское. Взорвали хлопушку. Смеялись. (Обыгрывали стишок «Мужчина заходит в бар и... Ой!».) Целовались.

Решил устроить Говарду выходной. Праздник все-таки.

Вернулись в постель. Я закрыл шторы и в полумраке ласкал ее тело от пальцев ног и выше. Она кончила прежде, чем я добрался до бедер. Я не спешил. Задержался внизу, пока она снова не задвигалась. Оттягивал

момент, сколько мог, играл с нею, гладил, дразнил. Я завожусь от одних ее вздохов. Стоило ей прикоснуться к моему члену, я мигом кончил.

Поели в полдень. Никакой индейки (мне не нравятся ее волокна – слишком грубые). Цыпленок без подливки. Гарнир готовился отдельно, а не внутри птицы. Жареный картофель, зеленый горошек. Лиззи включила на айпаде альбом «Прощай, жестокий мир» Элвиса Костелло, и мы танцевали прямо на кухне. Никогда не умел танцевать. Бешеный Пол помирал со смеху при виде моих потуг. Говорил, что я похож на страдающего запором осла. Впрочем, с Лиззи я могу быть самим собой. Сказал ей, что люблю ее, что подобных чувств не испытывал ни к кому.

О подарках вспомнили, когда уже стемнело. Я старался: золотая цепочка с нашими переплетенными инициалами, шелковый шарфик от Орлы Кили, красивое белье. Видит Бог, ей это просто необходимо! Хотел, чтобы она открыла первая. Не мог дождаться. Не терпелось увидеть ее реакцию. Она надела цепочку, обернула шею шарфом, подбросила лифчик и трусики в воздух, пообещав «устроить показ мод».

Я был счастлив. Я обо всем забыл.

Она меня поцеловала. А потом сказала:

– Зря ты так потратился!

Позже она поднялась в кабинет, чтобы извиниться.

– Я вовсе не это имела в виду! Я повела себя бес tactно. Ты меня неправильно понял. Знаешь, целых три подарка – это слишком! У меня для тебя всего один.

Сделал вид, что читаю. Шампанское и вино на завтрак, потом виски, пока она возилась с собакой – я дошел до той стадии, когда перед глазами все расплывается. Я не пытаюсь оправдаться. В том, что случилось далее, нет моей вины. Я лишь объясняю, как все было.

– Ты не испытываешь ко мне ничего, кроме презрения, – заметил я, не отрываясь от страницы. – Это видно сразу.

– Перестань! Все, что я зарабатываю, – твое. И это не обсуждается. Сегодня Рождество. Ну же! У нас был такой чудесный день. Вот твой подарок. Открывай, ворчун!

Обняла меня руками за шею. Пощекотала подбородок, чтобы я засмеялся. Так она обращается со старшеньким Пегги, когда у того приступ дурного настроения. Я-то не избалованный ребенок! Со мной нельзя так разговаривать. Даже не обернулся.

Она ушла в ванную. Подарок оставила – маленький тяжелый цилиндр, завернутый в тонкую красную бумагу с нелепыми Сантами, лезущими в дымоходы. Двадцать два Санты. Я посчитал.

Внутри желтая коробочка. Лосьон после бритья. Мой любимый. Мой неповторимый аромат. «Аква ди Парма». Я было обрадовался. Флакон в ванной почти пуст. Наверное, Лиззи заметила, как я выдавливаю последние капли. Однако это была «Колония Ассольто». Неверно. Совсем неверно! Я пользуюсь «Колонией Интенса». Важен не подарок, а внимание. Она невнимательна! Схватила первое, что под руку попалось. Даже обертка свидетельствует о презрении – в такую только детям игрушки заворачивать. Чертовы дети!

Я вскочил и в два прыжка подлетел к ней, как раз когда она вышла из ванной. Мне хватило времени, чтобы увидеть страх в ее глазах и пожалеть, потом я обхватил ее рукой за шею и прижал к стене. Я сказал, что она меня не любит. Она толкнула меня, ударила коленом в пах. Я увернулся. Она закричала. Наши ноги сплелись, и вдруг она покатилась с лестницы, не головой вниз, а боком, подняв руку вверх и тщетно пытаясь за что-нибудь ухватиться.

Когда приехала полиция, мы сидели внизу обнявшись. Сил двигаться не было. Я баюкал ее голову, шептал извинения. У ее ног лежал пес и тяжело дышал.

Из радио раздавались бесцелевые голоса. На улице на холостом ходу работал двигатель патрульной машины. На стенах гостиной мерцали синие и красные отсветы мигалки.

Раздался звонок в дверь.

Лиззи не шевельнулась. И смотреть на меня избегала.

– Тебе нужна помощь, – сказала она. – Не знаю, то ли дело в выпивке, то ли в таблетках, но тебе следует показаться специалисту.

– Знаю.

Она с опаской поднялась.

– Зак, я серьезно!

– Покажусь.

– Обещаешь?

В дверь снова позвонили. К матовому стеклу прижалось чье-то лицо.

Я кивнул.

– Я не виноват! – воскликнул я. – Я ничего не могу с этим поделать!

Лиззи уставилась на меня, и мы обменялись миллионом невысказанных слов. Мы заключили негласный пакт. И тогда она открыла дверь.

Глава 19

Лиззи

Беременна! Шарлотта была беременна. Неужели от Зака? Возможно ли это?

Зависит от срока.

Рождество 2011 года.

Он приготовил завтрак. Мы смеялись и пили шампанское. Почти все утро провели в постели, в объятиях друг друга.

Я была начеку: настроение у него могло измениться в любой миг, будто прыжок с жары в ледяную воду. Он вспыхивал моментально – черты лица искалились, зрачки расширялись. Похоже на припадок, на мгновенный всплеск эмоций, и все же я знала, что с этим делать. Нужно сохранять спокойствие и невозмутимость, потихоньку объяснять, что для меня он всегда на первом месте. Виновата во всем я. Ведь я умею с этим справляться.

В тот день вышло иначе. Это был не просто приступ паранойи, вылившийся в насилие. Судя по его глазам, он начисто забыл, кто я такая. Я почти ничего не помню – мир стал черно-белым, все закружилось, замелькало, голова болела.

После ему стало мучительно стыдно. Он сказал, что был не в себе. Что он не хотел быть таким – во всем виновато насилие в его семье, которому он подвергался в детстве, и таблетки. Он сказал, что готов на все, только бы не потерять меня. Он пойдет к врачу, бросит пить. Тогда все изменится, ведь он обуздает своих демонов. Ему нужна лишь уверенность во мне.

– Ты можешь быть во мне уверен, – всхлипнула я.

К началу четверти осталась только боль при глотании. Синяки я прикрыла длинными рукавами. Джейн заметила лопнувшие сосуды в глазу.

– Недосыпаю, – вздохнула я.

Он начал меня ломать. Я чувствовала ответственность за его счастье и душевное равновесие. Из школы шла прямиком домой, чтобы быть с ним рядом. Отказывалась встречаться с сестрой и с друзьями. С приболевшей собакой гуляла только тогда, когда Зак мог пойти с нами. Навещала мать гораздо реже, чем следовало. Если на меня накатывало чувство вины, я разом его отметала, – сейчас я была особенно нужна Заку.

Вскоре после начала занятий я заболела гриппом. Зак позвонил в школу, сообщил о моей болезни. Принес в постель лимон и мед, омлет на тосте. Читал мне, включал песни на своем айподе. Хозяйничал по дому, занимался с собакой и купил витамины в сети «Бутс». Редоксон двойного действия с витамином С и цинком «специально разработанные для тех, кто пытается забеременеть».

— Мы приведем тебя в форму, — сказал он. — Твой организм должен быть готов!

Неделя без работы растянулась до двух. Как-то днем меня зашла навестить Джейн. Я слышала голоса, однако вернулся Зак один. Сказал ей, что я сплю.

— Ведь я не спала! Было бы здорово увидеться.

Зак огорчился, будто я усомнилась в его правах.

— Тебе нужно отдыхать! — хмуро заявил он.

Я хотела показаться врачу, Зак убедил меня неходить. К чему тратить время попусту и сидеть в приемной, полной микробов, если у меня всего лишь простуда? Он сам меня вылечит. Мы справимся.

Голова кружилась. Руки и ноги болели. Несмотря на это, он все равно хотел заниматься любовью, хотя и осторожничал. И тому были причины.

Мы говорили о ребенке, гадали, будет это мальчик или девочка, на кого он будет похож. Зак набросал список имен, присматривал ясли и начальную школу в Южном Лондоне. А потом он в очередной раз заговорил про Корнуолл. Я дремала, положив голову ему на плечо. Я чувствовала, как вибрирует его горло. Он рассказывал про детишек, бегающих в полосе прибоя, про горящий камин и деревенские школы. Развернул передо мной картину идеальной жизни, которая у нас может быть, и я вроде как согласилась.

В конце января я вернулась в школу и подала заявление об уходе. Сандра спросила, уверена ли я. Ответила, что да, хотя пока не сообщила ни друзьям, ни сестре, поэтому прошу ее особо не распространяться. Я «действовала последовательно». Так мне велел сказать Зак.

После работы несколько раз я немного задерживалась — приходила чуть позже, чем обещала. Не было и шести. Зак метался по дому. Вынимал вилки из всех розеток, и руки у него были красные. Он мыл их чуть ли не в кипятке. Мое появление игнорировал, принимался бешено стучать по клавиатуре, набирая письма, заметки к картинам и еще что-то. Говард лежал под столом и чувствовал себя неважно. Я видела, как Зак его пинает.

Пыталась ему объяснять. Жасмин, девочка из восьмого класса, которая находится в группе риска и на следующий день уходила в приемную

семью, явилась в библиотеку очень расстроенной. Сбрасывала книги с полок, топтала их ногами, кричала и ругалась. «Мне пришлось довольно долго ее успокаивать. Я просто говорила и говорила, твердила ей о том, что все будет хорошо. Нужно было дождаться соцработника, без нее уйти никак бы не вышло».

Рассказывая об этом, я стояла возле раковины и нервно говорила, описывая произошедшее во всех подробностях. Зак отодвинул стул и поднялся. Подошел близко-близко, наступил мне на пальцы. Уставился в глаза. Протянул руку, словно хотел погладить, схватил меня за волосы и нагнулся голову к раковине. Включил кран на полную, и холодная вода брызнула мне в лицо, попала в нос, заполнила рот. Я испугалась и задергалась – мне казалось, что я не смогу вырваться... Он отпустил меня так же внезапно, как и схватил, и я села на пол.

Неужели этого было недостаточно, чтобы от него уйти? Вероятно, нет. Ясное дело, после он раскаивался. А я винила себя. Надо было ему позвонить. Я не позвонила, потому что надеялась освободиться раньше, чем он заметит мое отсутствие. Когда объясняла ему причину своего опоздания, надо было держаться спокойнее и увереннее. Он решил, что я провинилась лишь потому, что я и сама это чувствовала.

Следующий эпизод случился во вторую неделю февраля. Все это время мы пытались зачать ребенка. Пегги сказала, что раньше полугода усилий беспокоиться не стоит. Зак хотел, чтобы все шло своим чередом, но я подумала: разве визит к семейному доктору повредит? Наоборот – узнаю, каковы наши шансы, выясню, как можно ускорить процесс. Записалась в свой обеденный перерыв.

На той неделе Зак был в хорошем настроении. На студии в Уимблдоне он познакомился с арт-дилером из Эксетера, и тот серьезно заинтересовался его пейзажами, вероятно, даже закажет ему еще несколько. Это новое начало, возможность забыть бристольскую неудачу. Зак планировал съездить к этому парню и потом провести пару дней в Галлзе, подготовить все к нашему переезду. Мы довольно скоро переберемся в Корнуолл, так ведь? Когда Сандра меня отпустит?

– Сначала нужно подыскать мне замену, – ответила я.

Он расстроился и хмуро посмотрел на меня.

– Можно подумать, ты там сильно кому нужна!

После этого разговора я ушла в спальню и легла. Ничего страшного, просто голова разболелась, пояснила я. Он и сам не понял, что сказал! Я была в панике. Хочу ли я перебраться в Корнуолл? Как оставлю маму, сестру и друзей? Я им нужна, да и детям в школе тоже. Вспомнила Жасмин,

которая стала приходить в библиотеку во время ланча, и Конора – хотя он и не подозревает, что я за ним приглядываю. Зак ошибался. Я много кому нужна. Не только ему.

Я пыталась об этом не думать. Зак постоянно метался от одного замысла к другому. Когда мы познакомились, он только и говорил, что о Лондоне. Возможно, стоит подождать, и он передумает. Или передумаю я, если забеременею.

К врачу записалась за день до отъезда Зака. Женщина, к которой я пошла, работала в клинике недавно. Блондинка с жизнерадостной улыбкой выглядела не старше наших шестиклассников. Встретила меня на пороге кабинета. Раньше врачи ждали, пока постучат. Должно быть, новый подход к пациентам, подумала я тогда.

Я села на стул и сказала, что, видимо, глупо было приходить, однако меня расстраивает, что я никак не могу забеременеть, и я решила на всякий случай обсудить это со специалистом.

Она открыла мою карту на компьютере. Спросила, давно ли мы пытаемся и делаем ли это в нужное время месяца. И нет ли у моего мужа проблем со здоровьем, о которых я знаю.

– Нет, – ответила я. – Он практически здоров. Принимает иногда таблетки для снятия тревожности, и все.

– Ясно. Фамилия вашего мужа тоже Картер?

– Нет. Хопкинс. Зак Хопкинс.

Она кивнула, посмотрела на экран и нажала несколько клавиш. Вдруг она смутилась.

– Скажите, ваш муж тоже хочет ребенка? – нарочито бодро спросила она.

– Да, – ответила я. – Он просто мечтает обзавестись детьми! Ведь у него не было ни братьев, ни сестер.

Она кивнула и сложила руки:

– Ясно. Что ж, это еще не конец света. Люди часто меняют свое решение. Как правило, процедура обратима. Пришлите его к нам, и мы все сделаем!

Я ничего не поняла.

– Что обратимо? – спросила я.

– Вазэктомия. Здесь написано, – она повернулась к монитору, – что он обратился к нам второго сентября 2010 года, и мы направили его в частную клинику «Листер». Операция была сделана неделю спустя, девятого сентября. Быстро он надумал, но... – она улыбнулась, – часто бывает так, что, приняв решение о стерилизации, мужчины стремятся сделать ее

поскорее.

– Вазэктомия?! – Я рассмеялась. – Должно быть, вы смотрите не того пациента. Зак Хопкинс.

Она взглянула на меня и отвернулась:

– Хм. Вероятно, вам стоит прийти с ним вместе, и мы все обсудим.

Не помню, как я вышла из кабинета. Меня будто в живот ударили. Никакой ошибки быть не могло. Я вспомнила сентябрь: целую неделю Зак воздерживался от секса. И немного хромал при ходьбе. Сказал, что ушибся, слезая с велосипеда. Он не хотел ребенка! Он не стал бы делить меня ни с кем. Ревновал даже к собаке. Хотел, чтобы я принадлежала только ему. Он со мной играл, тянул время и собирался поступить, как всегда по-своему!

В школу я не вернулась. Позвонила и предупредила, что заболела. Полдня ходила по улицам, пытаясь придумать, что мне делать. Если перееду с ним в Корнуолл, он меня окончательно сломает. Села в кафе и написала письмо. Спокойное и сдержанное. Не сказала ни слова о том, что чувствовала.

Вечером подготовила ужин по рецепту, который дала Джейн. По рассеянности положила в соус грибы. Он к нему даже не притронулся. Я пыталась есть. Каждое движение вилки и ножа резало слух. Я жевала тихо, как могла. Он следил за каждым куском, морщился при каждом глотке. Мы не разговаривали до тех пор, пока я не убрала со стола остатки еды. Было не поздно поговорить в открытую, дать ему возможность объясниться. Он скривил рот в презрительной гримасе и бросил какую-то резкость.

От большой волны надо либо удирать, либо в нее нырять. Я решила удирать.

Отправила письмо, пока он мыл руки в ванной. Опустить конверт в почтовый ящик в конце улицы оказалось вовсе не трудно. Ничего особенного не произошло. Ничего не сломалось и не взорвалось. По крайней мере, в тот момент.

Зак

Январь 2012

Теперь она моя! Я это чувствую. Дело вовсе не в простуде. Она отправлена любовью. Я счастлив! Каждый день как подарок, предназначенный нам обоим. В доме спокойно и тихо. Никто не приходит. (Кроме Джейн, которую я успешно выпроводил.) Ее мобильник держу при себе. Любовник не пытался с ней связаться. Либо же он был крайне

осторожен. Налил ей ванну, а сам поискал под подушкой второй телефон. Не нашел. Думаю, она говорит правду. После ванны завернул ее в полотенца, вытер и отвел обратно в постель. Она лежала – слабая и благодарная, и я гладил ее по лицу, по волосам. Накрыл одеялом и в порядке эксперимента снова выложил мой план: оборвать все связи, уехать в Корнуолл, начать все сначала.

– Хорошо, моя любовь, – сонно ответила она. – Если это сделает тебя счастливым, то да.

Да!

Мне стыдно за Онни. Я с ней порвал. Если честно, она мне даже не нравилась, не говоря уже о том, что я ее не хотел. Сделал это по телефону. Родители прознали об эшерских прогулах. Засунули ее в какой-то дермомовый колледж, куда она будет ходить под присмотром гувернантки – подальше от всех соблазнов. Рыдала в трубку. Она в чем-то передо мной провинилась? Она слишком толстая?

– Конечно, ты не толстая!

– Тогда в чем дело?

– Ни в чем.

– Это из-за твоей жены? – недоверчиво спросила она.

– Да, – ответил я, не в силах смолчать. – Из-за нее.

Моя жена. Моя Лиззи.

Глава 20

Лиззи

В четверг солнце так и не показалось. Небо низкое, будто закрыто занавесом.

Отругала одиннадцатиклассников за то, что дурачились за компьютером. Выставила двух двенадцатиклассников, жевавших жвачку. Каждый раз, когда открывается дверь библиотеки, я вздрагиваю.

Сколько можно мучить себя этими «если бы»?! Не следовало мне писать то дурацкое письмо! Надо было поговорить в открытую. Так взрослые люди и поступают. Тогда разразился бы ужасный скандал. Зак все отрицал бы или повернул против меня, но мы бы через это прошли. Возможно, у него были свои причины, связанные с Шарлоттой. Его ли ребенка она носила? Не лежала ли в основе его решения именно эта трагедия? Или дело в интрижке с Онни? Или с Ханной? Или во всем виноваты трудное детство и страх боли, которую причиняют друг другу близкие люди? Я не знала, потому что не потрудилась спросить. Я затаилась. Вела себя как прежняя Лиззи – ради спокойной жизни готовая смириться даже с убийством.

Увидев ее у своего дома, замираю на месте. Я едва не бросилась туда, откуда пришла.

Она меня заметила. В руках цветы – букет хрупких синих анемонов, один цвет.

– Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста! – твердит она, бросаясь ко мне с цветами. – Мне ужасно жаль! Зря я так сделала. Прошу, выслушайте меня!

Молча прохожу мимо, вставляю ключ в замок.

– Цветы мне не нужны. Ноутбук отдай.

– Да. Простите! – Она снимает с плеча рюкзак, ставит на землю и роется в нем так поспешно, что на дорожку вываливается одежда – шарф, черный топик.

Наконец достает ноутбук и протягивает мне, не вставая с корточек.

– Благодарю.

Беру ноутбук и собираюсь закрыть дверь у нее перед носом. Если бы

она стояла, мне было бы куда проще. Мне крайне неудобно, что она у моих ног.

Она поднимает взгляд. Накрашенные черной подводкой глаза кажутся огромными, она смахивает на причудливую лесную зверушку.

– Пожалуйста! – снова просит она, запихивая вещи обратно в рюкзак. Анемоны лежат на земле. – Я знаю куда больше, чем вы думаете! Я могу помочь. Мы должны сделать это вместе!

– Что именно?

Она встает.

– Найти Зака, разумеется!

Десять минут спустя Онни снова сидит на диване у меня в гостиной. Она поплакала (довольно некрасиво, так что, похоже, искренне) и объяснила, как глубоко раскаивается. Взять ноутбук она решила внезапно: увидела его на столе и подумала, что будь у нее время – непременно подобрала бы пароль. Не вышло, как и у меня, значит, надо попытаться вместе.

– Две головы лучше, чем одна, – заявляет она. – Мы ведь не враги! Нам нужно дружить, сделаем это вместе! Тогда мы поймем, что он выбрал, что было ему важнее всего!

Я почти ничего не говорю. Стою возле камина, прижав ноутбук к груди.

– Я слышала, что вы сказали, когда уходили из Сэнд-Мартина после ланча.

– Я не была на ланче.

– Ладно, в тот раз, когда вы не были на ланче. Я ушла из гостиной и направилась к лестнице. Вы что-то прошептали и выбежали из дома. Я почти ничего не поняла – вы сказали, что нужно найти Зака. Зато теперь мне все ясно!

– В смысле?

– Ведь он жив, верно?

Отвечаю не сразу:

– Разве такое возможно?

– Я думала об этом. Вчера весь день голову ломала. Похоже, он сымитировал свою смерть.

– Маловероятно, – осторожно замечаю я голосом школьной учительницы. – Слишком много людей причастны: фермер, который вызвал пожарных, водитель фургона доставки фирмы «Асда», остановивший движение на шоссе. Плюс трое с эвакуатора, вывозившие обломки

автомобиля. Еще свидетели, коронеры, два разных полицейских подразделения. Это большое дело, Онни.

– Вы слышали про Джолиона Харрисона? Знаете, кто он такой?

– Знакомое имя.

– Он исчез. Пропал в Корнуолле. На той же неделе, когда с Заком случилась авария. Вам это не кажется странным?

Сердце забилось быстрее, дыхание перехватило.

– Совпадение!

– Последний раз его видели в Бьюде. Кулон сказал, что он сидел в баре, когда пришел Зак.

– Зак был в ту ночь в баре?

– Да. Там я его и нашла.

Смотрю мимо нее в окно. Новое стекло выглядит иначе. Не такое тусклое. Более ровное. Я думала, той ночью он был в Эксетере. Почему он приехал в Корнуолл так рано? Я разглядываю стекло, пытаясь держать себя в руках.

– Заку вполне хватило бы ума, чтобы все устроить! Вдруг Джолион тоже был в машине? Зак выскочил вовремя – открыл дверь, скатился в кювет, а когда машина загорелась, решил просто уйти. Или его там вовсе не было! За рулем сидел Джолион. Он и погиб. С тех пор Зак держится тише воды ниже травы. Ждет, пока все забудется, и тогда он вернется!

Я решаю ее проверить:

– Нельзя притворяться умершим и жить нормальной жизнью! Нужны документы – водительские права, паспорт, номер социального страхования. Без легального статуса невозможно ни жилье снять, ни на работу устроиться. Раньше лазейки были: находишь умершего младенца, родившегося с тобой в один год, делаешь дубликат свидетельства о рождении и выдаешь себя за другого. Однако теперь все их перекрыли. Начать новую жизнь без документов невозможно!

Я невольно повышаю голос.

Онни поднимается и идет ко мне навстречу. Глаза блестят.

– А если ты не хочешь начинать новую жизнь? – выдает она. – А если ты решил напакостить в старой?

Зак

Февраль 2012

Ей лучше. Температура спала. Говорит, что подала заявление, но я ей

не верю. Лжет, как обычно. Снова все изменилось. Я чувствую. Понятия не имею, чем она там занимается в своей школе целыми днями. Изворотливая как рыба – не удержать. Приходится давить на нее изо всех сил. Теперь понимаю: любить меня ее заставил грипп, а не сердце.

Когда она задерживается, я теряю над собой контроль. Зря! Ничего не могу поделать. Пить начал рано, метался по комнатам, играл со штепселями. Проверял снова и снова. Руки болят от мытья. Все идет не так. Думаю, дело в таблетках. Она за мной наблюдает. Чувствую, как она меня оценивает. Я так сильно ее люблю, что шквал эмоций захлестывает и хочется плюнуть ей в лицо.

Придумал мифическую галерею в Эксетере. Сказал, что арт-дилер от меня без ума. Не то что тот неудачник в Бристоле! Это парень серьезный. Оставил в ежедневнике запись о встрече. Ему понравились мои абстрактные пейзажи, и он хочет, чтобы я написал еще. Вскоре мы переедем в Корнуолл. Вряд ли она осознала, что я увидел ужас, мелькнувший в ее глазах.

Старина Говард, похоже, твоё время пришло! Я хитро провел свою долгосрочную кампанию по отравлению. Купил в зоомагазине «Животные дома» мозговую косточку, расщепил в паре мест и нашпиговал таблетками. Положил в мусорный пакет и повесил на гвоздь на стене сарая, сверху прикрыл брезентом. Она никогда туда не полезет.

Глава 21

Лиззи

В пятницу Джейн появляется на пороге библиотеки прямо перед звонком с последнего урока. Решила забежать в больницу Святого Георгия и зовет с собой. Смотрю на нее с недоумением. Я устала и чувствую себя настолько разбитой, что не понимаю, о чем речь.

– Проверим, как он там, – поясняет она. – Ему будет приятно увидеть дружеские лица.

– Кому?!

– Сэмю! Кому же еще?

Онни осталась у меня, пытается подобрать пароль к ноутбуку Зака. Ее помочь я приняла скрепя сердце. Мы с ней будто соучастницы. Ну не странно ли: жена и любовница-школьница объединяют усилия!.. Весь вечер перебирали возможные комбинации. Я бы давно сдалась.

– Это может быть что угодно! – воскликнула я.

Онни девушка настырная. Она убеждена, что Зак был так же осмотрителен в выборе пароля, как и во всем остальном.

– Наверняка он выбрал нечто для него действительно значимое.

Она велела мне не волноваться насчет Ханны. Вроде как она пытается с ней связаться.

Думаю, она меня обманывает, но не знаю, что на это сказать.

Интересно, наше соучастие порадовало или рассердило Зака? Может, так он и планировал? Мне совестно и в то же время нравится бросать ему вызов. Что еще он сделает? Убьет меня? Или нас обеих?

Онни обещала приглядывать за Говардом и позвонить, если ему станет хуже.

– Ладно, – отвечаю я Джейн. – Жизнь продолжается.

Она подвозит меня на своей видавшей виды машине. Заднее сиденье завалено боксерскими перчатками и складными стульями – реквизит для школьного мюзикла «Багси Мэлоун». Обзор закрыт, и я не вижу, следят за нами или нет.

– Что-то ты сегодня слишком тихая, – говорит Джейн. – Тебе нехорошо?

– Все нормально.

Пишу Онни смску, что немного задержусь, и отключаю звук телефона.

Сэм лежит на дальней кровати в палате хирургического отделения. Он в обычной одежде, хотя и без обуви. На голове повязка, под ним груда подушек, в руках книга «Плохие гены». Он нас не замечает, и при виде него мне приходят две мысли. Во-первых, какой он приятный, простой и хороший парень. Во-вторых, странно видеть коллегу в горизонтальном положении. К тому же босым.

– А! – с улыбкой говорит он, откладывая книгу. – Делегация с работы.

Джейн восклицает:

– Разве так приветствуют коллег, снабжающих тебя булочками?

Она целует его в лоб, чуть ниже повязки, испачканной серо-желтой йодистой мазью, «лечебной горчицей», которой в школе смазывают ссадины. Я думала, у него просто шишка. Никак не ожидала, что рана глубокая. Я не целую Сэма, но все не из-за этого.

Он смотрит на меня так, словно понимает, насколько я смущена.

– Картер, – говорит он. – Спасибо, что пришла проводить!

Сэм предлагает нам шоколадные булочки из плетеной корзинки в форме лебедя и рассказывает о том, что с ним случилось, хотя помнит он немного. Расставшись со мной у парка, он пошел по тропинке к мосту через железную дорогу. Вот и все. Час спустя его нашли по другую сторону в кустах с разбитой головой и двумя сломанными ребрами.

– Случайное нападение, считает полиция. То ли с кем-то перепутали, то ли ограбить хотели.

Отпустят его сегодня, после того, как он подпишет нужные документы. Паула, бывшая жена Сэма, приедет из Хакни и отвезет его домой. Джейн спрашивает, справится ли он сам, он отвечает, что Паула у него переночует, на случай, если вдруг у него пойдет pena изо рта.

– Вот как! – многозначительно кивает Джейн.

– Ты ошибаешься, – говорит он и бросает взгляд на меня.

Я почти ничего не говорю. Компания из меня та еще. Когда мы собираемся уходить, он добавляет: «Мне очень жаль», – будто в случившемся есть его вина. Мы смотрим друг другу в глаза. Возле зрачка у него темное пятнышко, похожее на запятую, вокруг рта глубокие мимические морщины, которые появляются от улыбки. Он одет в клетчатую полуверстянную рубашку, расстегнутую на шее. Ключицы бледные, на одной синяк как от пальца.

После больницы Джейн уговаривает меня зайти в ее квартирку в Тутинге. Санджай работает допоздна, ей немного тоскливо. Я подозреваю,

что она меня проверяет, и все же соглашаюсь. Хочется быть подальше от дома и от Онни. Я не против того, что она гостит у меня, ведь я чувствую за нее ответственность, однако находиться с ней рядом слишком долго мне неприятно. Она обещала, что если подберет пароль, то сразу позвонит. А мне тем временем нужно взять себя в руки и успокоиться.

Джейн и Санджай занимают двухэтажную квартиру наверху большого дома за Бродвеем, обставленную как бордель: роскошные портьеры, кресла-лежанки, красные бархатные ширмы. В маленькой кухоньке мы выпиваем по чашке чаю, потом по бокалу вина. Джейн разогревает в микроволновке картофель, запеченный с сыром. Обсуждаем работу – сделает ли парень Мишель ей предложение, не попить ли Пэт прозак, не прибудет ли комиссия из Офстеда на следующей неделе. Мыслями я далеко. Я сильно отдалилась от друзей. Так и бывает, если есть что скрывать. Пропасть становится все шире. Я не собираюсь упоминать Зака, только рассказываю про Онни. В подробности не вдаюсь, просто говорю, что внезапно нагрянула дочка старого друга Зака и ведет себя довольно сумбурно. Джейн замечает, что ей наверняка нужна помощь специалиста.

– Вообще-то она не моя проблема, – небрежно бросаю я, пытаясь убедить саму себя.

Не успеваю опомниться, а на часах уже девять. Можно добраться на автобусе, однако я решаю прогуляться – по Гаррет-лейн и вверх по Магдален-роуд. Впервые за много месяцев дождь перестал. От вина шумит в голове. Мне предстоит двадцатиминутная прогулка вдоль магазинов, по освещенным улицам и открытым местам. Я часто останавливаюсь и оборачиваюсь. Интересно, за кем из нас он следит: за Онни или за мной? Сбит ли он с толку? Сексуально возбужден? Шепчу едва слышно: «Я готова. Где же ты?»

Для этого он слишком умен.

Стоя рядом с домом, слышу знакомые звуки. Ударные, электрогитара, голос то дрожит, то гудит. Элвис Костелло, ранний альбом – «Цель моя верна». Песня «Эллисон» – вроде бы любовная, хотя на самом деле она о предательстве. Пытаясь нащупать ключи, вздрагиваю от неожиданности: Онни стоит в эркерном окне, по другую сторону стекла, и смотрит на меня. Ее лицо бледно, волосы падают на плечи словно шторы.

Я открываю входную дверь, и девушка выходит в холл.

– Вы так сильно задержались, – говорит она, склонив голову. – Где были? Я волновалась!

– Ах, прости! Я послала тебе смс. Ездила в больницу навестить друга.

– Вы не брали трубку!

Достаю из кармана мобильный.

– Черт! Извини. Отключила, входя в палату, и забыла включить звук. – Нажимаю кнопку, экран загорается – пять пропущенных звонков. Четыре сообщения. – Извини!

Она смотрит на меня и качает головой:

– Ясно. Ничего, она еще не перестояла.

Собака выходит из кухни, чтобы меня поприветствовать. С открытой дверью музыка звучит громче. Не перестояла? Пахнет едой. Гляжу Говарда и замечаю:

– По-моему, ты слишком молода для Элвиса Костелло.

– Он мне нравится, только и всего.

– Зак его очень любил.

– Знаю.

Подавляю легкий приступ ревности и иду за Онни на кухню, где на айпаде играет Элвис Костелло. Стол накрыт. Онни достает из духовки противень с двумя куриными грудками. Кладет их на тарелки, добавляет картофельное пюре и зеленый горошек.

– Вот так! – восклицает она. – Вы, наверное, и не подозревали, что я умею готовить?

– Как мило, – говорю я.

Надо бы сказать, что я не голодная. Почему мне так трудно это сделать? Не могу. Точно так же я чувствовала себя с Заком – не в силах обмануть его ожидания, не в силах сказать нет. Я снова теряю объективность восприятия. Наливаю стакан воды и пью, прислонившись к раковине. Онни следит за каждым моим движением.

– Здорово, правда? – спрашивает она после того, как я ставлю стакан. – Приходишь домой, а ужин на столе!

– Чудно.

– Вы пили?

– Чуть-чуть. – Она смеется и грозит мне пальцем. – Нет, правда. Всего бокал или два.

Онни вручает мне тарелку, мы садимся за стол.

– Кого же вы навещали? – спрашивает она, едва мы приступаем к еде.

– Школьного коллегу. – Проглатываю кусочек цыпленка, чувствуя себя как перед казнью.

– Сэма Уэлхема?

– Да. Откуда ты знаешь?

– Так, вспомнила. Вы о нем рассказывали недавно.

– Неужели? – Откладываю вилку и пристально смотрю на нее.

Странно, что она запомнила.

Она продолжает есть, чувствует мой взгляд, поднимает глаза и улыбается:

– Вам интересно, как мои сегодняшние успехи?

– И как твои сегодняшние успехи? – спрашиваю я и тут же сознаю свою ошибку.

Мне не хочется, чтобы она копалась в ноутбуке Зака без меня. Я вообще не хочу, чтобы она это делала! Надеюсь, она не смогла подобрать пароль.

– Ничего пока не вышло. Хотя думала я очень много. Один из пяти человек использует имя домашнего питомца. Я попробовала «Говард» – не сработало. У Зака в детстве были какие-нибудь зверюшки?

Представляю его постылое детство. Большой дом, пустые комнаты и маленький нелюбимый мальчик в углу, закрывающийся от ударов. Он мечтал о собаке (Зак сам мне рассказывал), но никогда не отважился бы попросить.

– Вряд ли.

– Первая девушка? Любовь всей жизни? Он выбрал бы то, что имело для него огромное значение. Ведь он был такой романтик!

– Разве? – Встаю и незаметно счищаю пюре в мусорный бачок, сполоскиваю тарелку под краном. Уверившись, что я смирилась с их интрижкой, она разговаривает со мной как с равной. – Думаю, первая девушка появилась у него на острове Уайт, где он вырос.

– Остров Уайт! Надо туда съездить.

Я оборачиваюсь и смеюсь.

– Нельзя! Я обещала Заку, что ноги моей там не будет! Он не хотел, чтобы я подверглась обаянию этого места. Он поклялся не возвращаться туда никогда.

– Он заставил вас пообещать, что вы никогда не поедете на остров Уайт? – На ее лице недоумение сменяется жалостью.

– Невелика беда, – отвечаю я. – До знакомства с Заком я особо не задумывалась, где именно этот остров находится. Честно говоря, его не было среди мест, которые я планирую посетить в этой жизни.

И тут мне приходит в голову идея. Ну, конечно же! Остров Уайт! Я зациклилась на том, что Зак где-то поблизости. Вдруг он ждет в отдалении? Остров Уайт – ну, конечно! Это последнее место, где я стала бы его искать. Там можно отлично спрятаться.

– Вы смешная, – говорит Онни, глядя на меня с любовью. – Мне понравилось про эту жизнь!

- Ничего смешного!
- Спасибо, что разрешили остаться. Теперь-то все нормально, да? Думаю, когда Зак узнает, он будет рад, что мы подружились.

Зак

13 февраля 2012

Сегодня отбываю в Корнуолл. Она думает, что я встречаюсь в Эксетере с новым арт-дилером и там же заночую, но я отправлюсь прямиком в Галлз. Приберусь, подготовлюсь к нашему переезду. Мне нужно немного успокоиться и раздобыть у Кулона еще колес. Хочу, чтобы она соскучилась, мечтала о прикосновениях моих рук и губ. Пусть только попробует не соскучиться! Ей же будет хуже.

Завтра День святого Валентина, и меня с ней рядом не будет. В прошлом году – сплошные розы и свечи, открытки и поцелуи. Не спали ночь напролет. В этом году даже вопрос не поднимался.

Вчера она была в странном настроении. Приготовила курицу с грибами – с грибами! Нафаршировала эту мерзость чесноком – фу! Превентивный удар по нашему роману? Вряд ли. Я не то что перестал с ней разговаривать, я лишился дара речи! Как она смеет игнорировать мои нужды? Слов нет! К еде я даже не притронулся, а она молча выбросила содержимое моей тарелки в мусорку. Позже она заметила таким тоном, будто предмет беседы не имеет практически ни малейшего отношения к ее жизни – как погода на окраине страны:

– Мог бы иногда разнообразить свои предпочтения в еде. Вдруг понравится?

– Я уже взрослый. Ни к чему меня уговаривать!

– Просто попробуй, от этого не умирают.

Я ответил:

– Некоторые люди вечно указывают другим, что им делать.

– Люди? – переспросила она. – Ты всегда говоришь о каких-то людях, Зак. Делаешь широкомасштабные обобщения, сваливая всех в одну кучу, будто все на свете ведут себя совершенно одинаково, и один ты не как все!

Сегодня утром извинилась. Думаю, я был в гневе. Уже не помню. Я ее толкнул? Все как в тумане. Запоздала она с извинениями. Мы притворились, что все нормально. Она почти не спала – под глазами синие круги. По радио передавали результаты очередных дополнительных выборов непонятно где. Лиззи надела пальто и была уже на полпути к

двери, как я ее окликнул.

– Я тебя люблю, – сказал я. – Ты же знаешь?

– Да, – ответила она.

Врет и не краснеет!

– Больше всего на свете, – добавил я. – Больше жизни!

Поцеловал ее пылко и почувствовал, что она все равно от меня отдаляется.

Глава 22

Лиззи

В субботу просыпаюсь до рассвета. Захожу в кухню, накладываю собаке еду, Говард выбирается из корзинки и ест. Он так виляет хвостом, что сшибает со стола ложку. Та со звоном падает на пол, я замираю и жду. Наверху тишина. Быстро пишу Онни записку, в которой благодарю ее за вчерашний ужин и помочь по дому – мне было очень приятно, и дом действительно нуждался в уборке. Объясняю, что ко мне приезжает подруга, и прошу освободить диван. В конце добавляю: «Подумав, я поняла, что искать Зака вдвоем – не самая лучшая идея. Прости! Если не увидимся до твоего ухода, то желаю успехов во всем».

Записка вышла пассивно-агрессивной, но мне плевать.

Прячу ноутбук Зака под матрас и потихоньку ухожу.

Эспланада Райда в марте блеклая и неприглядная, будто под дождем оставили череду кукол Викторианской эпохи. Приливные волны бьются о мол. В верхней точке города купол церкви пронзает подушку низких облаков.

У меня такое чувство, будто я вторглась на запретную территорию. Гибельное место, говорил Зак, источник всех его несчастий. В день отъезда он поклялся больше никогда не возвращаться. В тот день он впервые дал отпор отцу, и его выкинули из дома. Безвольная мать приняла сторону отца. Когда тот умер несколько месяцев спустя, она сказала Заку, что приезжать на похороны не стоит. Он даже особняк не вернулся продавать, а большая часть вырученных средств ушла на уплату отцовских долгов.

– Неужели соседи не знали, что у вас происходит? – спросила я. – И никто даже не попытался вмешаться?

– Они знали, что меня бьют. Подглядывали из-за штор. Знали и ничего не сделали.

Я не виню его за то, что он возненавидел деревню, в которой родился и вырос, и обвиняет ее во всех своих несчастиях. Но остров-то ни в чем не виноват! Он лишь стал местом преступления. Зак не мог взять и куда-нибудь переехать. Он так и жил с последствиями жестокости отца и пособничества матери. Они стояли за всеми его проблемами. Возможно, он

это понял. До чего же он отчаялся, если прячется на острове! А если нет, и он последует за мной, увидит, что я пренебрегла его желаниями, то он здорово разозлится. В любом случае это заставит его себя обнаружить.

Добираюсь электричкой, потом автобусом и паромом. В электричке вглядываюсь в лица пассажиров, несколько раз меняю вагоны и места. На пароме нас всего четверо – две девушки лет двадцати и старик с газетой, севший впереди.

Остров Уайт выглядит на удивление тихим и нормальным – спущенный на воду клочок суши с пешеходными мостами и небольшими кольцевыми развязками, рыбными магазинами и закусочными. В Райде особая тоскливая атмосфера любого курортного городка в межсезонье – отели с закрытыми ставнями, скидки на гидрокостюмы, бесцельно шатающиеся подростки.

Иду по набережной. Говард тянет меня вперед, мимо катка, мимо галереи игровых автоматов, мимо уменьшенной версии парка аттракционов «Питер Пэн». Одна из каруселей перевернута, ее содержимое смахивает на промасленные внутренности. Все эти достопримечательности вовсе не кажутся такими убогими и ужасными, как описывал Зак. Возле пруда, рядом со стоящими на приколе водными велосипедами в форме лебедей, молодая женщина с ребенком бросают уткам хлеб. Вспоминаю праздник в Богнор-Реджис: стройная решительная мама в латаном-перелатаном платье и две ее опрятные дочки. Мы наряжены в одинаковые купальники – синие с белыми юбочками, из детского фирменного бутика «Каффс». «Твоей сестре он идет больше, – сказала мама. – В отличие от тебя у нее точеная фигурка. Ну, тут уж ничего не поделаешь».

Дойдя до широкого пляжа, спускаю Говарда с поводка. К моему облегчению, сегодня ему гораздо лучше. Возле парома я купила карту, поэтому представляю нужное направление. Иду вдоль моря, мимо закрытого кафе, мимо опустевших пляжных домиков, потом через парк к другой магистрали. Дорожка пуста. Никто за мной не следит. За проливом Солент на горизонте, словно клыки, торчат башни Портсмута.

В конце аллеи, где домики кончаются, можно выйти к дороге. Беру Говарда на поводок, вновь сверяюсь с картой. Следующий поворот уходит от моря и ведет высоко в гору. Между деревьев стоят несколько больших домов, в основном поделенных на квартиры. Здесь совсем не как в Корнуолле. Зак был прав. Природа более окультурена, похоже на пригород. Многие здания летом сдают внаем, сейчас они заперты.

На вершине, возле входа в шумный парк «Знакомство с дикой природой», Говард рвется с поводка. Я выхожу на главную дорогу – по ней

до деревни, где вырос Зак, всего пятнадцать минут ходьбы.

Не знаю, чего я жду – зеленых лужаек, мисс Марпл, соломенных крыш. Здесь все куда более обыденно. Бровка холма, поворот дороги, шоссейная развязка. Я знаю, что в деревне есть начальная школа, хотя Зак ходил в подготовительную школу Теннисон («лучшее образование на всем острове»), винный магазин (с толстыми решетками на окнах) и супермаркет сети «Лондис». Паб, на котором висит объявление о наличии кабельного телевидения и воскресного блюда.

Сажусь на скамейку рядом с урной для собачьих экскрементов. Говард ложится у моих ног. Я рада, что взяла его с собой. Поблизости никого. Не думала, что здесь так безлюдно. Я надеялась найти особняк Марчингтон буквально сразу – большое здание, широкая подъездная аллея, огороженный стеной сад, теннисный корт. Пока ничего похожего мне не попалось.

В «Лондисе» девушка с пирсингом в носу смотрит на фотографию Зака и не узнает его. Это мое любимое фото: в полудреме он лежит на шезлонге в нашем саду, склонив голову к солнцу. Я сняла его тайком. Девушка не знает никого по фамилии Хопкинс. Единственный большой дом поблизости – гостиница класса люкс «Приори». Зак однажды обмолвился, что его няню звали мисс Коус. Она носила накрахмаленную форму и жила в коттедже на ферме. Девушка говорит, что здесь есть Коусавеню, но не знает никаких старушек, которые были нянями.

Отец Зака не ходил в паб. Он заказывал выпивку на дом, предпочитая пить в одиночестве. На всякий случай все равно захожу в бар. Хозяйка заведения родом из Таиланда и ничего не знает. Она советует мне вернуться к пляжу, к небольшому пансионату внизу холма. Владелец магазинчика сувениров торгует там уже много лет, возможно, он что-нибудь скажет.

Заморосил дождь. Застегиваю флисовую кофту, надеваю капюшон и иду в указанном направлении. Будучи подростком, Зак наверняка сидел в том пабе, скатывался с горы на велосипеде. Если он решил скрываться здесь, то живет же он хоть какой-то общественной жизнью. Ходит по этим тротуарам, делает покупки в этих магазинчиках. Или я ошибаюсь? Словно слышу его голос: «Думал, ты мне доверяешь».

Деревня довольно приличная, повсюду синие и желтые шторы на окнах. Ничего устрашающего. Наверху главной улицы стоит магазинчик сувениров. Вхожу, звенит колокольчик. Воздух внутри сладковатый и чуть затхлый, пахнет карандашной стружкой и старыми книгами. Неужели мой муж тратил здесь свои карманные деньги на игрушечные самолетики,

водные пистолеты или материалы для живописи – восковые мелки и альбомы бумаги для набросков? Пытаюсь представить его маленьким мальчиком, неторопливо выбирающим покупки. Ничего не выходит, и сердце ёкает в груди. Спрашиваю продавца, толстяка с румяными щеками и новыми вставными зубами, не помнит ли он его и не видел ли недавно, но нет. Он советует спросить в соседнем здании – на почте.

Трое светловолосых школьников выбирают сеть для ловли крабов, лысый мужчина в красных брюках достает деньги из банкомата. Я в растерянности. Остров оказался гораздо больше, чем я ожидала. Судя по карте, двадцать пять миль в длину, тридцать в ширину. Его может тут и не быть. Он может находиться где угодно. Девушка у кассы тоже не слышала фамилию Хопкинс. Коус – да, есть здесь такая семья, хотя никто из них не работал няней, насколько она знает. Что касается больших домов, то их не так много, почти все давно переделали в многоквартирные.

– Простите, что ничем не могу помочь, – говорит она и тянется за пачкой сигарет «Силк-Кат», которую передает мужчине в красных брюках. – Жаль, что он пропал, милая! Представляю, какая у вас тоска на сердце.

Стою возле почты, рядом привязаны две таксы, которые громко лают.

В аптеке через дорогу в кресле у стойки сидит пожилая женщина с распухшими лодыжками. Фармацевт – высокий тощий юноша с запавшими щеками и выпирающим адамовым яблоком. Выкладываю свою жалостливую историю о пропавшем друге, Заке Хопкинсе, которого ищу. Рассказываю о доме его детства. Фармацевт качает головой, бросив взгляд на фото, зато из заднего помещения выходит темноволосая женщина с лекарством для пожилой покупательницы и тянет шею.

Старая леди тоже смотрит. Женщина помоложе спрашивает:

– Уж не сынок ли Джилли Джонс? Похож, правда?

Старая леди берет снимок и подносит ближе к лицу. Кивает, отдает мне обратно:

– Это точно сынок Джилли Джонс!

– Джонс? Нет. Не может быть! Вы, наверное...

Женщина помоложе отворачивается. Она не хочет со мной разговаривать. Чувствую себя неловко, будто сказала что-то не то. Старуха поднимается, я подаю ей руку, и мы вместе выходим из аптеки. Она опирается на меня, переходя через дорогу, и идет к лающим таксам. Отвяязывает их и спрашивает:

– Ну, у него наконец-то все наладилось?

Я киваю:

– Да. Если мы говорим об одном и том же человеке, то да. Он стал художником. Причем хорошим.

– Вам стоит побеседовать с миссис Бристок. Она была соседкой Джилли Джонс. Все еще живет в том же доме. Она вспомнит, ведь она нянчила мальчишку. Идите. Возьмите снимок и покажите ей.

Старуха дает мне адрес, указывает направление палкой и удаляется шаркающей походкой вместе с таксами.

Я снова перехожу на другую сторону, сворачиваю к современному району. Дорога делает поворот, я тоже иду сначала налево, потом направо, затем двигаюсь в обратном направлении – заблудиться легко, дома выглядят одинаково – и, наконец, после десятиминутного подъема в гору, нахожу нужный дом. Он маленький и квадратный, с небольшим газончиком и спутниковой тарелкой, прикрепленной к крыше мансарды. На единственном окне – занавеска с фестонами.

Скорее всего, визит окажется пустой тратой времени. Представляю, как миссис Бристок смотрит на фотографию и качает головой. Отчасти я на это надеюсь.

Дверь открывает хрупкая женщина с тугими седыми локонами и мутными голубыми глазами за толстыми линзами очков. На ней жемчужные серьги в форме капель, платье в цветочек и золотые парчовые шлепанцы на изборожденных венами ногах. Когда я объясняю, зачем пришла – я все еще использую имя Зак Хопкинс, – она кладет мне на плечо костлявую руку и приглашает войти.

– Не беспокойтесь о собаке, пусть побегает в саду.

Она не спеша открывает заднюю дверь, чтобы выпустить Говарда. Он видит кошку и кидается в погоню. Мы с хозяйкой проходим в гостиную.

Там жарко и полно безделушек. Под каминной полкой полыхает газовое пламя, телевизор работает с выключенным звуком. От запаха роз кружится голова.

– Итак, милая, – говорит она, опускаясь в кресло. – Расскажите-ка снова, зачем вы пришли.

Присаживаюсь на край дивана, на столике сбоку от него стоят миска с ароматической смесью из сухих лепестков роз и высокая черная кошка из крученого стекла. Вынимаю фотографию и аккуратно кладу ее на стол.

– Это Джек Джонс, – мигом узнает она. – Сынок бедняжки Джилли.

Джек Джонс. Я бессильно откидываюсь на спинку дивана, подушки под головой сминаются.

– Вы уверены? Когда мы познакомились, его звали Зак Хопкинс.

– Нет, Джек Джонс! Она ради приличия называла себя миссис Джонс,

но замужем не была. Это ее девичья фамилия, хотя... – Хозяйка машет рукой. – Теперь, когда вы об этом упомянули, я поняла, что мальчик взял фамилию отца. Изменил ее официально.

– Фамилию отца? Что вы имеете в виду?

– Бедняжка Джилли сильно расстроилась. Отец его знать не хотел, он был одним из тех парней с ярмарки или из морской академии, что приезжали на один день. Когда мальчику исполнилось пять лет, тот явился. Причем алиментов никогда не платил.

– Ничего не понимаю! У Зака, которого знала я, было оба родителя. Вы уверены?..

Снова передаю ей фотографию, она подносит ее к лицу.

– Да. Это точно Джек из соседнего дома! – Она отводит указательным пальцем занавеску. – Вон из того. Такой же, как мой, только их садик на склоне, а у меня сушилка для белья побольше.

Смотрю, куда она показывает. Такой же домик со спутниковой антенной на крыше. На дорожке валяется детский трехколесный велосипедик. Никакой это не особняк. И теннисного корта нет. Ни слуг, ни злого отца. Вообще никакого отца!

– Думаю, мы говорим о разных людях! – заявляю я.

Миссис Бристок поднимается на ноги и открывает шкафчик под телевизором. Достает альбом с фотографиями, листает.

– Вот! – говорит она, указывая пальцем. – Вот он. С Джилли на деревенском празднике. – Она подносит альбом к лицу, чтобы прочесть подпись под фотографией. – В 1985 году. Ему было тогда лет тринадцать.

Я внимательно рассматриваю фото. Женщина худая, лицо осунувшееся. Она в туфлях на каблуках, в розовом пальто, перетянутом на талии черным лакированным ремнем. Рядом с ней стоит недовольный мальчик, норовящий уйти из кадра. Высокий, каштановые волосы, синие глаза, резко очерченный рот.

– Она его била? – в итоге выдавливаю я.

– Джилли его обожала! – восклицает миссис Бристок. – Работала в супермаркете «Теско». Когда они стали вести круглосуточную торговлю, выходила в две смены. Машину водить так и не научилась, поэтому ездила туда на велосипеде. Для своего мальчика выбирала только самое лучшее. Избаловала его, конечно. Вечно шла у него на поводу. В том-то и проблема.

После продолжительной паузы спрашиваю дрожащим голосом:

– В какую школу он ходил?

– Сначала в нашу начальную, потом в общеобразовательную в Ньюпорте. Джилли хотела, чтобы он поступил в гимназию в Портсмуте, но

отбор он не прошел. Помню, мальчик сильно рвался в художественный колледж. Как-то на Пасху выиграл деревенский конкурс и рисовал карикатуры на ярмарке в честь недельной регаты. Однако ничего не вышло. Оценки у него были не те.

Она умолкает и улыбается мне:

– Могу я вам что-нибудь предложить, милая? Пить хотите?

Я говорю, что хочу стакан воды и схожу за ней сама. Спрашиваю, что ей принести, она просит чаю – «рановато еще, ну да чего уж там!» Иду на кухню, ставлю чайник, смотрю в окно. Говард лежит посреди газона, рядом с поилкой для птиц.

Ни жестокого отца, ни побоев, ни холодных коридоров, ни стылых подвалов. Обычное детство в обычной деревне! Обожавшая его мать давала ему все, что заслуживала. Семья неполная, но от этого еще никто не умер. Ничего из того, что он мне рассказал, не было правдой. Сплошная ложь! Сколько раз я прощала его невыносимое поведение, его потребность контролировать все и вся, делая скидку на то, что ему пришлось вынести в детстве? Сколько безобразий ему сходило с рук?

Он не учился в художественном колледже. Он никогда не жил в Клэпхеме. Вспоминаю голые белые стены студии в Уимблдоне – рисовал ли он там вообще?! После его смерти я тщетно пытаюсь отыскать ту галерею в Эксетере – ее он тоже выдумал? Я любила этого человека. Лежала с ним рядом каждую ночь. Прикасалась к его телу. Жила только им, позволила ему обладать мною. А он спал с Онни. Я его совсем не знаю. Даже имя у него вымышленное!

Наконец я возвращаюсь в гостиную. Миссис Бристок выглядывает в щелку между тюлевыми занавесками. Она очень благодарна за чашку чая – «боже мой, какой сервис!» – и начинает рассказывать про своего мужа, мистера Бристока, который владел магазинчиком школьной формы в Саутси. Ему не повезло – заболел раком и безвременно ушел еще в шестидесятых годах.

– Джек Хопкинс, – задумчиво произносит она. – Я часто гадала, как сложилась его судьба. Напомните-ка, почему вы его ищете?

– Он был моим другом. Мы утратили связь. Вы его видели... в прошлом году или в этом?

– С тех пор как он встал на ноги и уехал – нет. Наверное, он стал туристическим гидом. Проводит автобусные экскурсии где-нибудь в Европе.

– Вероятно. Он говорил об этом, но...

– После всего, что случилось... Думала, он приедет продавать дом,

однако в ту дверь вошел лишь агент по недвижимости. Похоже, не захотел показываться людям на глазах после... – Она переводит разговор на другую тему. – Знаете, новые соседи вполне ничего. Правда, сад они совсем запустили. Джилли обожала свой садик.

– Каким он был в детстве? – спрашиваю я.

Миссис Бристок пристально смотрит на меня.

– Мальчик-красавчик. Вел себя как паинька. Очаровывал с первого взгляда. Огромные синие глаза – сделаешь для него все что угодно. Я сидела с ним, пока Джилли работала. Он тогда был очень мал. Потом все изменилось.

Она приглаживает седые локоны и смотрит в пол.

– Джек был непростым парнем. Не знаю, уместно ли...

– Прошу, продолжайте!

– Ну, если вы хотите... – Она рассказывает всякие истории из его жизни. Взрывал петарды в неподходящее время, потом мучил лягушек, резал мышей, потом пропала ее любимая кошка. – Я всегда знала, что это его рук дело! Когда он был маленьkim и тихим мальчиком, она разок его покорябала, и он ее возненавидел. Не подходил к ней, говорил, что она злобная. Искал ее повсюду вместе с другими ребятами (я пообещала вознаграждение), но я случайно поймала его взгляд – в нем было, как мне показалось, ликование.

Хозяйка снимает массивные очки и трет красную отметину на носу, затем снова их надевает.

– Зимой молодежи тут особо нечем заняться. То ли дело летом. Когда Джек подрос, стал общаться с курортниками. Устроился работать в яхт-клуб, в бар. Помню, от одной девчонки он был без ума – она училась в школе-пансионе, приехала всего на месяц по дороге в Корнуолл, где у ее семьи был дом.

– Ее звали Виктория?

– Понятия не имею, милая. В этом был весь Джек – прожужжал Джилли все уши, что им надо переехать в Корнуолл. Здесь его ничто не устраивало.

– Вообще-то он обожал Корнуолл. Купил там небольшой домик на деньги от... – Я машу рукой в сторону соседнего дома.

– Надеюсь, это принесло ему счастье.

Я усмехаюсь, потом вздыхаю:

– Не знаю.

Она пронзительно смотрит на меня:

– Я его не виню! Что бы люди ни судачили. Мне нравится видеть в

людях лучшее, и вот коронер тоже... встал на его сторону.

Я растерянно улыбаюсь:

– Что вы имеете в виду?

– Тот несчастный случай.

– Несчастный случай? – Диван, на котором я сижу, из бежевого велюра. Провожу по обивке рукой. Она темнеет.

– Разве он вам не рассказывал?

– Нет.

– Ну, значит, придется мне, вы ведь все равно узнаете. Была у него подружка, Полли Мильтон, ее отец владел яхт-клубом. – Миссис Бристок кивает сама себе. – Красивая была девочка, своенравная – все они такие в юности. Кружила головы мальчишкам. Ее родители едва не умерли от горя.

– Почему?

Из соседнего дома выходит маленький мальчик, садится на трехколесный велосипед и ездит по улице туда-сюда, дергая звонок.

– Утонула она. Отправилась с Джеком к крепости возле Бэмбриджа на отцовском «Лазере». Тело выбросило на берег в Госпорте месяц спустя. Джек был безутешен. Сказал, что она спрыгнула шутки ради, а пока он разворачивал яхту, уже исчезла под водой. Избороздил всю бухту, пытаясь ее найти, но...

Мое лицо окаменело. Язык онемел.

– О чем же судачили люди?

– Ну, говорили, что Джек ее убил. Ониссорились – люди с проезжающей мимо лодки слышали громкие голоса. Никто не поверил, что девочка спрыгнула сама – место там опасное, течение сильное и судоходная трасса слишком близко.

– Его арестовали? – спрашиваю я чуть громче, чем хотела бы.

– Да, хотя до суда дело не дошло. Не хватило доказательств. Однако после этого на острове ему были совсем не рады.

Зак

13 февраля 2012

По пути из города припарковался возле ее работы. Стоял неподалеку и наблюдал за ней через окно школьной библиотеки. Горел свет, она прошла мимо дважды. На третий раз она облокотилась на подоконник и выглянула на улицу. Смотрела прямо на меня и не видела: я прислонился спиной к дереву, надежно укрывшись за густыми ветвями. Я уже собирался шагнуть

вперед, как вдруг рядом с ней возник мужчина, и она со смехом обернулась, запрокинув голову. Я представил, как он целует ее в изгиб шеи, где пульсирует вена, она прикрывает глаза, он сжимает ее грудь...

Если она с кем-нибудь сойдется, если забудет все, что было между нами, я ее убью!

И пусть пеняет на себя.

Галлз без нее не тот.

Позвонил ей только что, притворился, что добрался до Эксетера с полугодичным запасом моих несуществующих картин. Арт-дилер взял все и хочет еще! Собираемся вместе пообедать и отпраздновать сделку в местном винном баре. Себе закажу салат. Приму душ и побреюсь в гостинице. Хозяйка – приятная женщина преклонных лет. Вдова.

Забавно, с какой готовностью она мне верит. Ее воображение опережает мою ложь.

– Что ему понравилось больше всего? Абстрактные пейзажи или те полотна, где ты играешь с персонификацией? – Хочет, чтобы мои дела наладились: тогда она сможет от меня избавиться и безнаказанно трахаться со своими любовниками!

В глазах стоят слезы. Пьяным я бываю слезлив.

Как приехал, со стула практически не вставал. Если дождь перестанет, схожу и заберу вещи из багажника. Может, почитаю. Может, нет. Покой, тишина – все, что мне нужно.

Наверное, позже съезжу в «Голубую лагуну» – вдруг Кулон пополнил свой чемоданчик. Я вроде как на мели. Деньги возьму из заначки Лиззи в кухне. Она и не узнает, надо только возместить недостачу до отъезда.

Глава 23

Лиззи

Такси не беру. Мне нужен воздух.

Дойдя до набережной, я пристально смотрю туда, где она утонула. Полли Мильтон. Давным-давно, сидя во французском ресторанчике напротив клэпхемского кинотеатра, Зак рассказал мне про какую-то Полли. Бифштекс. Красное вино. Чарующая прелесть откровенности. Первая любовь Зака; изменила ему с лучшим другом и разбила его сердце. Он не упоминал ни о том, что она погибла, ни о том, что был рядом, когда это случилось.

Бреду вдоль мола. Волосы Полли будто водоросли, покачивающиеся в глубине. Раздувшееся тело, пустые глаза... Вспоминаю о Шарлотте, о ее падении с лестницы. Зак был далеко. Представляю, как ее руки и ноги бились о балясины, потом тяжелый удар головой, глухой стук и все.

Две смерти. Этот мужчина постоянно мне лгал.

Возвращаюсь в Райд, потом опять паром, автобус и электричка. Будто иду под водой, борясь с течением. В вагоне людно. Мать укачивает ребенка. Группа подростков слушает музыку на мобильном. Женщины с хозяйственными сумками. Мужчина с газетой.

Пристально всматриваюсь в мир за окном – сады, поля, магазины, заводы. Зак где-то там. Я знаю. Он не намерен возвращаться к счастливой семейной жизни. Он не жертва насилия в семье. Все гораздо сложнее, его расчет в другом. Зак меня не боится. Он меня не любит. Я столько раз его оправдывала и прощала! Он решил мне отомстить.

На станции двери открываются, заходит мужчина. Я напрягаюсь, хватаю Говарда за ошейник. Мужчина стоит ко мне спиной, складывает раздвижную ручку чемодана на колесиках и убирает его на полку для багажа. Когда он оборачивается, я понимаю, что он гораздо старше Зака и ниже его ростом, ему лет шестьдесят, нос картошкой, румяные щеки. Я так сильно прикусила губу, что чувствую соленый вкус крови.

Почему я его любила? Несмотря на его сложный характер, я думала, что нужна ему, что смогу ему помочь. Верила, что мы созданы друг для друга. Чувствовала связь между нами. Как бы то ни было, я не могла им надышаться. И кто я после этого?!

Судорожно ищу мобильный, набираю Джейн, потом Пегги. Ни одна не берет трубку. В субботний день нормальные люди, живущие нормальной жизнью, ходят в кино, встречаются с друзьями.

Проехав Гилдфорд, звоню Сэму. Больше некому. Он отлеживается в своей квартирке. Да, гораздо лучше, спасибо. Нет, высаться на больничной койке решительно невозможно. Приятно вернуться в свою кровать.

Он вежливо отвечает на мои вопросы, пока они не иссякают.

– Ты в порядке? – спрашивает Сэм. – Голос у тебя расстроенный.

Прижимаюсь лбом к окну, едва сдерживая слезы.

– Приезжай, – говорит он.

Со станции спешу домой – отвести Говарда. Темнеет, поэтому стараюсь идти по центральным улицам – вверх по Сент-Джонс-Хилл, забитой автобусами, потом по Баттерси-Рэйз до Спенсер-парк, на которой с одной стороны стоят большие дома, с другой – железнодорожные пути. Впервые мне страшно идти по улицам. Теперь я знаю, на что он способен. Зак – жестокий человек. Никакой он не страдалец, измученный проблемами и ждущий, пока его кто-нибудь спасет. Он лжец и преступник, он хочет меня убить!

Оставляю позади суetu станции Клэпхем и улиц, по которым ходят автобусы. Хотя движение по-прежнему оживленное, пешеходов нет. В низине слева – железнодорожная выемка, мимо с грохотом проносится поезд, сверкая огнями. На ходу постоянно оборачиваюсь. На середине пути, ярдах в пятистах или около того, замечаю велосипедиста в белом шлеме. Судя по силуэту – мужчина. Он неторопливо жмет на педали, колени сгибаются, велосипед чуть виляет, то удаляясь, то приближаясь к обочине.

Потом велосипедист опускает голову и набирает скорость. Расстояние между нами сокращается. Я бегу, Говард упирается. Снова оборачиваюсь. Две сотни ярдов, ездок явно стремится меня догнать.

Велосипед Зака и белый шлем, который я ему подарила, лежали в сарае. Останавливаюсь – дышать тяжело, в груди жар. Нужно довести ситуацию до развязки, заставить его действовать. Поезд сбавляет скорость. В вагонах горит свет, сквозь ограду видны смазанные лица пассажиров.

Велосипедиста обгоняет такси. Горит сигнал «свободен». Поднимаю руку и, словно в замедленной съемке, машина тормозит, мы с Говардом забираемся внутрь.

В заднее окно наблюдаю за велосипедистом, отчаянно пытающимся

нас догнать.

Таксист ждет, пока я заведу Говарда в дом и покормлю. Онни ушла. Записка со стола исчезла. Ответ она писать не стала, хотя букет анемонов, которые она принесла мне днем раньше, сунут в мусорный бак – тоже ответ в каком-то смысле. По-быстрому умываюсь, укладываю Говарда в его корзинку и выбегаю из дома. Запираю дверь, сажусь в такси.

Водитель попался не особо разговорчивый, и это к лучшему. Мысли развеиваются. Велосипедиста-то я и не искала. Думала, он будет пешком или на машине. Совсем забыла про велосипед Зака. Движение оживленное. Догонит ли он такси? Смотрю в заднее окно. Обзор закрывает автобус. То ли Зак не спеша едет следом, то ли обогнал нас и ждет на светофоре. Чем и хорошо велосипедисту в Лондоне: лавируешь как хочешь, добираешься куда угодно.

На Стратхэм-Хай-роуд полно народу, одни люди шумной гурьбой выходят из пабов, другие спешат в «Макдоналдс». Сэмз-роуд (второй поворот после полицейского участка, позади кинотеатра), наоборот, темная и тихая. Такси останавливается возле недействующей церкви, я выхожу и расплачиваюсь за проезд. По проходу между домами крадется кошка, потом стремительно бросается через дорогу. Сзади хлопает дверь, раздается металлический лязг: женщина кладет что-то в мусорный бак. Таксист закрывает окно и уезжает.

Стою на тротуаре, осматриваюсь. Никто в белом шлеме не выворачивает из-за угла. Впрочем, тут есть несколько проулков, заброшенная церковь и полно темных мест, чтобы спрятать велосипед и затаиться. Не слишком ли я рисую? Разве можно подвергать Сэма еще большей опасности? Или это единственный способ выманить Зака? Точно знаю одно: нельзя продолжать жить как ни в чем не бывало. Нужно довести ситуацию до развязки и наконец покончить с этим кошмаром.

Сэм живет в кирпичном доме Викторианской эпохи, разделенном на квартиры. Верхнее окно светится. У входа свисает лампочка на проводе.

Я выжидаю, толкаю калитку.

Звонок Сэма – в самом низу. Пытаюсь привести себя в порядок. Я обычный человек, пришедший на обычное свидание. Роюсь в сумке, ищу помаду. Зеркала нет, ну и ладно. Раздаются шаги Сэма, я поспешно отворачиваюсь и становлюсь лицом к свету. Представляю, как щелкает фотоаппарат, запечатлевая доказательство моего преступления.

Сэм открывает дверь в джинсах и чистой белой футболке. Из-под нее просвечивают бинты. При виде меня он улыбается, вокруг глаз появляются

морщинки. Он такой хороший и правильный, что мне хочется заплакать.

– Собирался принять душ, – говорит он, – и не успел. Прости за неряшливый вид.

Футболка выглядит новой – складки от упаковки еще не разгладились.

– Ничего не имею против легкой небрежности, – отвечаю я.

Квартирка на первом этаже за общарпанной белой дверью – маленькая, неприбранная и забитая книгами. Разномастная мебель недвусмысленно свидетельствует о разводе и разделе имущества: потертый диван, антикварный письменный стол, полки из «Икеа». Мы проходим в кухню. Раковина забита грязной посудой, шкафчик нараспашку, в нем стоят кукурузные хлопья, лимонно-лаймовый джем, маленькая упаковка риса «Анкл Бенс». Стол завален газетами и тетрадями, ждущими проверки.

За деревянной дверью небольшой дворик с нестриженой травой, обрамленный разросшимися кустами ежевики. На филенке две защелки – одна вверху, другая внизу, но они не закрыты.

Стоя ко мне спиной, Сэм открывает бутылку, достает бокалы. Пока он не видит, я поспешно задвигаю защелки.

– Значит, ты не садовод? – спрашиваю я, глядя в окно.

Гадаю, есть ли проход на соседний участок, насколько легко пробраться сюда с улицы. При этом сохраняю непринужденность светской львицы на вечеринке с коктейлями.

– Нет. – Сэм подходит ко мне с бокалом вина. – Садик я делю с жильцом из верхней квартиры. Раньше там жила супружеская пара, они время от времени устраивали барбекю. Новый жилец иногда выбирается туда летом, сидит и работает.

– Чем он занимается?

– Понятия не имею. Работа на дому. То ли писатель, то ли программист. Сидит и стучит на своем ноуте.

– Хорошо его знаешь?

– Не мой тип. Угрюмый парень. Ни с кем особо не общается.

– Как он выглядит?

Сэм смеется:

– Думаешь, мы знакомы?

– Просто интересно.

– Темные волосы, борода.

Тянусь за бокалом, рука дрожит.

Сэм это замечает. Накрывает мою ладонь своей.

– Не знаю, зачем сказал, что не успел в душ, – говорит он. – Успел. С повязками пришлось повозиться – трудно было не намочить. Специально

надел новую футболку. Мне не хотелось, чтобы ты решила, что я стараюсь только из-за тебя.

Для флирта его тон чересчур банальный. Я смеюсь, потом начинаю плакать.

Начинаю со лжи Зака – от его детства до интрижки с Онни, потом перехожу к рассказу о нашей с ним жизни. Сэм узнает то, в чем я не решалась признаться ни сестре, ни лучшей подруге, и то, что я изо всех сил пытаюсь забыть. Заговорив, я уже не могу остановиться. Твержу, что любила Зака, что он был любовью всей моей жизни. И дело не только в сексе, хотя и в нем тоже. Когда я познакомилась с Заком, он был милым и добрым. Заботился обо мне. Считал, что я несчастна, и хотел сделать меня счастливой. Я поверить не могла в свою удачу: неужели я ему действительно нравлюсь?

Рассказываю Сэму, как Зак стал постепенно меняться – медленно, незаметно. Вроде бы мелочи. Дальше – больше. Он вскрывал мои письма. Он следил за мной. Коллега по работе (средних лет, женат) как-то подарил мне коробку конфет в благодарность за то, что я заказала в библиотеку несколько книг, которые были ему очень нужны, а Зак спустил шоколадки в унитаз. Однажды в Сайнтсбери я взяла мелочь для парковочного счетчика у мужчины, оказавшегося неподалеку. Когда я вернулась домой, Зак совершенно вышел из себя. Допрашивал меня несколько часов. Он шпионил за мной постоянно.

Сэм очищает тарелки, водружают их поверх сковородок в переполненной раковине.

– Зак поднимал на тебя руку?

– Скорее, давил на психику, – наконец отвечаю я. – По большей части.

Он снова садится.

– Ты кому-нибудь рассказывала?

– Сперва это казалось ерундой. Когда же все стало гораздо серьезнее, я поняла, что сама виновата. Считала, что делаю все не так и сама его провоцирую.

– И ты понимала, что поэтому не можешь его бросить?

В глазах стоят слезы.

– Я собиралась, – наконец признаюсь я.

– Как тебе удалось решиться?

Делаю глубокий вдох:

– Я еще никому об этом не рассказывала.

Сэм ждет, пока я соберусь с силами.

– Мы пытались завести ребенка, – говорю я натянутым голосом. – Зак был не против, однако когда ничего не вышло, он сказал, что это знак: без детей нам лучше. Сказал, что его мне должно быть вполне достаточно. Но все оказалось ложью. – Я убираю упавшие на лицо волосы. – В том-то и дело! Я хотела ребенка и тайком от мужа пошла к семейному доктору, чтобы выяснить, в чем дело, а она думала, что я знаю...

– О чём ты?

– Немного смущенно она заверила, что беспокоиться не стоит. Люди часто меняют свое решение. Как правило, процедура обратима. Велела прислать мужа к ним в клинику.

– Он сделал вазэктомию?

– Да. – Я прикусываю губу. – И не сказал мне. Он солгал! Заставил меня думать, что...

– Вот подонок!

– Знаю. Он и был подонком! Сделал операцию тайком, заставил меня верить, что все это время мы пытались завести ребенка... Разве можно так поступать с тем, кого любишь?

– Что же он ответил в свое оправдание?

Смотрю на Сэма в замешательстве:

– Я не стала поднимать эту тему. Конечно, следовало с ним поговорить, но он бы все переиначил, заставил чувствовать меня виноватой. И тогда я решила уйти. Написала ему письмо. Я не стала объяснять, почему хочу расстаться. Я... Это было ужасное письмо! Я написала: «Дорогой Зак, я никогда не забуду того, что между нами было, однако думаю, что нам стоит пожить отдельно друг от друга. Мне нужно больше личного пространства. Прошу, не беспокой меня некоторое время. С любовью, Лиззи». Господи! Я только что поняла! Не беспокой меня некоторое время – поэтому он и выжидал!

Вид у Сэма растерянный.

– Когда вы были вместе, тебе не приходило в голову обратиться в полицию?

– Нет. Думала, что справлюсь. И вот теперь, похоже, самое время туда обратиться.

Он кивает, пододвигает ко мне миску с арахисом.

– Неплохая мысль. Почему бы и нет? Они порекомендуют специалистов, с которыми ты сможешь обсудить случившееся. Ненавижу говорить банальности, и, тем не менее, это поможет тебе поставить точку в отношениях.

– Ты так ничего и не понял!

Сэм смотрит на меня с удивлением.

– Я не хочу ставить точку! Мне нужно обратиться в полицию потому, что он все еще жив! Сэм, он где-то рядом! Вероятно, он знает, что я здесь. И он опасен для окружающих! Две женщины, о которых я тебе рассказывала, погибли от несчастного случая! Мне страшно!

Выражение лица Сэма не меняется. Он накрывает мою руку своей. Пальцы у него короткие и толстые, ногти аккуратно подпилены.

– Ты думаешь, что я сошла с ума! – восклицаю я. – Все так считают.

Он берет меня за локоть, притягивает к себе и усаживает рядом на диван.

– Расскажи мне, что с тобой происходит.

Рассказываю ему о слежке, о предметах, появившихся в доме в мое отсутствие (мертвая птица и помада), об исчезнувших вещах (айпод, капиллярные ручки, фарфоровые домики, пожитки Зака в Галлзе). Рассказываю про музыку, которую слышу постоянно, и о том, как видела Зака на парковке возле стадиона, и про послание на картине. И еще я сообщаю Сэму, что его избил именно Зак.

Он почти ничего не говорит, выражение его лица не меняется. Пару раз кивает. Закончив, я поднимаю взгляд.

– Ты мне веришь?

– Какого ответа ты ждешь?

– Скажи, что думаешь!

Сэм встает с дивана, опускается рядом со мной на корточки. Он старательно подбирает слова:

– Думаю, у тебя был горький опыт. Непростой брак с чрезвычайно сложным, если можно так выразиться, мужчиной. Да еще он попал в ужасную автокатастрофу... Вполне естественно, что сейчас ты переживаешь посттравматический стресс.

– Хочешь сказать, что я все придумала?

– Тебе пришлось многое испытать. – Он все еще сидит на корточках, потягивается, отводит плечи назад и морщится. – Ой! Прости. Лучше встану...

От отчаяния мне хочется кричать. Еще один человек, который мне не верит! Я рассказала ему все. Думала, что он меня спасет. Не пора ли мне встать и уйти? Или лучше еще немного задержаться? Дверь хлипкая, зато задвижки прочные. Вспоминаю, как по пути сюда я проехала мимо полицейского участка. Сэм удаляется на кухню, делает кофе. Мне приходит в голову другая мысль, мягкая и уютная словно кашемир. Посттравматический стресс. Я все выдумала. Никакая опасность мне не

грозит.

– Взбить тебе молока? – спрашивает Сэм. – Есть у меня специальная штуковина...

– Давай.

На столе передо мной лежит стопка книг. Беру верхнюю. Малиновая бумажная обложка, типичный бестселлер по саморазвитию. Листаю страницы. Одна глава называется «Социопатия», следующая – «Нарциссическое расстройство личности». Дальше – больше. Перечень психопатических черт: отсутствие сопереживания, поверхностное обаяние или харизма, чувство превосходства над другими людьми, постоянная неудовлетворенность, стремление контролировать окружающих.

Когда Сэм возвращается, я протягиваю ему книгу:

– Думаешь, Зак подходит под это описание?

– Возможно. Под определение «социопат» попадает четыре процента населения. То есть один из двадцати пяти человек начисто лишен совести.

Несмотря ни на что, сразу бросаюсь на защиту Зака.

– Другие люди тоже не святые! – восклицаю я. – Я всегда веду себя вежливо, со всеми соглашаюсь. Взять, к примеру, Джойс Поплин, она та еще стерва. Я делаю ей чай, улыбаюсь... а внутри все кипит! Зак упрекал меня за то, что в людях я вижу лишь хорошее. Только это не так! Просто боюсь кому-то не понравиться.

– Понимаю.

Внезапно во мне вспыхивает ненависть к Сэму и ко всему, что он олицетворяет – к его спокойствию и благородству.

– Когда люди говорят, что они тебя понимают, это значит, что они совсем не слушают! Это мне Зак объяснил.

Сэм садится на диван. Я слышу, как он без конца повторяет: «Я тебя понимаю».

– Частично это обусловлено наследственностью, – говорит он. – Суть не в том, чтобы быть или не быть вежливой с Джойс Поплин. Суть в том, что именно так функционирует кора твоего головного мозга.

Я смотрю, как двигаются его губы.

– Правда?

– Тебе легче? – тихо спрашивает он.

Глаза у него совсем не как у Зака. И черты лица мягче.

Дышу глубоко, так глубоко, что щемит в груди. Тело кажется легким, по коже бегут мурашки. Ненависть, которую я испытывала к Сэму секунду назад, становится глубже. Смотри, как я это сделаю, думаю я. Смотри, как я тебя предам. Смотри, на что ты меня tolknul. Смотри на меня! Я

склоняюсь к Сэму, прижимаюсь губами к его губам.

Утром просыпаюсь рано. Еще не рассвело. Из квартиры наверху доносится шум, скрип, звук льющейся воды.

Сэм еще спит, свернувшись на краю кровати, одна рука поднята, голова лежит между подушек. На щеке красный след. Выбираюсь из постели, тихонько хожу по комнате, беру туфли и плащ. Виски взрываются болью от каждого движения. В кухне ополаскиваю лицо водой. Мне чудится, что Сэм встал, кровать скрипнула, но он не выходит. Просто звуки старого дома. Сад выглядит пустым и нелюбимым. Складной стул, какой можно купить на заправке, стоит в центре лужайки. Вроде вечером его там не было. Представляю, как сосед сверху сидит и печатает на своем ноутбуке. Стучит по клавишам.

Я берусь за ручку, замираю и жду. На общедомовой лестнице раздаются шаги, потом человек останавливается на площадке, хлопает дверь, и я ухожу.

Зак

13 февраля 2012

В баре было совсем глухо. Три парочки да Кулон с приятелем-серфингистом с белыми дредами, Джолионом. Патрон накинулся на меня как на давно пропавшего любовника. «Закамундо, мой дорогой!» Сыграли в покер, выпили. Пока Кулон отвлекался на клиентов, Джолион пытался затащить меня на какую-то тусовку, «Лик любви» в Бьюде. Честно говоря, он действовал мне на нервы. Чтобы от него отделаться, разрешил взять свою машину. Обещал вернуть на следующий день.

Когда подошел Кулон, я сразу завел речь о «чемоданчике». Плохая новость: Кулон провел весь январь с родителями в Аликанте: «Пришлось, брат, ведь это они спонсируют мою лавочку». Хорошая новость: на Новый год он раздобыл у студентов МДПВ^[14]. Обещал поделиться, но рассчитывает на покрытие расходов: «Прости, друг, самому не даром достался, ты же понимаешь». Отдал ему заначку, что лежала в коробке из-под мюсли, остальное занесу на неделе.

Инфа о его родителях стала мне как кость в горле. Думаешь, что человек похож на тебя, а потом оказывается, что он так же обласкан судьбой, как и другие уроды. Очередной хиппующий богатенький эксцентрик. Когда он перекупил «Голубую лагуну» несколько лет назад, я

решил, что ради этого он вкалывал, копил, потом вложил все средства в дело. Теперь выясняется, что бар – лишь хобби, образ жизни, который целиком спонсируют родители.

Мне все наскучили, и я собрался было домой, и тут пришла – кто бы вы думали? – Онни. Увидев вашего слугу покорного, вытаращилась и мигом кинулась ко мне. Если бы не перекошенная физиономия Кулона, я отмахнулся бы от нее как от назойливой мухи. Значит, он и она: хм, интересно. Быстро она утешилась. Еще один старпер. Похоже, только такие ей и нравятся.

Короче, отличный повод, чтобы остаться и как следует его побесить. Вот и нашлись в Корнуолле развлечения – вряд ли Алан и Вик учли, что «Голубая лагуна» и ее владелец окажутся для их дочери столь притягательными. Не говоря уже о его волшебном чемоданчике. Онни вела себя развязно и глупо, хватала еду с вилки Кулона. Хотела привлечь мое внимание. Вырядилась в мини-юбку, угги, чулки не надела, вдобавок зрачки у нее были расширены. И волосы перекрасила.

– Я совсем одна! – заявляла она всякий раз, когда Кулон отлучался обслужить клиента. – Хренова гувернантка кинула меня ради перепихона с Юным Фермером, бросила меня на произвол судьбы! Всю ночь я буду дома одна. Ты тут не с женушкой?

– Нет.

– Думала, она тебе безумно дорога.

Я пожал плечами.

– Разве ты по мне не соскучился? Можно навестить тебя в Галлзе? Не обязательно заниматься чем-нибудь, просто тусанем.

– Нет.

– Какой ты странный! Мама говорит, что ни разу не была у тебя дома – даже в те незапамятные времена, когда вы дружили. Там что, трупы? Чего ты прячешь?

– Ничего я не прячу.

– Тогда почему мне нельзя к тебе зайти?

– Грязи нанесешь.

Она рассмеялась. Решила, что я шучу. Вскоре после этого бочком удалилась с Кулоном наверх. Потаскушка!

Я уже дома. Пришлось добираться пешком. Забыл, что отдал машину этому неудачнику. Пусть только попробует разбить!.. Все думаю о большом доме на вершине холма. Когда Вик вышла замуж, я разок туда вломился. Вспоминая то время, испытываю нечто вроде ностальгии. Я еще учился. На тот момент обстановка показалась мне верхом утонченности – дизайн от

«Коулфакс энд Фаулер», столы с фуршетными юбками. Интересно, с тех пор они обновили интерьер?

Сейчас в доме никого нет. Гувернантка ушла. Онни развлекается с Кулоном. Возьму фонарик да пойду взгляну. Если я правильно помню, окна в гостиной снабжены красивыми защелками под старину.

14 февраля 2012

Вернулся в Галлз мокрый и грязный. Потерял уйму времени. Нужно успокоиться. Интересно, это нормальная реакция? У меня такое чувство, будто я должен как-то отреагировать, будто есть какая-то инструкция, как вести себя в подобных обстоятельствах. Неужели я до сих пор пьян? Хочется смеяться. Хочется увидеть Лиззи. Она нужна мне! Позвоню ей, как только Онни выйдет из душа. Лиззи меня спасет! Собственно, этим она всю дорогу и занималась – спасала меня от себя самого.

Она мне написала. Письмо нашел на коврике под дверью. Наверное, открытка ко Дню святого Валентина. На конверте ее прелестный почерк. Через минуту открою. Я жду извинений и излияний любви. Мой ангел! Я уже простил. Даже не помню, почему рассердился.

То ли рисунок меня выдал, то ли резиновые сапоги. Смешно!

Навестил Сэнд-Мартин. Тогда я вроде был трезв. Ну, может, пару раз макнул палец в пакетик с белыми кристаллами, что купил у Кулона. Пакетик и сейчас передо мной, но кристаллы не посчитаешь, так что даже не знаю. Может, и попробовал. Не помню. Провалы в памяти, вот что меня беспокоит. Я слишком увлекаюсь и теряю контроль.

Лиззи с этим разберется. Она знает, что делать.

При ближайшем рассмотрении дом выглядел пустым, светился в темноте как скала в тумане. Через клумбы перед окнами я перебрался довольно легко, сунул кредитку в щель рамы и открыл защелку. Боялся, что петли забиты засохшей краской, но створка отошла без проблем. Пока поднимался по склону, на сапоги налипла грязь, поэтому, прежде чем лезть в дом, я сел на подоконник и сбросил их на траву.

И полетели они на землю. Там они теперь и лежат. Пара брошенных резиновых сапог.

В доме все по-прежнему. С моего последнего визита ничего не изменилось, все на своих местах, даже ситцевый передник и старинные каретные часы. Безвкусные морские акварели. Столик красного дерева у стены. Графины и бокалы, херес и аперитив Дюбонне. Полбутилки однобочкового солодового виски десятилетней выдержки, моего виски – ну, то есть раньше-то виски принадлежал Мерфи. Впервые я попробовал его

именно в этой комнате. Плеснул в бокал примерно на палец и уселся в кресло с подголовником. Положил ноги на столик, сбросив на пол номер респектабельного журнала «Сельская жизнь». Выпил виски и почувствовал, как горло сначала обожгло, потом оно словно в янтарь превратилось. Прикрыл глаза. Лениво размышлял, что случилось с Вик. Раньше она была отличной девчонкой. Вечеринки на острове Уайт, ночные купания нагишом. Когда она переменилась?

– Ты все-таки пришел!

Открыл глаза. В дверном проеме стояла Онни. Не знаю, сколько она за мной наблюдала. На ней был флисовый сдельный комбинезон, волосы зачесаны назад. На миг я смутился. Сам видел, как она поднималась в квартирку Кулона над «Голубой лагуной». Она не успела бы вернуться так скоро, либо я надолго выпал из реальности и сейчас куда позже, чем я думал. К счастью, я хороший актер.

Я встал и с удовольствием потянулся:

– Вот и ты. Я тебя заждался!

Она посмотрела на меня изумленно:

– Значит, в баре ты притворялся?

– Типа того.

– Ревнуешь?

– Как всегда.

Думал, придется от нее отбиваться, однако она стала вести себя как ее мать в последние годы – эдакая манерная тори. Предложила выпить, принесла из кухни орешков. В глубине души она типичная представительница женского пола с подростковыми замашками, разумеется. Я тоже играл роль и вел себя как опытный прожигатель жизни в поисках развлечений в этой богом забытой дыре, и вскоре она пошла за своей «заначкой» – хватило на пару косяков. Я спросил, есть ли у нее еще что-нибудь потешить старика, и она достала бензфетамин, таблетки для похудения. Заявила, что от них нас унесет не хуже, чем от экстази.

Дальше все как в тумане. Наверху громко играла музыка, мы с Онни что-то готовили на кухне, хотя, как мы ели, я совершенно не помню. Она нашла для меня в кладовке еще одну бутылку «Гленгойла» – восемнадцатилетней выдержки. В Лондоне мы встречались раз пять или шесть, секс у нас был чисто механический. Я не собирался повторять ту же ошибку. Помню, решил ограничиться общением интеллектуальным. Изложил ей свою философию дизайна, говорил о важности простых линий, о том, что дом должен быть подобен чистому холсту, на котором воображение само нарисует все что угодно. Она назвала меня гением,

сказала, что запомнит это навсегда. Немного потанцевала, попрыгала по диванам. Я лежал на полу и смотрел. Она играла на пианино. Я пел «Эллисон» из альбома «Цель моя верна». Сказал ей, что Элвис Костелло – величайший певец всех времен. Велел и это запомнить навсегда. В какой-то момент мы принялись гоняться по комнатам за бродячей собакой, что случайно вбежала в дом. Или никакой собаки и не было? Возможно, меня преследовал призрак Говарда – порождение наркотических грез.

В гостиной она снова принялась танцевать, уже медленнее. Я вырвал чистый лист из книги, лежавшей на столике, и велел Онни замереть. Она приспустила рукава, обнажила грудь, легла на пол и запрокинула голову. Я рисовал ее полуобнаженной, а когда закончил, отложил набросок в сторону, встал на колени и стащил с нее комбинезон.

Уснул, когда было уже светло. Точнее, я помню, что на рассвете еще не спал.

Проснулся от криков. Открыл глаза и увидел лишь волосы Онни, разметавшиеся по подушке. Они были похожи на сеть. Я четко видел каждый волос в спутанных прядях. Рот ее был полуоткрыт, небольшая трещина на нижней губе. Сначала я решил, что кричала Онни, и теперь она мертва. И тут снизу донеслись новые крики, хлопнула входная дверь.

– Онни! – Снова визг. – Где ты? Какого черта ты тут устроила?!

Я вскочил, ушиб голень. Мы были в ее спальне. Я понятия не имел, сколько времени. Снаружи пасмурно. Раннее утро? Нет, далеко за полдень. Шум дождя. Туалетный столик, заваленный косметикой. Цветущая сакура на обоях. Онни открыла глаза и подняла голову. Она лежала поперек кровати, рядом с выемкой, оставшейся от моего обнаженного тела.

– Мама вернулась, – сказала она с улыбкой и томно поднялась с постели. – Смешно!

Кажется, я сказал, что это ни разу не смешно, и она начала действовать. Дверь и так была распахнута, Онни выглянула и прислушалась. Виктория вышла на крыльцо и разговаривала по мобильнику. Онни набросила одежду, схватила меня за руку, и мы сбежали по задней лестнице, промчались через чулан и кухню, пересекли промокшую лужайку и спрятались среди деревьев. Оба босиком. Мои сапоги остались перед домом. Я был в одних носках. «Ножки» ее комбинезона промокли и выпачкались в земле.

Мы притаились за деревом. Ветер трепал ветви, на нас падали капли. Онни смеялась. Я был в ярости. Замерз, промок и здорово разозлился. Мы поссорились. Она выдала: «Похоже, дождь идет». Я сказал, что дождь действительно идет, без всяких там «похоже». Сказал, что ничего она в

жизни не добьется, пока не научится говорить правильно. Велел ей убираться домой, а она ответила, что без меня не пойдет. Схватил ее за плечи и тряс до тех пор, пока она не разревелась. Развернулся и ушел, она побежала следом, через лес и в поле. Коровы совсем размесили грязь. Пришлось поддерживать друг друга, поодиночке мы бы оттуда не выбрались. Подошли к перелазу в стене, и я уже был на полпути, когда мне позвонили. Лиззи. Внезапно я вспомнил, что сегодня якобы должен быть в Эксетере. Как острый нож в груди провернули. И о чем я думал, зачем вообще пошел в «Голубую лагуну»? Свирепо взглянул на Онни. Не надо было с ней спать. Это она во всем виновата!

Лиззи спросила, где я. Ответил, что в Дартмуре, пишу картину. Пейзаж великолепный, на мили вокруг никого. Онни хмыкнула: то ли развеселилась не ко времени, то ли по дурости хотела меня выдать. Я едва не закрыл ей рот рукой. К счастью, не дотянулся – я как раз сидел на верху перелаза. Иначе бы я ее придушил. Лиззи волновалась, что темнеет быстро.

– Я в порядке, – заверил я. – Уже собираюсь возвращаться к машине.

До моего домика мы брели минут сорок, не меньше. Ободрал все ноги, брюки намокли, носки прилипли к ступням как черные повязки. Онни хромала. Дождь не унимался. Мы не разговаривали. Голова раскалывалась, я судорожно пытался найти выход.

Не хотел пускать ее к себе, но деваться было некуда. Над крыльцом домика напротив моего горел фонарь, снаружи была припаркована серая машина. Быстро провел Онни по дорожке, отпер входную дверь и поскорее захлопнул за нами. Внутри было уже темно. Онни стояла на коврике, в грязи с головы до ног, с нее лилась вода. Я нашел полотенце и на ощупь повел девчонку в душ. Сказал, что пока она там, свет зажигать можно, только пусть погасит перед тем, как выйти. На всякий случай запер ее снаружи. Стянул с себя носки и брюки, взял почту, в том числе и письмо от Лиззи, и сел тут, не включая свет.

Зазвонил мобильник. Номер незнакомый. Голос разгневанный:

– Моя дочь у тебя?

– Кто вы?

– Я знаю, что она с тобой! Вы были у меня дома. Даже не пытайся отпираться! Она тебя вдвое моложе. Ты мерзкий развратник!

Ой, Виктория. Проклятие! Повесил трубку.

Она позвонила снова. И снова. Потом прислала сообщение: «Надеюсь, ты собой гордишься».

В душе лилась вода, журчала по трубам. Я встал. За стеклом качались

темные кусты. Лил дождь. Задвинул шторы, присел на краешек стула.

Буквально тут же на обочину вылетела машина. Виктория помчалась к дому, сшибая кашпо с цветами, принялась барабанить в дверь и кричать: «Онни! Я знаю, что ты там! Выходи!»

Голос раздался прямо возле окна, сквозь шум воды, льющейся из желоба.

– Джек! Я знаю, что она с тобой! Я нашла рисунок. И твои сапоги. – Она пыталась говорить тихо, почти шепела. Отодвинулась от окна, повысила голос. Она уже не могла держать себя в руках. – Ты, жалкий ублюдок, Джек, Зак… как ты там себя теперь называешь? Бездарный урод!

Шаги удалились. Я наблюдал за ней через щель между шторами. Из дома напротив вышла старуха с зонтиком. Плащ Виктории блестел от воды, мокрые волосы липли к лицу. Они поговорили.

Соседка оглянулась в сторону Галлза и пожала плечами. Виктория с досады хлопнула себя по щеке и села в машину.

Сообщение. «Где ты?»

Ясное дело, я оставил там свои сапоги. Обидно, потому что они неприлично дорогие, и я понятия не имею, как получить их обратно, ведь тогда придется признать, что они мои. А вот «рисунок» – уже совсем глупо. Подпись-то я поставил? Досадный промах. Надо как-то выкручиваться.

«Еду из Дартмута, – написал я. – Кто вы?» Нажал «отправить».

Онни стучит в дверь ванной.

– Я закончила!

– Погоди немного, – отвечаю я.

Следующее сообщение: «Ты лжешь, ублюдок! Я знаю, что это был ты. Я не дура! Где моя дочь, ничтожество?»

У меня аж давление подскочило. Встал, походил, пытаясь овладеть собой. Выглянул наружу. Наша Владычица Вселенной никуда не делась, сидела в своем гламурном черном «БМВ» – наследница кучи недвижимости, женушка политика, ведьма с надменным лицом и похабным ртом. Думает, что знает все. Да ничего она не знает! Я мог бы последовать за нею в Брайтон много лет назад, конечно, не за любовью (хотя соблазнить ее в тот раз было приятно), нет – за прелестями ее социального положения, ведь я этого вполне заслуживаю. Теперь я понял, что это все пустое. Взять, к примеру, образование. Она и понятия не имеет, как воспитывать собственного ребенка! Выразить не могу, как меня взбесило ее чувство превосходства. Думает, она лучше меня. Пришла в ужас от того, что я переспал с ее отпрыском. Крайне нездоровое сочетание снобизма и лицемерия.

Не удержался. Написал: «Онни – прелестная девочка. С удовольствием провел с нею ночь. Юная плоть восхитительна!»

Тут же зазвонил мобильник. Я смотрел, как он прыгает по столу. Улыбнулся. Телефон умолк. И тут посыпались сообщения.

«Подонок! Ты даже не представляешь, что натворил! Ей всего семнадцать».

Я откровенно наслаждался собой. Если бы я планировал месть пару десятков лет, лучше бы не вышло.

«Она годится мне в дочери», – ответил я.

Пауза. И тут пришло еще одно сообщение. Я изумленно смотрел на экран телефона, а тем временем Виктория завела машину и уехала. Совсем. И только пять или шесть секунд спустя до меня дошло.

Слова расплывались перед глазами. Смысл фразы ускользал. Неудачная шутка. Я и так помню, сколько Онни лет. К чему это занудство?

Что за нелепость? Как это понимать? Наконец синапсы сработали, и мне удалось связать факты воедино. Одна ночь, много лет назад. Вечеринка в отеле в честь совершеннолетия какого-то недоумка, я заявился без приглашения, флиртовал с Вик, чтобы позлить Мерфи – самого молодого члена парламента в истории партии консерваторов. Пузанчик в тесном костюме готов был меня взглядом испепелить. Вик тогда еще не ожесточилась, но узы супружества и раннего материнства уже душили ее. Ей отчаянно хотелось флиртовать и чувствовать себя желанной, и она утащила меня на пляж. Пьяная от моего внимания и ночного воздуха, совсем слетела с катушек и позволила отмыть себя прямо на берегу, под нависающей скалой.

Когда это было? Шестнадцать или семнадцать лет назад? Возможно. Вероятно. По расчетам подходит. Перед покупкой домика в Галлзе. В следующую нашу встречу, после того как мать умерла и оставила мне деньги, Онни уже начинала ходить. Я встретил их на мысе, она сидела у Мерфи на плечах и болтала ногами. Мне и в голову такое бы не пришло.

Перечитываю снова, пытаюсь переварить эту новость.

«Она и есть твоя дочь!»

– Выпусти меня! – Онни долбитя в дверь.

– Погоди, – отвечаю я.

Моя дочь. Глаза у нас похожи, овал лица вроде тоже. И ее нервозность. Нездоровий интерес к кое-какой фармацевтической продукции. Что же еще? А все. Вспоминаю, как могучие руки Мерфи сжимали ее дрыгающиеся ноги, ее округлые коленки под его волосатыми пальцами.

Вина? Раскаяние? Это не про меня. Запрокинул голову и расхохотался.

Налил еще виски, макнул палец в пакетик от Кулона.

До меня, наконец, дошла вся прелесть моего положения. Виктория на меня не донесет. Какая сладкая пытка! Ей придется делать вид, будто ничего не произошло. Ради душевного здоровья дочери ей придется молчать. И Лиззи никогда не узнает.

Открыл дверь и выпустил Онни – плод чресел моих – из ванной. Дал ей сухую одежду – какие-то шорты, которые ей пришлось подвязать моим же ремнем, толстовку. Она сказала, что любит меня и хочет быть со мной. Спросила, люблю ли я ее. Порылся в своей голове в поисках хоть каких-то чувств к ней (хотя бы отцовского, на худой конец), но так ничего и не обнаружил. «Да, конечно», – ответил я, желая, чтобы это было правдой. Такова уж моя натура. Разве я виноват?

На самом деле от Онни сплошные неудобства. Мне хотелось поскорее ее выставить и спокойно прочесть письмо Лиззи.

Можно ли ей взять какую-нибудь мою вещь на память? Да-да, картину, ответил я, оглядывая комнату, и разрешил ей выбрать самой. Положил в мешок для мусора вместе с ее грязным комбинезоном. К моей досаде, она выбрала одну из моих любимых. Терпение было на исходе.

– Куда мне идти?

– Найди Кулона, он о тебе позаботится.

– Ты меня потом заберешь? – умоляюще воскликнула она, стоя босиком на пороге и прижимая к себе мешок со шмотками. – Ты бросишь свою жену?

– Да-да-да. Я тебя заберу.

– Обещаешь? Что бы ни случилось?

Ага, как же.

– Надейся и жди! – крикнул я ей вслед.

Похоже, я изрядно напился виски. В машине есть еще. Да и пластиковый пакетик почти опустел. Надо помыться и переодеться. Лиззи! Единственная женщина, которой я когда-либо доверял. Я ей действительно верю, несмотря ни на что. Все остальные рано или поздно предают. Изменяют, разбивают твое сердце вдребезги.

Любовное письмо. Вот и все, что мне нужно.

Господи, благодарю тебя за Лиззи!

Дело не в выборе дома или района. И не в море. Дело в любви. Сейчас я зажгу свет и открою письмо, наслажусь ее нежными словами и позвоню ей. Выход из переделки, в которую я угодил, непременно найдется. Пока Лиззи со мной, все будет в порядке.

Глава 24

Лиззи

День холодный и ветреный. Тучи ушли, впервые за много недель я вижу синее небо. Навес над «Лондис» трепещет на ветру, высокая трава в парке полегла под его порывами. Выйдя из автобуса, бегу по Тринити-роуд, сворачиваю на свою улицу. Измена Заку высвободила во мне что-то дикое и неудержимое. Я чувствую подошвами ног страх и свободу.

Добравшись до дома, я сразу понимаю: что-то случилось. Входная дверь приоткрыта. Распахиваю ее, влетаю в холл и замираю, пытаясь отдохнуть.

Плиточный пол устелен конвертами, рекламками пиццы, нераспечатанными счетами, тут же валяются резинки для волос, бутылка с антиобледенителем и ключи. Много ключей. Глиняный горшок, в котором я их хранила, разбит вдребезги.

Изумленно смотрю. Полка, где до вчерашнего дня все это стояло, пуста. Почти пуста. Теперь там картина. Темноволосая девушка в дверном проеме. Смотрит вниз, на свои руки, лицо искажено из-за выбранного художником ракурса. Тревожная картина, мрачная и кричащая об одиночестве. Комната кажется холодной, на девушке почти нет одежды. От нее трудно отвести взгляд.

Это одна из лучших картин Зака, ее можно показать любому, кто сомневается в его таланте. Она висела в домике в Галлзе. А потом пропала.

У подножия лестницы валяется ворох одежды. Подхожу, будто в трансе, поднимаю вещи одну за другой – его старые синие шорты, выгоревшие сзади, с погнутой застежкой молнии; серая толстовка с чернильным пятном внизу, поношенный кожаный ремень коричневого цвета. Прижимаю толстовку к лицу, касаюсь ее губами, провожу по щеке тяжелой металлической пряжкой. Здесь же лежит полотенце, в него что-то завернуто – синий глянцевый фотоальбом. Открываю. На каждой странице по одной фотографии. С первой улыбается Зак, на нем костюм из секонд-хенда. Он стоит возле Вандсуртской ратуши. Это день нашей свадьбы. На плече Зака лежит моя рука, но лицо вырезано. Сквозь дыру с неровными краями проглядывает фото со следующей страницы. Фрагмент таблички дома, висевшей на крыльце в Корнуолле, – «Галлз».

Над головой раздается удар. Потом скрип. Роняю альбом и шорты на нижнюю ступеньку. Я дышу так тихо, что воздух едва проникает сквозь приоткрытые губы. Я буквально на грани обморока и не знаю, смогу ли подняться по ступенькам, и все же упорно бреду наверх. Шаг за шагом. Сначала одна нога, потом другая: так я и прожила весь этот год. Так мне и удалось выжить. Он восстал из мертвых, вот только призрак – я. Такая тихая и легкая, двигаюсь совершенно беззвучно, сначала до ванной, потом последний пролет, и я уже возле двух комнат. Чувствую головокружение. Опираюсь рукой о стену, чтобы не упасть. Дверь в спальню открыта, внутри беспорядок. Постельное белье на полу, сверху вывалено содержимое комода. Прикроватная лампа включена, лежит на боку и отбрасывает на стену причудливый желтый силуэт.

Прислоняюсь к перилам. Дверь в кабинет закрыта. Он ходит по комнате, что-то двигает.

Даже не знаю, что теперь произойдет, не знаю, люблю ли его или ненавижу, не знаю, пришел он извиниться или убить меня, не знаю, боюсь я его или – об этом я раньше как-то не подумала – он боится меня. Я забыла, что он лжец и убийца. Единственное, что имеет значение в этот миг: я вот-вот увижу его лицо.

По щекам текут слезы. Чувствую их солоноватый вкус на губах.

Толкаю дверь. Она цепляется за ковер, мне приходится приложить усилия. Такое чувство, будто я совсем перестала дышать.

– Привет, Зак! – говорю я.

Тишина. Раздается слабый скрип, затем шорох ткани. Возле письменного стола кто-то стоит. Джинсы, ботинки, туника, длинные волосы.

Волна, нараставшая внутри меня, поднимается и тут же отступает.

Прислоняюсь к двери. Где-то на Тринити-роуд раздался рев мотоцикла.

– Вы, – говорю я.

Она оборачивается:

– Ой! Прошу прощения. Дверь была открыта.

Ноги подкашиваются, словно бумажные. Может, я умерла и стала призраком?

– Простите! Представляю, что вы подумали...

– Что вы здесь делаете?

– Я ищу Онни. Дверь была открыта и... Я вошла. Простите! Зря я...

Виктория собирается уходить, вешает сумку на плечо, отводит назад светлые волосы, закрепляет их в конский хвост.

– Онни? – Мой сдавленный голос на себя не похож.

– Ищу ее повсюду.

Пристально на нее смотрю, однако Виктория избегает моего взгляда.

– Извините за фотографии, – говорит она. – У вас остались негативы?

– Что?

Опускаю взгляд. Пол устлан кусочками бумаги – рука, море. Мои фотографии. В комнате разгром. Книги сброшены с полок. Картонный ящик, стоявший под столом, разорван в клочья. Я опоздала. Он был здесь, но уже ушел. Сползаю на пол. Думаю о ярости Зака, как он сдерживал ее в течение целого года, лелеял, растил. Представляю, как он ужасен в гневе, когда теряет контроль над собой, хотя гораздо страшнее, когда он спокоен.

Дверь открыта, я толкаю ее рукой, прислоняюсь к ней спиной.

– Звоните в полицию, – говорю я. – Мой мобильник остался внизу, в сумке. Вы можете позвонить со своего?

Виктория делает шаг мне навстречу. Протягивает руки.

– Погодите минутку! Давайте все спокойно обсудим. Порой моя дочь не ведает, что творит. Полиция – это уже слишком, подумайте о моем, точнее, о нашем общественном статусе! – Она садится за стол, снимает с плеча сумку, достает длинную чековую книжку в кожаной обложке. – Понимаю, она устроила тут ужасный беспорядок и причинила вам кучу неудобств. Позвольте мне оплатить ущерб! Тут повреждения незначительные, а вот внизу перебита вся посуда, и стекло на задней двери придется менять. На всякий случай пусть будет тысяча фунтов, столько вас устроит?

Смотрю на нее в изумлении. Левой рукой Виктория суетливо приглаживает волосы, выискивая выбившиеся прядки. На щеке подергивается мышца.

– Думаете, это устроила Онни? – спрашиваю я. – Зачем ей это?

Она вздыхает, снова в отчаянии вскидывает руки. Она притворяется. Изображает искренность и открытость, вот только за ними чувствуется паника.

– Очень на нее похоже.

– Вряд ли это сделала Онни, – осторожно говорю я. – Внизу я нашла вещи и картину. Тот, кто их принес, специально оставил их там для меня. И он...

– Нет-нет-нет! – Виктория встает. – Это я их принесла. Я знаю, что это вещи вашего покойного мужа... Я очень перед вами виновата!

Поднимаюсь с пола.

– У вас были вещи Зака? И картина? Это вы их принесли?

– Да. Нет. Не совсем. Послушайте, – говорит она и изящно берет меня

под руку. – Я здорово напортачила. Всю неделю была в отъезде. Вернулась вчера домой, а там никого. Когда я наконец дозвонилась до Алана, он сказал, что Онни в Лондоне у подруги, чья тетя руководит домом моды.

– «Шелби Пинк».

Она смотрит на меня, потом отводит взгляд:

– Ну, это все неправда. Хотя на звонки Онни не отвечает, она всю неделю просидела дома. Я обыскала ее комнату, разбив на квадраты, и нашла все это... Наверное, вы не понимаете, откуда у Онни вещи вашего покойного мужа. – Она выдавливает из себя страдальческую улыбку, на щеках проступают красные пятна. – Не подумайте ничего такого! Вещи у нас с тех пор, как он занимался с Онни репетиторством. Думаю, она промокла под дождем, и он дал ей сухую одежду. А картину – для вдохновения. Вот и все! Пойду искать дочь дальше, пока она не наделала глупостей.

Виктория направляется к двери. Нельзя ее отпускать.

– Я знаю про Онни и Зака, – неожиданно для себя говорю я. – Можете не притворяться.

– Вы знаете? – Она смотрит на меня с ужасом. Ей плохо удается контролировать свою мимику. – Что именно вам известно?

– У них был роман.

– Роман? Я не стала бы называть это «романом». Скорее приключение на одну ночь.

– Думаю, все было гораздо серьезнее.

– Вряд ли. – Она качает головой, легкими жестами смахивает со щек несуществующие пылинки. – Мне жаль, что вы об этом узнали. Когда вы приезжали в Галлз, то еще не были в курсе. Она вам сама сказала?

– Да.

– На нее похоже! Вечно стремится все разрушить. Уверена, вы с покойным мужем очень любили друг друга, и он ни в чем не виноват.

– Почему вы постоянно его так называете? Ведь вы его хорошо знали. Мы же говорим о Заке!

Виктория смотрит на меня, потом в окно.

– Моя дочь... – Она снова бросает взгляд на меня. – Пусть будет пять тысяч фунтов. Ведь этого хватит, чтобы хоть как-то компенсировать вам боль и ущерб, который причинила моя семья?

Я потрясена:

– Пытаетесь откупиться?

– Не стоит разбрасываться такими словами. – Она плотно сжимает губы. – Прошу, поймите! Мой муж вот-вот возглавит партию

консерваторов. Для нас наступило непростое время.

Встаю, распахиваю дверь.

– Вы ничего мне не должны!

Спускаюсь по лестнице перед ней. Хочу, чтобы она поскорее ушла. Если сумку, одежду и картину взяла Онни, то Зак здесь ни при чем. Однако вряд ли она нарисовала бы фигуру на картине в студии, устроила там разгром или оставила для меня послания в доме. И фарфоровые домики из «Буков» вряд ли забрала она. На парковке возле студии тоже была не она. И Сэма едва не убила не Онни. Зак все еще где-то рядом – агрессивный, неуправляемый, неуловимый. Вчера ночью я переспала с другим мужчиной. У меня есть все основания бояться.

В холле я останавливаюсь. Дверь в кухню открыта. Сквозь ножки стула и осколки посуды я вижу опрокинутую корзинку Говарда. Виктория идет за мной по пятам.

– В этот раз Онни разбушевалась, – замечает она. – Вы что, поссорились?

Ничего не отвечаю. Смотрю на разгромленную кухню, захожу туда с замиранием сердца. В корзинке Говарда нет! Он меня не встретил! Его здесь нет! Открываю заднюю дверь, из рамы выпадает осколок стекла. Под тусклым небом пустой сад кажется особенно ярким.

– Ну, хотя бы ноутбук ваш не разбила, – говорит Виктория у меня за спиной.

Оборачиваюсь. «Макбук Эйр» стоит на кухонном столе.

– Мой пес пропал! Не знаю, что случилось, но тут его нет!

– Передняя дверь была открыта, – напоминает Виктория. – Возможно, он просто ушел погулять.

Я начинаю паниковать:

– Надо обехать район и найти его!

Хватаю ключи, бегу туда, где вчера припарковала машину. На месте ее нет. Стою на тротуаре, пытаясь вспомнить, куда же я ее поставила. Мечусь по улице туда-сюда, возвращаюсь в дом. У меня возникает дурное предчувствие. Нервно заламываю пальцы.

– Моя машина пропала! – сообщаю Виктории.

Поднимаю с пола ключи, перебираю и обнаруживаю, что запасного ключа от машины нет.

– Могу вас подвезти, – нерешительно предлагает Виктория.

– Нет-нет! – Пытаюсь сохранять спокойствие. – Машина исчезла. Ее взяла Онни или еще кто-нибудь. И вероятно... – мой голос предательски дрожит, – они забрали Говарда с собой!

– Так, сейчас же успокойтесь! – Виктория ведет меня на кухню и начинает разговаривать сама с собой. – Куда бы она отправилась? Подумай хорошенько!

– Онни тут ни при чем, – говорю я. – Онни этого не делала. Это Зак! Зак хочет меня наказать, разрушить мою жизнь.

– Как вы думаете, что могло ее так расстроить? – спрашивает Виктория. – Почему она увела вашу собаку? Куда бы она с ней пошла?

– Не Онни, – повторяю я. – Это Зак.

Сажусь перед ноутбуком. Он открыт и включен в розетку. Рядом лежит листок бумаги из блокнота Онни, исчерканный каракулями. Присматриваюсь. Несколько заголовков. Под словом «домашние животные» Онни написала имя «Говард» и перечеркнула его. «Памятные места» – много названий, среди них зачеркнутые Корнуолл и Галлз, Сэнд-Мартин, остров Уайт, Марчингтон-Мэнор, мыс Степпер, «Голубая лагуна», парк Вандсуорт. Третий заголовок, который она добавила после четверга, – «Что было ему дороже всего? Кого он действительно любил?» Под ним написано: Онни Мерфи, Анна Мерфи, Зак Хопкинс. «Гленгойл». И все варианты перечеркнуты.

Кроме одного имени.

Что было ему дороже всего?

Это имя не перечеркнуто.

Кого он действительно любил?

Одно имя.

«Лиззи Картер».

В ужасе прикрываю рот ладонью.

Пододвигаю к себе ноутбук. Пальцы тянутся к клавишам.

ЛИЗЗИКАРТЕР.

Экран мигает. Неверный пароль.

Набираю снова, вспомнив про пробел.

ЛИЗЗИ КАРТЕР.

Экран гаснет, потом загорается снова. Появляется заставка рабочего стола, в центре открытый файл.

В изнеможении роняю руки на колени. В качестве пароля Зак выбрал мое имя.

– Вы что-нибудь придумали?

Виктория смотрит на меня. Я и забыла, что она еще здесь.

– Нет. Да.

Текстовый документ. Маленький шрифт, одинарный интервал. Страница сто девятнадцатая из ста двадцати. «Лиззи, моя Лиззи, – читаю я.

Двигаю курсор наверх, перелистываю страницу. Выхватываю отдельные слова. – У меня нет другого выбора... Дартмур... Ты, урод... Люди всегда... Что там сказала Лиззи?»

Откидываюсь на спинку стула.

– Ноутбук Зака. Мы пытались подобрать к нему пароль, и, похоже, у Онни получилось. Я не пойму, что это – то ли дневник, то ли письмо. Скорее всего она его прочла.

– И поэтому так расстроилась?

Снова поворачиваюсь к экрану. Быстро пролистываю документ от начала до конца. Он разделен на части с заголовками – месяцы, иногда даты. Это не письмо. Это дневник. Вспоминаю, как Зак печатал часами – идеи для картин, говорил он мне. «Пока со мной Лиззи, все будет в порядке».

Снова открываю последнюю страницу. Руки ломит. Хочется обхватить себя крепко-крепко, чтобы подавить рыдания, готовые вырваться наружу. Я должна прочесть последнюю страницу. Знаю, что должна. Заставляю себя сфокусировать взгляд и сосредоточиться. «Высокая скорость и стена или дерево – все, что мне нужно».

Я так глубоко погружаюсь в его чувства и мысли, что, наверное, никогда не смогу вырваться на свободу.

– Что случилось? – Виктория кладет руку мне на плечо. – Вы дрожите.

– Последняя запись в дневнике, – наконец выговариваю я, – вроде предсмертной записи. Он покончил с собой из-за меня! Это я виновата! Он поступил так из-за меня...

Виктория стоит и ждет. Не знаю, сколько проходит времени. Потом она оживает и начинает говорить. Двигается по кухне, ставит передо мной стакан воды. Она разговаривает, но уже не со мной. Голос удаляется, с лестницы слышны шаги, дверь ванной открывается и закрывается.

Зак мертв. Он не следит за мной, не пытается меня убить. Он мертв. И убила его я.

Подходит Виктория, становится передо мной на колени. Отодвигает ноутбук в сторону.

– Вам есть кому позвонить?

Смотрю на нее с недоумением:

– Зачем? Куда вы?

– Я должна найти Онни.

– Онни? Да, конечно, Онни. – Кончиками пальцев касаюсь подбородка, закрываю глаза. – Куда она могла отправиться? У нее моя машина. Что она задумала?

- Не знаю. Пытаюсь понять. Она явно прочла дневник.
 - Она винит в его смерти меня. И собаку мою забрала.
 - Куда же она могла поехать?
- На экране ноутбука Зака – мыс Степпер.
- Корнуолл! – вдруг понимаю я. – Она отправилась в Корнуолл!

Сев в машину, я положила ноутбук на колени – металлический корпус холодит кожу. Виктория пыталась у меня его забрать, оставить дома или хотя бы положить в багажник, однако я не позволила. Читать дальше я не стану. По крайней мере, пока. Знаю, что все равно придется это сделать. Мысли Зака. Секреты Зака. Правда, стоявшая за его ложью. Я все узнаю. Хочу ли я этого?

Большую часть времени смотрю на ноги Виктории. Она разулась и ведет машину в носках. Тонкие синие носки. Почему люди водят машину босиком? Наверное, чтобы поберечь обувь, хотя не у всех есть такая обувь, которую стоит беречь. Виктория носит полусапожки. Высокие каблуки, блестящая черная кожа. Интересно, куда она их дела?

Пытаюсь не поддаваться отчаянию. Это не легкая светлая печаль, а тяжелое, гнетущее уныние. Если Онни решила, что я виновата в гибели Зака, то она права. Ответственность целиком на мне. То письмо было написано не абы как. Я тщательно выверила тон и каждую банальность в тексте. Я отлично знала, что он воспримет его как предательство. Дело не в том, что я предложила пожить отдельно, дело в том, как я это предложила: общие, ничего не значащие фразы, ни слова о своих чувствах. Это был мой способ выражения агрессии. Все равно что яростно на него накинуться.

Вспоминаю наш последний разговор. Он сказал, что был в Дартмуре, сам же давно приехал в Галлз.

- Мне нравится писать в гаснущем свете. Здесь старинные развалины тянутся вдаль, будто безымянные могилы. И никого на мили вокруг.

- Чудесно, – ответила я, радуясь, что хоть с живописью у него все ладится. – Не задерживайся надолго.

- К темноте вернусь.

- Будь осторожнее за рулем, – попросила я, едва не плача.

Я знала, что дома его ждет мое письмо. Мне хотелось отмотать время назад. Я уже сожалела о своем решении.

На что он смотрел во время нашего разговора? Была ли рядом с ним Онни? Когда соберусь с силами и прочту дневник, то все узнаю.

Прижимаю ноутбук к груди.

Виктория бросает на меня беглый взгляд.

– Не надо вам больше это читать, – говорит она. – Чтение чужих дневников ни к чему хорошему не приводит. Только душу себе растрывите.

– Возможно, вы правы.

– Много уже прочли?

– Нет, только последнюю запись. Я пока особо не вникала.

– Знаете, что бы сделала я?

– Что?

– Я бы его выбросила. Просто опустите стекло и покончите с этим раз и навсегда!

Она сворачивает к обочине, замедляет скорость. Нажимает кнопку на панели между нами, окно автоматически открывается, в салон влетает ветер и шум. Она показывает на ноутбук.

– Нет! – кричу я, крепко прижав ноут к груди. – Я пока не готова!

Она закрывает окно, в машине снова наступает тишина.

– Дело ваше.

Мне кажется, что Виктория шутит, но нет – ее губы плотно сжаты. Несколько прядей возле шеи выбились из стянутых резинкой волос. Онакусает губы.

В дороге мы почти не разговариваем, погрузившись в мрачные мысли.

– Надеюсь, мой пес в порядке, – неожиданно говорю я. – Она ведь ему не навредит?

Виктория долго молчит, потом, наконец, произносит:

– Когда мы ее найдем, предоставьте мне самой с ней разобраться, хорошо? Забирайте собаку и уезжайте. Остальное вас не касается.

И тут ее прорывает. Она рассказывает, что Онни назвали в честь матери Алана. Вообще-то ее зовут Анна.

Она всегда была трудным ребенком, даже в младенчестве: беспокойная, спала плохо, тянулась ко всему, что на глаза попадалось, потом разочарованно бросала вещи на пол. Нисколько не похожа на своего старшего брата. А что она творила в школе – не ребенок, ходячая катастрофа. Никогда не умела заводить друзей. Виктория за нее очень переживала.

– Онни с гонором. Постоянно злится, частые перепады настроения. В случае неудачи обвиняет других, ее вины никогда ни в чем нет. При этом очень педантична. Все, что я говорю, воспринимается в штыки.

– Типичный подросток.

– Ну, в школе так не думали. Пару лет назад ее травили в классе, зря мы ее тогда не забрали. Возможно, удалось бы спасти ситуацию. Дальше

стало только хуже. Онни отомстила своей обидчице. Обработала ее снимки в «Фотошопе» и вывесила на «Фейсбуке». Вышло довольно жестоко. Из школы ее исключили.

Виктория глядит прямо перед собой. Мы уже на выезде из Бристоля, где сходятся две магистрали. Она всматривается в дорожные знаки, сворачивает вправо.

– Надеюсь, она не обидит вашу собаку, – наконец говорит Виктория.

Отворачиваюсь, чтобы она не видела выражения моего лица.

Проезжаем еще несколько миль.

– Как вы узнали про Зака и Онни? – спрашиваю я. – И когда это случилось?

– За день до аварии. Застала их вместе.

– В Корнуолле?

– Да. – Виктория хмурится, сосредоточенно обгоняет автобус с туристами. – Сцена была пренеприятная, однако по причине гибели Зака мы постарались обо всем забыть. Узнав об аварии, Онни чуть с ума не сошла. Я пыталась от нее скрыться. – Она вздыхает. – Не получилось.

– Ваш муж знает?

– Нет, – коротко отвечает Виктория. Потом неожиданно добавляет: – Это единственное, в чем я преуспела. Поэтому и в Швейцарию ее отправила, чтобы она не проболтала Алану. Не перестаю удивляться, как много супруги скрывают друг от друга. По идеи, они должны всем делиться. На деле выходит иначе: девять из десяти непременно что-то скрывают. Даже если это просто мысли, желания, надежды. Живешь в одном доме, спишь на одной кровати и совершенно не знаешь того, кто находится с тобой рядом.

За окном мелькает дорожная разметка. Через минуту Виктория мрачно добавляет:

– Не зря вы не стали заводить детей. Они только жизнь портят.

– Вы ведь не всерьез!

– Кто знает. – Она невесело улыбается.

– Я хотела ребенка, – говорю я, – а Зак нет.

– Вот как.

Мы обе молчим. Я продолжаю смотреть в окно. Наконец говорю:

– Ханна. Некто по имени Ханна оставила Заку цветы.

Сначала я решаю, что Виктория меня не услышала, и тут она говорит:

– У каждого есть своя Ханна.

В Эксетере мы съезжаем с магистрали на шоссе А-30. Уже за полдень, солнце стоит низко. Собираются тучи, на фоне светло-голубого неба

темнеют серые полосы. Вдоль дороги тянутся багряные скалы, возле которых Зак не останавливался и не рисовал их, возле которых он не оставлял машину и не ходил в Косдон, где древние развалины похожи или не похожи на безымянные могилы, он не ждал здесь, когда погаснет свет.

Виктория не пользуется короткой дорогой, по которой ездили мы с Заком и про которую, как я думала, он забыл в ту ночь. Она держится основной трассы. Мы проносимся мимо поворота.

Во мне нарастают злость, паника и горечь. Я пытаюсь не давать им волю, но чем ближе мы к месту аварии, тем больше я нервничаю. Ерзаю на сиденье.

– В чем дело? – спрашивает Виктория.

Я не отвечаю. Вдали что-то виднеется, и я кричу:

– Остановитесь! Скорей к обочине!

– Черт! Что там? Что там?

Машина с визгом тормозит на полосе временной стоянки, останавливается под углом, задний бампер заходит за линию разметки. Нам яростно сигналят. Позади стоит мой серый «Ниссан», припаркованный перпендикулярно дороге.

Не успевает она и слова сказать, как я выскакиваю наружу и бегу по щебенке к своей машине. Пусто. Ни Онни, ни собаки. Виктория судорожно пытается надеть обувь. Ее волосы треплет ветер. Верхние пуговицы на блузке расстегнулись, она надулась пузырем. Я кричу, перекрывая гул транспорта, и указываю на другую сторону дороги – на место аварии Зака. Прямо перед поворотом застыла девушка с собакой на поводке. Длинные волосы, синий всполох. Пес упирается, она тащит его за собой.

Нам нужно на другую сторону, но движение в обоих направлениях слишком интенсивное. Машины едут и едут. Тусклое зимнее солнце сверкает на лобовых стеклах. Дождавшись разрыва в потоке машин, хватаю Викторию за руку и добегаю до середины дороги. Над головой вибрируют провода линии электропередачи. Снова жду, пока расстояние между автомобилями хоть немного увеличится. Приближается свет фар. Делаю знак Виктории и опять бегу.

До Онни около ста футов. Не знаю, видела она нас или нет. Она идет не оборачиваясь.

– Онни! – зовет Виктория.

Девчушка бросает взгляд через плечо, бросает что-то в ответ и отворачивается.

Расстояние между шоссе и придорожными кустами совсем небольшое.

Мы бросаемся ей вслед. Онни начинает бегать, судорожно дергая поводок. Завидев меня, Говард тянет ее в другую сторону. Виктория тоже бежит и кричит. На асфальте черные следы горелой резины. Ветки кустов бьют меня по лицу, они гораздо более упругие, чем в мой прошлый приезд сюда. Мы нагоняем, Онни оборачивается и вопит:

– Не подходите! Даже не смейте!

Она держит Говарда за ошейник, пес пытается вывернуться.

Мы с Викторией останавливаемся, Онни смотрит только на меня. Она вся в слезах, на лице потеки черной туши, губы обветрились.

– Вы его убили! Это вы виноваты в его смерти! Вы делали вид, что любите, а сами предали. Он погиб из-за вас!

– Нет, – отвечаю я. – Это неправда.

– Правда! Вы решили его бросить. Вы разбили ему сердце! Вы мне лгали, делали вид, что горюете. Мне даже стало вас жалко. И стыдно. А теперь идите вы к черту!

Она коленом выпихивает Говарда на дорогу. Приближается машина, огибает их и яростно сигналит. Виктория делает шаг вперед.

– Даже не подходи ко мне! Ты мне тоже лгала, мама. Все вы лжецы! Из-за тебя я считала себя плохой. И ни на что не способной. Почему ты мне не рассказала? Как ты вообще могла такое допустить?

Виктория всхлипывает:

– Все было не так! Мы с тобой поговорим, и я все объясню.

– Слишком поздно! – кричит Онни. – Ненавижу тебя! И себя!

Она отворачивается и делает шаг к повороту, все еще таща за собой Говарда. Она снова кричит через плечо:

– Лиззи, вы его убили! Единственный человек, которого я любила, мертв!

Она задыхается от слез. Мы почти на месте аварии. Дерево уже близко. Оно загораживает солнце, бросает на дорогу тени. Онни снова останавливается. Мимо проносится контейнеровоз, громко сигналит. Она боком движется к шоссе. Нагибается, поднимает Говарда. Он вырывается, царапает ей руки.

– Я думала, что нравлюсь вам. А вы оказались такой, как все!

– Давай вернемся в машину и поговорим.

– Устала я от разговоров. Я от всего устала!

Виктория вскрикивает и бросается вперед.

– Не смей подходить! – Онни опускает собаку на дорогу, потом берет его удобнее и делает еще один шаг. Теперь она стоит на самом краю, в опасной близости от полосы движения. Грузовик, едущий слева, огибает ее,

гудит и уносится прочь. – Ну что, кого вы кинетесь спасать – меня или собаку? Пожертуете ради него жизнью? Ради меня – вряд ли.

Мимо с ревом проносится черная спортивная машина. Онни отвлекается. Потом снова смотрит на меня, и по ее искаженному лицу я понимаю, что она задумала. Мы находимся совсем близко к повороту. Машины едут слишком быстро. Ни остановиться, ни свернуть водитель не успеет. Виктория вскрикивает.

Я не раздумываю. Я бегу. Онни видит, как я приближаюсь, и бросается на дорогу. Она раскидывает руки и ноги в стороны, падает на землю, подминая Говарда под себя. Я слышу визг тормозов и скрежет металла. Мои ноги обдает потоком воздуха, и вот я уже сверху нее, рывками тащу девочку вверх и в сторону, вцепившись в одежду. Она вырывается, отпихивает меня, тяжело дышит и рыдает. Понятия не имею, где собака, однако продолжаю крепко держать Онни. Под ее весом ноги у меня подгибаются. Мы падаем, катимся вниз. Дерево Зака все ближе. Ветки бьют по лицу. Ударяюсь головой о корень. Щеки горят, руки все в ссадинах. Раздается лай Говарда и звук приближающихся шагов. Я продолжаю держать Онни, хотя она отбивается.

Мы скатились в овраг. Рядом дерево Зака. Лилии все еще там. Их отнесло ветром в сторону, целлофан пожелтел, цветы засохли. Записка на месте. Отсюда видны слова. Сердце и имя вокруг. ХАННА.

– Прости! Мне очень жаль! – всхлипываю я Онни на ухо.

Она обмякла.

Не могу оторвать взгляда от записи на цветах. Я лежу на земле и смотрю на нее под другим углом, читаю буквы задом наперед.

Там написано: А Н Н А Х.

Ее имя – Анна – и буква Х, обозначающая поцелуй. Онни.

Она шепчет мне на ухо:

– Я сделала это ради Зака!

– Он же умер! – восклицаю я и испытываю неимоверное облегчение. – Зак мертв!

Зак

14 февраля 2012

Я спокоен. Эмоции стихли. Либо я не испытываю гнева, либо мой гнев совсем не такой, как у других людей. Он не течет, как кровь, он не трещит, как пламя. Он будто тяжелый и твердый предмет. Я прижимаю его к груди.

Он просачивается под кожу и превращается в футляр для моего сердца.

Каждая фраза письма построена так, чтобы ударить как можнольнее. Она от меня уходит и даже не может честно об этом сказать. Ей нужно «пространство», чтобы трахаться с другим. Она меня не любит. Вот и все.

В доме полный порядок. Это важно. Я уничтожил все следы своего короткого пребывания. В кровати даже не спал. Мешки для мусора закончились. Последний я отдал Онни. Бутылки из-под виски, грязную одежду и полотенце Онни сложил в сумку, обнаруженную в шкафу. Ванну отмыл, стул, на который я присел, чтобы открыть письмо, отполировал. Тер его так сильно, что едва мозоли не заработал. Если бы я не спешил отсюда убраться, я бы его сжег.

Закончил картину, которая ей так нравилась. Чего-то на ней не хватало. Арт-дилер в Бристоле сказал, что моим работам не хватает «эмоциональной вовлеченности». Ну, вот я и добавил кое-что. Зак Хопкинс отбывает навстречу своей смерти. Она найдет ее уже потом. Она хорошо меня знает. Она все поймет. Что означает фигура в лодке – надежду или отчаяние? Сообразит.

Моя гибель и ее последствия вполне могут ее сломить. Она меня любит достаточно сильно, даже если сама этого не осознает. Можно ли кого-нибудь убить прямо из могилы? Раньше мне это в голову не приходило.

Я не какой-нибудь там среднестатистический убийца. Я другой! Мое наследие, дело всей моей жизни – вовсе не картины. Полли Мильтон. Я не хотел ее убивать. Должно быть, она ударила головой, когда мы подрались, и упала в воду. Я и плеск-то едва расслышал. Шарлотта. Жертва несчастного, хоть и запланированного случая. Зря я с ней спал. Впрочем, ей надо было быть осторожней. Сама виновата.

Через минуту пойду искать машину: перелезу через забор, пройдусь по проулку, где Джолион обещал ее оставить. Жду, пока все лягут спать и на дорогах никого не будет. Дождь едва моросит, небо в тучах. Заеду на заправку, залью полный бак. Опущу в машине верх. С моря надвигается туман. Это довольно кстати. Высокая скорость и стена или дерево – все, что мне нужно.

Стены смыкаются. Моя прежняя уверенность понемногу исчезает. Люди всегда судят других, это проще всего. Люди никогда не перестанут мыслить шаблонно. Даже если я разрулю ситуацию, Лиззи меня не простит. Вероятно, я и сам себя не прощу. По идее, я должен любить эту женщину. По идее, я должен чувствовать хоть что-то. Но нет.

Люди всегда... Люди никогда... Что там про это говорила Лиззи? Она права. Весь остальной мир, все эти люди, сваленные в одну кучу, они одинаковые. А я не такой, как все.

Слегка кружится голова. Сейчас пройдет. Слишком мало спал. Слишком много думал...

Лиззи. Моя Лиззи. Я надеялся, что ты меня спасешь. Вместо этого ты меня убила. Выясняется, что жить без тебя я не хочу. Какая ирония! Мог бы сказать: забудь меня, но не стану. Я не хочу, чтобы ты жила дальше. Я хочу, чтобы мы были вместе. Я хочу, чтобы ты меня помнила, ощущала мое присутствие каждый день.

Лиззи, мой последний подарок, доказательство моей любви, что будет с тобойечно, – моя смерть!

Глава 25

Лиззи

Я прочла дневник Зака. Если бы не Онни, вряд ли бы я на это решилась. Мне не хотелось, чтобы она знала о нем больше, чем я. Некоторое время я горевала и упивалась чувством вины, потом как-то ночью, оставшись одна в пустом доме, села и прочитала его записи. Поставила Элвиса Костелло. Изредка прерывалась, чтобы выпить воды. Не заплакала, даже когда узнала, что Онни – его дочь. И я собой горжусь.

Как выяснилось, я совсем его не знала. И это еще мягко сказано. У него были от меня тайны, его сознание оказалось настолько искажено, что я даже представить себе не могла. «Он заморочил голову всем, – утешила меня Джейн. – Мы все попали под его очарование. Как известно, зло бывает чрезвычайно привлекательным».

Я показала дневник Морроу. Виктория была резко против, однако я не могла поступить иначе. В его записях осталось слишком много неясностей и настораживающих подробностей. Она передала дневник Перивалю, и в результате следствие по делу о смерти Полли Мильтон и Шарлотты Рид возобновили. В первом случае новых доказательств его причастности так и не нашли.

Другое дело – смерть Шарлотты Рид. По записям камер видеонаблюдения выяснили, что в тот день Зак прибыл на станцию Брайтон в одиннадцать утра. Нашелся свидетель, видевший его рядом с домом Шарлотты вскоре после ее падения. Хотя доказательства были лишь косвенные, дело пересмотрели. Журналисты засняли ее родителей возле офиса коронера, причем мать так ослабела от горя, что едва на ногах стояла. Нелл дала показания и заявила, что Зак всегда казался ей подозрительным типом. «С ним явно было что-то не так, ну, вы меня понимаете». Легко судить о том, что прошло.

Несмотря на все попытки Виктории замять скандал, пресса ухватилась за благодатную тему. «Дейли мейл» принялась трубить об опасности знакомств через Интернет, «Санди таймс» опубликовала подробную статью об обстоятельствах гибели Шарлотты Рид. И напоследок Онни решилась изложить собственную версию событий. Три дня спустя после выписки из психиатрической клиники, где она лечилась от расстройства личности и

посттравматического стресса, вышла статья в «Гардиан» под названием «Мой отец – мой любовник». Она и положила конец честолюбивым замыслам Алана Мерфи, провалившегося в первом же туре выборов. Прочесть ее для меня оказалось практически невыполнимой задачей, но вовсе не из-за приводимых подробностей. Проблема была в том, что Онни заявила свои права на Зака, на память о нем.

Онни написала мне письмо (один из шагов в ее программе реабилитации), в котором извинилась за то, что спала с Заком, и за то, что «докучала» мне после его смерти. Призналась, что звонила мне по ночам и вешала трубку. (Остальные звонки, по словам полиции, результат сбоя в центре обработки вызовов. Мне посоветовали обратиться к оператору связи.) Не хочу больше никогда ее видеть. Иногда вспоминаю ее лицо и руки в шрамах, ее ранимость и вымученную благодарность, и гадаю, могли ли все сложиться иначе.

В последнее время люди ко мне очень добры, даже слишком. Не только Пегги и Джейн и коллеги в школе, но и полиция. Все делают вид, что понимают, почему я убедила себя в том, что Зак жив. Никто не обращается со мной как с сумасшедшей. Периваль проворчал, что у Морроу «не хватает опыта в таких деликатных дела», и с готовностью выложил мне все доказательства, в первую очередь отчет экспертов с места аварии. Там было много чего: черные следы шин на асфальте, вытекшие технические жидкости, состояние обломков автомобиля, дорожные условия и компьютерный чип, доказывающий, что «Фиат» ехал со скоростью свыше восьмидесяти миль в час. «Машину вовсе не припарковали у дерева, а затем поднесли спичку», – заверил меня Периваль. Также он помог мне связаться с Полом Джонсом, ведущим поиск пропавших без вести в Девоне и Корнуолле. Пол сказал, что поиски исчезнувшего Джолиона Харрисона никогда не были делом первостепенной важности. Джолион не относился ни к категории социально не защищенных, ни к категории опасных для общества людей. Пара свидетелей из ночного клуба в Бьюде заявила, что он собирался заняться каким-то бизнесом в Камбодже. К тому же выяснилось, что он много кому задолжал в Труро. Из этого инспектор Пол Джонс заключил, что Джолион «попал в переплет и дал деру».

Периваль сказал, что дневник – моя страховка.

– Теперь мистер Хопкинс не вернется, даже если сильно захочет. Его мигом арестуют, не успеет он и в дверь войти.

– Подыгрываете мне? – спросила я, глядя ему в глаза.

Он лишь улыбнулся в ответ.

Большую часть моих страхов удалось развеять. Я уже знала, что

одежда и картина из Галлза хранились у Онни, она же разгромила студию Зака на следующий день после его гибели. Выяснилось, что Пегги разозлилась на мою прижимистость по отношению к Алфи и, решив, что я все равно не замечу, самовольно забрала капиллярные ручки Зака. Она же принесла ко мне в дом красную помаду, которую обнаружила у себя за диваном. Просто сказать забыла. Про мертвую птицу разузнала Джейн. Оказывается, это совсем не исключительный случай. Окна домов, автомобили и кошки – три основные причины гибели птиц в Великобритании. Как заявил Британский фонд орнитологии, ежегодно в окна врезаются сто миллионов птиц, и треть из них погибает.

Нападение на Сэма – одно из нескольких, произошедших той зимой. После шторма Говард нашел в саду отправленную мозговую косточку, которую Зак спрятал на стене сарая. Под воздействием влаги ксанакс утратил часть своих свойств, поэтому пес заболел, но не умер. Мужчина в ванной, о котором говорила мама, тоже, скорее всего, Зак – так ее мозг реагировал на шок от их первой встречи. Два пропавших фарфоровых домика обнаружились у Пегги. «Ей-же-ей! Ты их искала? Прости. Можешь забрать, если они тебе так нравятся». Думаю, мамино кольцо украла медсестра в больнице.

Когда я решила, что видела его на парковке рядом со стадионом, у меня просто разыгралось воображение, я пошла на поводу у своей навязчивой идеи. Все это время я жила лишь ею. Джейн и Пегги не сговариваясь заявили, что я стала «жертвой» одержимости Зака. Да только я и сама была им одержима. Некоторые записи в его дневнике меня шокируют. И все же стоит мне вспомнить Зака, и мое сердце бьется быстрее, глубоко внутри все сжимается. Пегги говорит, что он «пускал мне пыль в глаза», но это неправда. Точнее, не вся правда. Думаю, я всегда знала: что-то с ним совсем не так. В худшие моменты я задаюсь вопросом: а не любила ли я его за то, каким он был? Возможно, его возбудимость и вспышки ревности заставляли меня чувствовать себя живой. Если я полюбила убийцу, то что же собой представляю я сама? Ошибся он лишь в одном: я простила бы его за то, что он спал с Онни. Он не ведал, что творил. В конечном итоге я, вероятно, простила бы его, даже если бы это было не так.

Меня спрашивают, не жалею ли я о том, что вообще встретила его. Что за нелепость! Это все равно что отторгнуть собственную суть, собственную плоть и кровь.

Моя любовь была взаимной. Теперь я это знаю. Сэм тоже прочел дневник и сказал, что Зак вел его, чтобы держать ситуацию под контролем

и любоваться самим собой. «Социопат упивается собственным враньем. Он ликует, когда удается обмануть окружающих». Я с ним не согласна. Если закрыть глаза на некоторые вещи, забыть других женщин и Онни, то дневник Зака – объяснение в любви. Любовь ко мне привела его к гибели. Уравнение простое. После его смерти мой разум либо подтасовывал факты, либо неправильно их интерпретировал, упорно возвращался к призракам прошлого и мечтал о мести, жаждал физической расправы над собой. Люди хлопают меня по плечу и обнимают. Пусть сколько душе угодно разглагольствуют о горе и утрате, насилии в семье и психологии жертвы. Порой мне кажется, что опасаться нужно уже меня...

Эпилог

Май 2014

Выходные мы провели в Нортумберленде. Родители Сэма живут в Ньюкасле, и перед поездкой на побережье мы заехали к ним на несколько дней. Я сняла коттедж на островке напротив Берика, воспользовавшись веб-сайтом Общества охраны памятников. Мы решили показать Агнессе море.

Дождь почти не прекращался, и мы сидели дома либо бродили по местным магазинчикам. В воскресенье солнце, наконец, прорвалось через тучи, и мы доехали до парковки на вершине утеса, что нашли по карте. До берега идти было далековато: через поле, над которым порхали два жаворонка, потом до края утеса и вниз по извилистой тропке. Спустившись, мы устроили привал посреди песчаных дюн. Говард гонялся за морскими птицами, Агнесса сидела на коврике, прислонившись спиной к корзинке для пикника, и размахивала крошечными кулаками.

Мы взяли с собой сосиски, хлеб и вино, Сэм набрал плавника для костра. Вокруг никого не было. Ну, или почти никого – пара человек вдалеке. Я их сразу заметила, потому что к случайным прохожим отношусь с опаской. Когда теряешь близкого, какими бы трудными ни были ваши отношения, то всегда чувствуешь, будто чего-то не хватает. Впереди был праздничный день, Мы с Сэном, сидя посреди песчаного пляжа, наслаждались отдыхом, ветерок трепал траву неподалеку. В воздухе витал аромат лета. Что за блаженство!

Узнав, что спички остались дома у плиты, я вызвалась за ними сходить. Я люблю Сэма. Я люблю нашу дочь. Каждый день мне хочется себя ущипнуть, потому что я до сих пор не верю своему счастью. Тем не менее я довольно часто нахожу возможности побывать одной.

По пути сюда мы проходили мимо заправки. Я поднялась наверх, села в машину и поехала туда, припарковалась на стоянке сбоку от бензоколонок. Других машин не было. Внутри у конторки сидела девушка с мешками под глазами. Я выбирала шоколадку в пустом магазинчике и вдруг ощутила чье-то присутствие. Дверь открылась так тихо, что я даже не услышала. Высокий темноволосый мужчина достал из холодильника пинту молока.

Знакомая осанка – чуть сутулый, одно плечо немного ниже другого. Ботинки вроде тех, что носят на стройке, джинсы и голубая рубашка. Он

идет через весь магазин к стойке и расплачивается. Я стою сзади, еле дыша. Лица почти не видно, кожа загорелая и обветренная, пряди волос падают на лоб.

Он доходит до двери и оборачивается, почувствовав мой взгляд. На миг мы встречаемся глазами.

Конечно, это не он! Очень высокий, черты лица слишком угловатые. Но я и на дюйм не сдвинулась, пока дверь за ним не закрылась.

Вряд ли я когда-нибудь обрету свободу. Несмотря ни на что, я всегда буду оглядываться, желая его увидеть.

Листаю журнал и жду, пока мужчина уйдет.

notes

1

Песня «Грейс Келли» британского певца Мика (настоящее имя Майкл Холбрук Пенниман). – *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.*

2

«Антикварные гастроли» – популярная телепрограмма на Би-би-си. Антиквары-профессионалы разъезжают по стране и оценивают старинные предметы.

3

Матар панир – зеленый горошек и сыр в томатном соусе. – *Примеч.*
ред.

4

Таджин – блюдо из мяса и овощей.

5

«Лягушка» или «Снэп» – распространенная детская карточная игра.

6

Возрастная группа девочек-скаутов.

7

Ройден – привилегированная частная школа для девочек в Брайтоне.

8

Товарный знак, под которым выходят детские книги издательства «Пингвин».

9

Ненавистный человек (*фр.*).

10

Наркотический анальгетик.

11

Сильнодействующий транквилизатор.

12

Применяется в США для лечения синдрома дефицита внимания и гиперактивности.

13

У. Шекспир, «Отелло». Пер. Б. Пастернака.

14

МДПВ – метилендиоксипировалерон, мощный синтетический наркотик, обладающий стимулирующим действием.